Дневник партизанских действии 1812 года

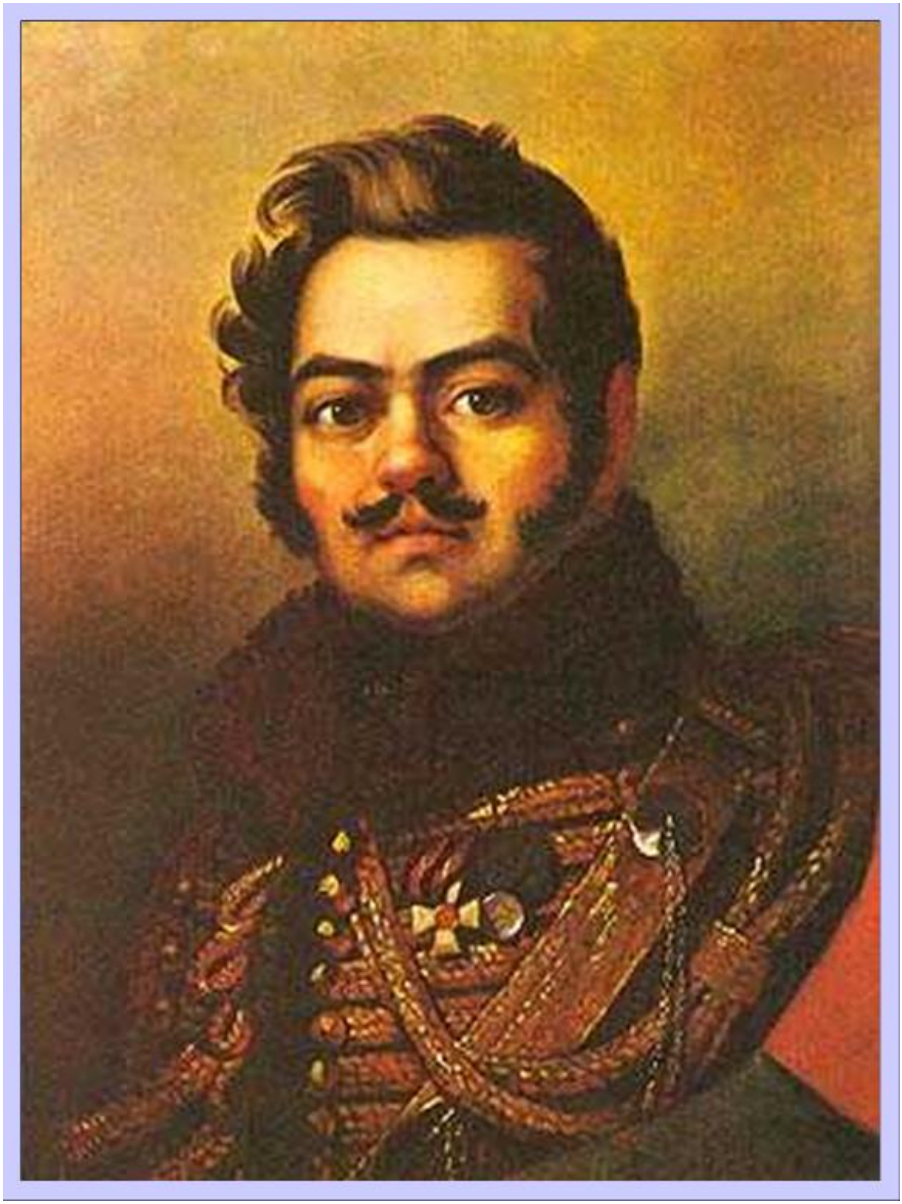
Денис Давыдов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Денис Васильевич Давыдов - Васильевич - знаменитый партизан, поэт, военный историк и теоретик. Написанные им в 1835 году воспоминания до сих пор сохраняют значение важных источников для истории войны той эпохи.

-
-
-



Д. В. Давыдов.
Дневник партизанских действии 1812 года

В 1807 по 1812 год я был адъютантом покойного князя Петра Ивановича
Багратиона. В Пруссии, в Финляндии, в Турции; везде близ

стремя сего
блистательного полководца. Когда противные обстоятельства отрывали его от
действовавших армий, тогда он, по желанию моему, оставлял меня при них; так
я прошел курс аванпостной службы при Кульневе в 1808 году в Северной
Финляндии и при нем же в Турции в 1810 году, во время предводительства
графа Каменского.

В 1812 году поздно было учиться. Туча бедствий налегла на отечество, и
каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями.
Я просил у князя позволение стать в рядах Ахтырского гусарского полка. Он
похвалил мое рвение и писал о том к военному министру. 8-го апреля я был
переименован в подполковники с назначением в Ахтырский гусарский полк,
расположенный тогда близ Луцка. 18-го мая мы выступили в поход к
Бресту-Литовскому.

Около 17-го июня армия наша находилась в окрестностях Волковиска; полк наш
находился в Заблудове, близ Белостока.

Семнадцатого июня началось отступление. От сего числа до назначения меня
партизаном я находился при полку; командовал первым баталионом оного[2],
был в сражениях под Миром, Романовым, Дашковкой и во всех аванпостных
сшибках, до самой Гжати.

Видя себя полезным отечеству не более рядового гусара, я решился просить
себе отдельную команду, несмотря на слова, произносимые и превозносимые
посредственностию: никуда не проситься и ни от чего не отказываться.
Напротив, я всегда уверен был, что в ремесле нашем тот

только выполняет
долг свои, который переступает за черту свою, не равняется духом, как
плечами, в шеренге с товарищами, на все напрашивается и ни от чего не
отказывается.

При сих мыслях я послал к князю Багратиону письмо следующего содержания:

"Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего,
столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел
предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если
смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в
рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни
предпринять, ни исполнить ничего замечательного. Князь! Вы мой единственный
благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений;
если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте
надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду,
тот поддержит честь сию со всею ревностию, какой бедственное положение
любезного нашего отечества требует. Денис Давыдов".

Двадцать первого августа князь позвал меня к себе[3]; представ к нему, я
объяснил ему выгоды партизанской войны при обстоятельствах того времени:
"Неприятель идет одним путем, - говорил я ему, - путь сей протяжением своим
вышел из меры; транспорты жизненного и боевого продовольствия неприятеля
покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее. Между тем обширность
части России, лежащей на юге Московского пути, способствует изворотам не

только партий, но и целой нашей армии. Что делают толпы казаков при
авангарде?

Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить
остальное на партии и пустить их в средину каравана, следующего за
Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? - Им есть довольно простора,
чтобы избежать поражения. Оставят ли их в покое? - Они истребят источник
силы и жизни неприятельской армии. Откуда возьмет она заряды и пропитание?
- Наша земля не так изобильна, чтобы придорожная часть могла пропитать
двести тысяч войска; оружейные и пороховые заводы - не на Смоленской
дороге. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны
поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную. Князь! откровенно
вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что
они не закрывают недра России. Кому не известно, что лучший способ защищать
предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в
перпендикулярном или, по крайней мере, в косвенном положении армии
относительно к сему предмету? И потому, если не прекратится избранный
Барклаем и продолжаемый светлейшим род отступления, - Москва будет взята,
мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов!.. [4] Я
теперь обращаюсь к себе собственно: если должно непременно погибнуть, то
лучше я лягу здесь! В Индии я пропаду со ста тысячами моих
соотечественников, без имени и за пользу, чуждую России, а здесь я умру под
знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущие на
насилие и безбожие врагов наших... А кто знает! Может быть,

и армия,
определенная действовать в Индии!.."

Князь прервал нескромный полет моего воображения; он пожал мне руку и
сказал: "Нынче же пойду к светлейшему и изложу ему твои мысли".

Светлейший в то время отдыхал. До пробуждения его вошли к князю Василий и
Дмитрий Сергеевичи Ланские, которым он читал письмо, полученное им от графа
Ростопчина, в котором сказано было: "Я полагаю, что вы будете драться,
прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете к Москве,
я выйду из нее к вам на подпору со ста тысячами вооруженных жителей; если и
тогда неудача, то злодеям вместо Москвы один ее пепел достанется". Это
намерение меня восхитило. Я видел в исполнении оного сигнал общего
ополчения.

Весь тот день светлейший был занят, и потому князь отложил говорить ему обо
мне до наступающего дня. Между тем мы подошли к Бородину. Эти поля, это
село мне были более, нежели другим, знакомы! Там я провел и беспечные лета
детства моего и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе. Но в каком
виде нашел я приют моей юности! Дом отеческий одевался дымом биваков; ряды
штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на
родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где некогда я резвился и
мечтал, где я с алчностию читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о
перекатах грома русского оружия на границах Франции, - там закладывали
редут Раевского [5]; красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и

кипел егерями, как некогда стаею гончих собак, с которыми я носился по мхам
и болотам. Все переменилось! Завернутый в бурку и с трубкою в зубах, я
лежал под кустом леса за Семеновским, не имея угла не только в собственном
доме, но даже и в овинах, занятых начальниками. Глядел, как шумные толпы
солдат разбирали избы и заборы Семеновского, Бородина и Горок для строения
биваков и раскладывания костров... Слезы воспоминания сверкнули в глазах
моих, но скоро осушило их чувство счастия видеть себя и обоих братьев своих
вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею!

Так как 2-я армия составляла левый фланг линии, то князь остановился в
Семеновском. Вечером он прислал за мною адъютанта своего Василья Давыдова и
сказал мне: "Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл
французской армии, но, полагая успех предприятия сомнительным, назначает
только пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков; он хочет, чтобы ты сам
взялся за это дело". Я отвечал ему: "Я бы стыдился, князь, предложить
опасное предприятие и уступить исполнение этого предприятия другому. Вы
сами знаете, что я готов на все; надо пользу - вот главное, а для пользы -
людей мало!" - "Он более не дает!" - "Если так, то я иду и с этим числом;
авось либо открою путь большим отрядам!" - "Я этого от тебя и ожидал, -
сказал князь, - впрочем, между нами, чего светлейший так опасается? Стоит
ли торговаться несколькими сотнями людей, когда дело идет о том, что, в
случае удачи, он может разорить у неприятеля и заведения, и подвозы, столь
для него необходимые, а в случае неудачи лишится горстки людей? Как же

быть! Война ведь не для того, чтобы целоваться". - "Верьте, князь, -
отвечал я ему, - ручаюсь честью, что партия будет цела; для сего нужны
только при отважности в залетах - решительность в крутых случаях и
неусыпность на привалах и ночлегах; за это я берусь... только, повторяю,
людей мало; дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет". - "Я бы
тебе дал с первого разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дела делать, но об
этом нечего и говорить; фельдмаршал сам назначил силу партии; надо
повиноваться".

Тогда князь сел писать и написал мне собственною рукой инструкцию, также
письма к генералам Васильчикову и Карпову: одному, чтобы назначил мне
лучших гусаров, а другому - лучших казаков; спросил меня: имею ли карту
Смоленской губернии? У меня ее не было. Он дал мне свою собственную и,
благословя меня, сказал: "Ну, с богом! Я на тебя надеюсь!" Слова эти мне
очень памятны!

Двадцать третьего рано я отнес письмо к генерал-адъютанту Васильчикову. У
него много было генералов. Не знаю, как узнали они о моем назначении; чрез
окружавших ли светлейшего, слышавших разговор его обо мне с князем, или
чрез окружавших князя, стоявших пред овином, в котором он мне давал
наставления? Как бы то ни было, но господа генералы встретили меня шуткою:
"Кланяйся Павлу Тучкову [6] , - говорили они, - и скажи ему, чтобы он
уговорил тебя не ходить в другой раз партизанить". Однако если некоторым из
них гибель моя представлялась в любезном виде, то некоторые соболезновали о

моей участи, а вообще все понимали, что жить посреди неприятельских войск и
заведений с горстью казаков - не легкое дело, особенно человеку, который
почитался ими и остряком, и поэтом, следственно, ни к чему не способным.
Прощу читателя привести на память случай сей, когда я сойдусь с армиею под
Смоленском.

Вышедши от Васильчикова, я отправился за гусарами к Колоцкому монастырю,
куда тот день отступал арьергард наш под командою генерала Коновницына.
Проехав несколько верст за монастырь, мне открылась долина битвы.
Неприятель ломил всеми силами, гул орудий был неразрывен, дым их мешался с
дымом пожаров, и вся окрестность была как в тумане. Я с арьергардом ночевал
у монастыря, полагая назавтра отобрать назначенных мне гусаров и ехать за
казаками к Карпову, находившемуся на оконечности левого фланга армии.

Но 24-го, с рассветом, началось дело с сильнейшею яростью. Как оставить
пир, пока стучат стаканами? Я остался. Неприятель усиливался всеминутно.
Грозные тучи кавалерии его окружали фланги нашего арьергарда, в одно время
как необозримое число орудий, размещенных пред густыми пехотными громадами,
быстро подвигались прямо на него, стреляя беглым огнем беспрерывно. Бой
ужасный! Нас обдавало градом пуль и картечей, ядра рыли колонны наши по
всем направлениям... Кости трещали! Коновницын[7] отослал назад пехоту с
тяжелою артиллерией и требовал умножения кавалерии.

Уваров прибыл с своею и великодушно поступил под его начальство. Я сам
слышал, как он сказал ему: "Петр Петрович, не то время,

чтобы считаться
старшинством; вам поручен арьергард, я прислан к вам на помощь, -
приказывайте!" Такие черты забываются, зато долго помнят каждую погрешность
против правил французского языка истинного россиянина! Но к славе нашего
отечества, это не один пример: Багратион, после блистательного отступления
своего без ропота поступивший под начальство Барклая в Смоленске; Барклай,
поступивший под начальство Витгенштейна в Бауцене; Витгенштейн, поступивший
снова под начальство Барклая во время и после перемирия; и прежде сего, в
Италии, под Лекко, - Милорадовпч, явившийся под команду младшего себя по
службе Багратиона, - представляют возвышенность в унижении, достойную
геройских времен Рима и Греции!

Я прерываю описание жестоких битв армии. Не моя цель говорить о сражениях,
представленных уже во многих сочинениях, известных свету; я предпринял
описание поисков моей партии, к ним и обращаюсь.

Получа пятьдесят гусаров и вместо ста пятидесяти - восемьдесят казаков и
взяв с собою Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистра Бедрягу 3-го,
поручиков Бекетова и Макарова и с казацкой командой - хорунжих Талаева и
Григория Астахова, я выступил чрез село Сивково, Борис-Городок - в село
Егорьевское, а оттуда на Медынь - Шанский завод - Азарово - в село
Скугорево. Село Скугорево расположено на высоте, господствующей над всеми
окрестностями, так что в ясный день можно обозревать с нее на семь или
восемь верст пространства. Высота сия прилегает к лесу, простирающемуся
почти до Медыни. Посредством сего леса партия моя могла

скрывать свои
движения и, в случае поражения, иметь в нем убежище. В Скугореве я избрал
первый притон.

Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Несчетное число
обозов, парков, конвоев и шаек мародеров следовало за нею по обеим сторонам
дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь,
пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар
разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком
своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда - и сами не ведали.
Но чтобы яснее видеть положение моей партии, надобно взять выше: путь наш
становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, не
прикосновенные неприятелем, немало представляли нам препятствий. Общее и
добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении
ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топорами
и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас
принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли
на помощь к ним и на защиту православныя церкви. Часто ответом нам был
выстрел или пущенный с размаха топор, от ударов коих судьба спасла нас[8].
Мы могли бы обходить селения; но я хотел распространить слух, что войска
возвращаются, утвердить поселян в намерении защищаться и склонить их к
немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля, почему с каждым
селением продолжались переговоры до вступления в улицу. Там сцена
переменялась; едва сомнение уступало место уверенности,

что мы русские, как
хлеб, пиво, пироги подносимы были солдатам.

Сколько раз я спрашивал жителей по заключении между нами мира: "Отчего вы
полагали нас французами?" Каждый раз отвечали они мне: "Да вишь, родимый
(показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежу схожо". - "Да
разве я не русским языком говорю?" - "Да ведь у них всякого сбора люди!"
Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить
языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде[9]. Я надел
мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ
св. Николая[10] и заговорил с ними языком народным.

Но сколь опасности сии были ничтожны перед ожидавшими нас на пространстве,
занимаемом неприятельскими отрядами и транспортами! Малолюдность партии в
сравнении с каждым прикрытием транспорта и даже с каждою шайкой мародеров;
при первом слухе о прибытии нашем в окрестности Вязьмы, сильные отряды, нас
ищущие; жители, обезоруженные и трепещущие французов, следственно, близкие
нескромности, - все угрожало нам гибелью.

Дабы избежать ее, день мы провождали на высотах близ Скугорева, скрытно и
зорко; .перед вечером, в малом расстоянии от села, раскладывали огни;
перейдя гораздо далее, в месте, противном тому, где определяли ночлег,
раскладывали другие огни и наконец, войдя в лес, провождали ночь без огня.
Если случалось в сем последнем месте встретить прохожего, то брали его и
содержали под надзором, пока выступали в поход. Когда же он успевал
скрыться, тогда снова переменяли место. Смотря по

расстоянию до предмета,

на который намеревались учинить нападение, мы за час, два или три до

рассвета подымались на поиск и, сорвав в транспорте неприятеля, что по

силе, обращались на другой; нанеся еще удар, возвращались окружными

дорогами к спасительному нашему лесу, коим мало-помалу снова пробирались к

Скугореву.

Так мы сражались и кочевали от 29-го августа до 8-го сентября. Так, полагаю

я, начинал Ермак, одаренный высшим против меня дарованием, но сражавшийся

для тирана, а не за отечество. Не забуду тебя никогда, время тяжкое! И

прежде, и после я был в жестоких битвах, провождал ночи стоя, приклонясь к

седлу лошади и рука на поводьях... Но не десять дней, не десять ночей

сряду, и дело шло о жизни, а не о чести.

Узнав, что в село Токарево пришла шайка мародеров, мы 2-го сентября на

рассвете [11] напали на нее и захватили в плен девяносто человек,

прикрывавших обоз с ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и

крестьяне занялись разделением между собою добычи, как выставленные за

селением скрытные пикеты наши дали нам знать о приближении к Токареву

другой шайки мародеров. Это селение лежит на скате возвышенности у берега

речки Вори, почему неприятель нисколько не мог нас приметить и шел прямо

без малейшей осторожности. Мы сели на коней, скрылись позади изб и за

несколько саженей от селения атаковали его со всех сторон с криком и

стрельбою, ворвались в средину обоза и еще захватили семьдесят человек в

плен.

Тогда я созвал мир и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших
войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского; роздал крестьянам взятые у
неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал
наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих.
"Примите их, - говорил я им, - дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не
зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть
съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите,
что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу
избы или на улице поставленное, и совершите то, что бог повелел совершать с
врагами христовой церкви и вашей родины. Истребив их, закопайте тела в
хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. Во всяком случае,
берегитесь, чтобы место, где тела зарыты, не было приметно от свежей,
недавно вскопанной земли; для того набросайте на него кучу камней, бревен,
золы или другого чего. Всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и
прочее, - все жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов.
Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет
рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги, или ваше имущество;
но, отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие, вас
всех побьет и село сожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о
чем я приказываю; да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три
или четыре парня, которые, когда завидят очень многое число французов,
садились бы на лошадей и скакали бы врознь искать меня, - я

приду к вам на
помощь. Бог велит православным христианам жить мирно между собою и не
выдавать врагам друг друга, особенно чадам антихриста, которые не щадят и
храмы божии! Все, что я вам сказал, перескажите соседям вашим".

Я не смел дать этого наставления письменно, боясь, чтобы оно не попалось в
руки неприятеля и не уведомило бы его о способах, данных мною жителям для
истребления мародеров.

После сего, перевязав пленных, я определил к ним одного урядника и девять
казаков, к которым присоединил еще двадцать мужиков. Весь этот транспорт
отправлен был в Юхнов для сдачи городскому начальству под расписку [12].
Казакам сим я приказал дождаться партии в Юхнове, уверясь, что по ее
малолюдству мне нельзя будет оставаться долго в местах, неприятелем
наполненных. Однако мне хотелось испытать еще судьбу с горстью моих
товарищей и побороться с невозможностью; а так как обязанность моя не
состояла в поражении бродяг, но в истреблении транспортов жизненного и
военного продовольствия французской армии, то я, по распространении
наставления, данного мною токаревским крестьянам, по всем селениям, чрез
которые проходила партия моя, взял направление к Цареву-Займищу, лежащему
на столбовой Смоленской дороге.

Был вечер ясный и холодный. Сильный дождь, шедший накануне, прибил пыль по
тропинке, коею мы следовали связно и быстро. В шести верстах от села
попался нам разъезд неприятельский, который, не видя нас, шедших лощиною

вдоль опушки леса, беззаботно продолжал путь свой. Если бы я не имел нужды
в верном известии о Цареве-Займище, занимаемо ли оно войском и какой оно
силы, я бы пропустил разъезд этот без нападения, опасаясь, в случае
упущения одного из разъездных, встревожить отряд или прикрытие транспорта,
в селе находившегося. Но мне нужен был язык, и потому я нарядил урядника
Крючкова с десятью доброконными казаками наперехват вдоль по лощине, а
других десять - прямо на разъезд. Разъезд, видя себя окруженным,
остановился и сдался в плен без боя. Он состоял из десяти рядовых при одном
унтер-офицере. Мы узнали, что в Цареве-Займище днюет транспорт с снарядами
и с прикрытием двухсот пятидесяти человек конницы.

Дабы пасть как снег на голову, мы свернули с дороги и пошли полями,
скрываясь опушками лесов и по лощинам; но за три версты от села, при выходе
на чистое место, встретились с неприятельскими фуражирами, числом человек в
сорок. Увидя нас, они быстро обратились во всю прыть к своему отряду.
Тактические построения делать было некогда, да и некем. Оставя при пленных
тридцать гусаров, которые, в случае нужды, могли служить мне резервом, я с
остальными двадцатью гусарами и семьюдесятью казаками помчался в погоню и
почти вместе с уходившими от нас въехал в Царево-Займище, где застал всех
врасплох. У страха глаза велики, а страх неразлучен с беспорядком. Все
рассыпалось при нашем появлении: иных мы захватили в плен, не только без
оружия, но даже без одежды, иных вытащили из сараев; одна только толпа в
тридцать человек вздумала было защищаться, но была рассеяна и положена на

месте. Сей наезд доставил нам сто девятнадцать рядовых, двух офицеров,
десять провиантских фур и одну фуру с патронами. Остаток прикрытия спасся
бегством.

Добычу нашу мы окружили и повели поспешно чрез село Климове и Кожине в
Скугорево, куда прибыли в полдень 3-го числа.

Партия моя, быв тридцать часов беспрерывно в походе и действии, требовала
отдохновения, почему она до вечера 4-го числа оставалась на месте. Для
облегчения лошадей я прибегнул к способу, замеченному мною на аванпостах
генерала Юрковского еще в 1807 году. Исключив четыре казака для двух
пикетов и двадцать - для резерва (который, хотя должен был находиться при
партии, но всегда был в готовности действовать при первом выстреле
пикетов), остальных девяносто шесть человек я разделил надвое и приказал в
обеих частях расседлывать по две лошади на один час для промытия и присыпки
ссадин и также для облегчения. Чрез час сии лошади вновь седлались, а новые
расседлывались; таким образом в двадцать четыре часа освежалось девяносто
шесть лошадей. В тот же день, по просьбе резерва, я позволил и оному
расседлывать по одной лошади на один час.

Пятого числа мы пошли на село Андреевское, но на пути ничего не взяли,
кроме мародеров, числом тридцать человек.

Шестого мы обратились к Федоровскому (что на столбовой Смоленской дороге),
рассеевая везде наставление, данное мною токаревским крестьянам. На пути
встретили мы бежавшего из транспорта наших пленных Московского пехотного

полка рядового, который нам объявил, что транспорт их из двухсот рядовых
солдат остановился ночевать в Федоровском и что прикрытие оного состоит из
пятидесяти человек. Мы удвоили шаг и едва показались близ села, как уже без
помощи нашей все в транспорте сем приняло иной вид: пленные поступали в
прикрытие, а прикрытие - в пленных.

Вскоре после сего я извещен был о пребывании в Юхнове дворянского
предводителя, судов и земского начальства, также и о бродящих без общей
цели двух слабых казачьих полках в Юхновском уезде. Известие сие немедленно
обратило меня к Юхнову, куда чрез Судейки, Луково и Павловское я прибыл
8-го числа.

Пришедши туда, я бросился к двух привлекавшим меня предметам: к образованию
поголовного ополчения и к присоединению к партии моей казацких полков, о
коих я упомянул выше.

До первого достиг беспрепятственно: дворянский предводитель Семен Яковлевич
Храповицкий подал мне руку помощи со всею ревностию истинного сына
Отечества. Сей почтенный старец не только оказал твердость духа, оставшись
для примера дворянам с семейством своим на аванпостах Калужской губернии,
но ознаменовал особенную силу воли и неусыпную строгость в надзоре за
принятыми им мерами к подъятию оружия жителями Юхновского уезда. Отставной
капитан Бельский назначен был ими начальствовать. К нему присоединились
двадцать два помещика; сто двадцать ружей, партиею моей отбитые, и одна
большая фура с патронами поступили для употребления первым ополчившимся,

которым сборное место я показал на реке Угре, в селе Знаменском.

Второе требовало со стороны моей некоторой хитрости: означенные казацкие
полки были в ведении начальника калужского ополчения, отставного
генерал-лейтенанта Шепелева [13]. Личное добродушие и благородство его мне
были давно известны, но я знал, что такое начальник ополчения, которому
попадается в руки военная команда! Сколь таковое начальство льстит его
самолюбию! На сем чувстве я основал предприятие мое. Уверен будучи, что
требование сих полков в состав моей партии, если она останется от него
независимою, будет без успеха, я сам будто бы добровольно поступил под его
начальство. Еще из села Павловского я отправил к нему с рапортом поручика
Бекетова. В рапорте я говорил, что, "избрав для поисков моих часть, смежную
с губерниею, находящеюся под ведением его превосходительства относительно
военных действий, я за честь поставляю служить под его командою и за долг -
доносить о всем происходящем". Из Юхнова я послал другого курьера с
описанием слабых успехов моих и с испрошением ходатайства его об
отличившихся (истинные рапорты мои посылаемы были прямо к дежурному
генералу всех российских армий Коновницыну). Добрый мой Шепелев растаял от
восхищения. Он уже возмечтал, что я действую по его плану, что он поражает
неприятеля! 9-го числа я послал к нему нового курьера с красноречивейшим
описанием пользы единства в действии и, как следует, заключил рапорт
покорнейшею просьбою об усилении меня казацкими полками, находящимися,
подобно партии моей, под его командою.

Во время продолжения дипломатической переписки моей я занимался рассылкою
чрез земское начальство предписаний о поголовном ополчении.

Между тем из двухсот отбитых нами пленных я выбрал шестьдесят не рослых, а
доброхотных солдат; за неимением русских мундиров одел их во французские
мундиры и вооружил французскими ружьями, оставя им для приметы русские
фуражки вместо киверов.

Еще мы были в неведении о судьбе столицы, как 9-го числа прибыл в Юхнов
Волынского уланского полка майор Храповицкий [14] , сын юхновского
дворянского предводителя, и объявил нам о занятии Москвы французами.

Я ожидал события сего и доказывал неминуемость оного, если продолжится
отступление по Смоленской дороге, но при всем том весть сия не могла не
потрясти душу, и, сказать правду, я и товарищи мои при первых словах очень
позадумались! Однако, так как все мы были неунылого десятка, то и начали
расспрашивать Храповицкого о подробностях. Он уверил нас, что оставил армию
в Красной Пахре; что она продолжает движение свое для заслонения Калужской
дороги; что Москва предана огню[15] и что никто в армии не помышляет о
мире... Я затрепетал от радости и тут же всем находившимся тогда в городе
помещикам и жителям предсказал спасение отечества, если Наполеон оставит в
покое армию нашу между Москвою и Калугою до тех пор, пока она усилится
следуемыми к ней резервными войсками и с Дону казаками. Кто мало-мальски
сведущ был в высшей военной науке, тому последствие

превосходного движения
светлейшего в глаза бросалось. Я счел за лишнее учить стратегии юхновских
помещиков, как некогда Колумб не заблагорассудил учить астрономии
американских дикарей, предсказывая им лунное затмение. Вечером я получил
письмо калужского гражданского губернатора, от 8-го сентября, следующего
содержания:

"Все свершилось! Москва не наша: она горит!.. Я от 6-го числа из Подольска.
От светлейшего имею уверение, что он, прикрывая Калужскую дорогу, будет
действовать на Смоленскую. Ты не шути, любезный Денис Васильевич! Твоя
обязанность велика! Прикрывай Юхнов, и тем спасешь средину нашей губернии;
но не залетай далеко, а держись Медыни и Масальска; мне бы хотелось, чтобы
ты действовал таким образом, чтобы не навлечь на себя неприятеля".

Я принял уверенность на меня с самолюбием смертного, но робкий совет не
навлекать на себя (то есть на Калугу и на калужского губернатора)
неприятеля - оставил без внимания.

Десятого, вечером, я получил от начальника калужского ополчения предписание
принять в мою команду требуемые мною казачьи полки и приставшего к партии
моей маиора Храповицкого.

Одиннадцатого мы отслужили молебен в присутствии гражданских чиновников и
народа и выступили в поход с благословениями всех жителей. С нами пошли:
отставной мичман Николай Храповицкий, титулярный советник Татаринов,
шестидесятилетний старец, и землемер Макаревич; прочие помещики остались

дома, довольствуясь ношением охотничьих кафтанов, препоясанные саблями и с
пистолетами за поясом. К вечеру мы прибыли в Знаменское и соединились с
полками 1-м Бугским и Тептярским. Первый состоял из шестидесяти человек, а
второй - из ста десяти.

Прежде нежели описывать действия войск, чрез неожиданное умножение
поступивших из, так сказать, разбойнической шайки в наездничью партию, не
лишнее будет познакомить читателя с частными начальниками оной.

Волынского уланского полка маиор Степан Храповицкий[16] - росту менее
среднего, тела тучного, лица смуглого, волоса черного, борода клином; ума
делового и веселого, характера вспыльчивого, человек возвышенных чувств,
строжайших правил честности и исполненный дарований как для поля сражения,
так и для кабинета; образованности европейской.

Состоявший по кавалерии ротмистр Чеченский[17] - черкес, вывезенный из
Чечни младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый,
горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора
орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг;
предприимчивости беспредельной, сметливости и решимости мгновенных.

Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистр Николай Бедряга[18] - малого
росту, красивой наружности, блистательной храбрости, верный товарищ на
биваках; в битвах - впереди всех, горит, как свечка.

Того же полка поручик Дмитрий Бекетов[19] - росту более нежели среднего,

тела тучного, круглолицый, златокудрый. Сердцем - малый, как говорится,
рубаха, весельчак, с умом объемистым, тонким и образованным; офицер весьма
храбрый и надежный даже и для отдельных поручений.

Того же полка поручик Макаров[20] - росту высокого, широкоплечий и силы
необыкновенной, без образования, но с умом точным. Агнец между своими, тигр
на поле битвы.

1-го Бугского полка сотник Ситников, шестидесятилетний старец, и Мотылев,
молодой офицер. Оба. отличной храбрости и неутомимой деятельности офицеры.

Хорунжий Талаев и Григорий Астахов - офицеры обыкновенные.

Иловайского 10-го полка урядник Крючков [21] - молодой парень, ездок
отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской.

Шкляров [22] - старший вахмистр отряда гусаров моей партии, храбрый
исполнитель приказаний без размышления.

Иванов - вахмистр Ахтырского гусарского полка. Головорез, за буянство и
разврат несколько раз разжалованный мною в рядовые и за храбрость несколько
раз пожалованный в вахмистры. Скрыпка и Колядка - надежные вахмистры.
Гусары все были отличного военного поведения. Наименую тех из них, коих не
забыл имена: Федоров, Зворич, Мацыпура, Жирко, Форост, Гробовой, Мацырюк,
Пучков, Егоров, Зола, Шкредов, Крут, Бондарев, Куценко, Приман, Осмак,
Лишар.

Урядники Донского войска, кои остались у меня в памяти,

были: Тузов,

Логинов, Лестов; казаки: Афонин, Антифеев, Волков, Володька. Сожалею, что

забыл остальных, ибо большая часть из них достойны быть известными.

На 12-е [сентября] я предпринял поиск в самой Вязьме. Сердце радовалось при

обзоре вытягивавшихся полков моих. С ста тридцатью всадниками я взял триста

семьдесят человек и двух офицеров, отбил своих двести и получил в добычу

одну фуру с патронами и десять провиантских фур... Тут же я командовал

тремястами всадников; какая разница! какая надежда! К тому же ревность

обывателей, деятельность дворянского предводителя в разглашении о

поголовном ополчении, в продовольствии моей партии, в устроении на

собственное иждивение лазарета в Юхнове и, наконец, спасительное движение

армии на Калужскую дорогу - все улыбалось моему воображению, всегда быстро

летящему навстречу всему соблазнительному для моего сердца!

На рассвете мы атаковали в виду города неприятельский отряд, прикрывавший

транспорт провианта и артиллерийских снарядов. Отпор не соответствовал

стремительности натиска, и успех превзошел мое ожидание: двести семьдесят

рядовых и шесть офицеров положили оружие, до ста человек легло на месте;

двадцать подвод с провиантом и двенадцать артиллерийских палубов с

снарядами достались нам в добычу. Немедленно две фуры с патронами и триста

сорок ружей поступили в распоряжение командовавшего поголовным ополчением

отставного капитана Бельского; и таким образом, с первых дней я имел уже в

Знаменском почти на пятьсот человек готового оружия.

Четырнадцатого мы подошли к селению Теплухе, что на столбовой Смоленской
дороге, и остановились на ночлег со всею военною осторожностью. Там явился
ко мне крестьянин Федор из Царева-Займища с желанием служить в моей партии.
Этот удалец, оставя жену и детей, скрывшихся в лесах, находился при мне до
изгнания неприятеля из Смоленской губернии и только после освобождения оной
возвратился на свое пепелище. По возвращении моем из Парижа, в 1814 году, я
нарочно останавливался в Цареве-Займище, с тем чтобы посетить моего
храброго товарища, но мне сказали, что его уже нет на свете. Он умер от
заразы со многими поселянами, скрывавшимися в лесах во время его ратования.
Какое поучение! И те, кои избегают смерти, и те, кои на нее отваживаются, -
всем равная участь; каждому определен срок неминуемый!.. Стоит ли прятаться
и срамиться!

Четырнадцатого, к вечеру, начали подходить мародеры, а так как мы были
скрыты и во всей осторожности, то брали их без малейшего с их стороны
сопротивления и почти поодиночке. К десяти часам ночи число пленных дошло
до семидесяти человек и двух офицеров; у одного из них все карманы набиты
были грабленными печатками, ножичками и прочим. Надобно, однако, сказать,
что офицер сей был не француз, а вестфалец.

Пятнадцатого, около восьми часов утра, пикетные открыли шедшее от села
Тарбеева большое количество фур, покрытых белым холстом. Некоторые из нас
сели

на коней и, проскакав несколько шагов, увидели их, подобно

флоту, на
парусах подвигавшемуся. Немедленно штабс-ротмистр Бедряга 3-й, поручики
Бекетов и Макаров с гусарами и казачьи полки помчались к ним наперерез.
Передние ударили на прикрытие, которое, после нескольких пистолетных
выстрелов, обратилось в бегство; но, быв охвачено Бугским полком, бросило
оружие. Двести шестьдесят рядовых разных полков, с лошадьми их, два офицера
и двадцать фур, полных хлебом и овсом, со всею упряжью, попались нам в
руки.

До сего времени все предприятия мои были направлены между Гжатью и Вязьмою.
Успех их пробудил деятельность французского губернатора[23]. Он, собрав все
конные, чрез город сей следующие, команды, составил сильный отряд (из двух
тысяч рядовых, восьми офицеров и одного штаб-офицера) и предписал ему[24]
очистить от набегов моих все пространство между Вязьмою и Гжатью, разбить
непременно мою партию и привезти меня в Вязьму живого или мертвого[25]. О
таковой неучтивости я извещен был еще 13-го сентября, а 15-го, по взятии
транспорта, уведомился чрез конного крестьянина, что отряд сей подошел уже
к Федоровскому. Я старался, сколь возможно, чтобы случайность не мешалась в
предприятия и извороты мои, вследствие чего вся моя партия выступила сейчас
из Теплухи и пошла по дороге к селу Шуйскому. Пройдя некоторое расстояние,
она по лощине, покрытой лесом, повернула круто вправо, перешла вне вида
Теплухи столбовую дорогу и отступила чрез Румянцеве в Андреевское. Там,
проведя ночь в строжайшей осторожности, пошла усиленным шагом на село
Покровское, находившееся в пяти верстах от столбовой

дороги.

Перемещение мое основывалось на трех предположениях: или отряд, назначенный
против меня действовать, потеряв меня из виду, обратится к первому
назначению своему, то есть продолжать будет путь свой к Москве; или,
гоняясь за мною от Дорогобужа до Гжати и от Гжати к Дорогобужу, и изнурит
лошадей своих, и представит мне случай поразить его с меньшим затруднением
или, разделясь, чтобы охватить меня, подвергнет себя разбитию по частям.

Восемнадцатого, вечером, по прибытии нашем в село Покровское, крестьянин,
пришедший с большой дороги, объявил нам, что он видел пехотного солдата,
бежавшего из транспорта пленных наших, которые остановились на ночлег в
селе Юреневе, и что сей солдат ночует в селе Никольском, между Юреневом и
Покровским. Я спросил крестьянина, может ли он привести ко мне солдата
сего? Он отвечал, что может, но что так как одному ему идти туда страшно,
то просит казака проводить его. Я ему дал известного урядника Крючкова, и
они отправились.

Девятнадцатого, за два часа перед рассветом, посланные мои возвратились и
привели этого солдата. Он объявил мне, что, точно, тысяча человек наших
пленных остановилась в Юреневе, что часть их заперта в церкви, а часть
ночует в селе по избам, где расположена и часть прикрытия, состоящего всего
из трехсот человек. Я велел садиться на коней, и, пока партия вытягивалась,
Крючков при крестьянине и солдате рассказал мне, как, подъехав к
Никольскому, они встретили прохожего, который объявил им,

что при нем вошла

в оное село шайка мародеров, как крестьянин оробел и не смел войти в село,

но что он, Крючков, расспрося его подробно о месте, где ночует солдат,

надел на себя кафтан крестьянина, вошел в село, наполненное французами,

прямо пришел к сенному сараю, где, по рассказу крестьянина, должен был

ночевать солдат, разбудил и вывел его оттуда. Такой отважный поступок

усугубил большое уважение к нему всех его товарищей, а меня поставил в

приятную обязанность донести о том самому светлейшему.

Мы обошли Никольское и остановились за четверть версты от Юренева; еще было

час времени до рассвета. К несчастью, пока партия была на марше, транспорт

пленных поднялся и пошел далее по Смоленской дороге, оставя место свое трем

баталионам польской пехоты, шедшим от стороны Смоленска в Москву. Один из

них

расположился в селе, а два за церковью, на биваках. Войска сии были в

совершенной оплошности, что доказывает неумышленность сего перемещения.

Основываясь на рассказе солдата и полагая, что в самом селе не более

половины прикрытия, ибо другую половину я полагал около церкви, заключавшей

в себе другую часть наших пленных, я с рассветом осмотрел местоположение и

приказал шестидесяти человекам пехоты, прокравшись лощиною к селу,

вторгнуться в средину улицы, закричать: "Ура, наши, сюда!" - и на штыках

вынести вон неприятеля. Сею пехотою командовал отставной мичман Николай

Храповицкий.

В одно время Бугский полк должен был объехать село и стать на чистом месте,

между деревнею и церковью, дабы отрезать дорогу оставшимся от поражения.

Прежний мой отряд и Тептярский полк я оставил в резерве и расположил

полускрытно около леса, приказав им открывать разъездами столбовую дорогу к

Вязьме.

Распоряжение мое было исполнено со всею точностию, но не с той удачею,

каковую я ожидал. Пехота тихо пробралась лощиною и, бросясь в село, вместо

пленных наших и слабого их прикрытия попалась в средину хотя оплошного, но

сильного неприятельского баталиона. Огонь затрещал из окон и по улице...

Герои! Они опирались брат на брата и штыками пробили себе путь к Бугскому

полку, который подал им руку. В пять минут боя из шестидесяти человек

тридцать пять легло на месте или было смертельно ранено.

Между тем Чеченский с Бугским полком совершенно пресек путь атакованному

баталиону, который, ожидая подкрепления, мнил до прибытия его удержаться в

селе и усилил огонь по нас из изб и огородов. Кипя мщением, я вызвал

охотников зажечь избы, в коих засел неприятель... Первыми на то отважились

оставшиеся мои двадцать пять героев! Избы вспыхнули, и более двухсот

человек схватилось пламенем. Поднялся крик ужасный, но было поздно! Видя

неминуемую гибель, баталион стал выбегать из села вроссыпь. Чеченский сие

приметил, ударил и взял сто девятнадцать рядовых и одного капитана в плен.

Тогда баталион столпился, был несколько раз атакован и отступил с честью к

двум вышеупомянутым баталионам, которые уже шли от церкви к нему на помощь.

Когда они показались, я, видя, что нам нечего с ними будет делать, приказал
понемногу отступать. Огонь, ими по нас производимый, причинил мало вреда, и
мы, подобрав наших раненых, вскоре вышли из выстрелов. В это время один из
посланных разъездов к стороне Вязьмы уведомил меня о расположенном
артиллерийском парке версты за три от места сражения, за столбовою дорогою.
Я, отправя раненых в Покровское под прикрытием Тептярского полка, помчался
с остальными войсками к парку и овладел оным без малейшего сопротивления.
Он состоял в двадцати четырех палубах, в ста сорока четырех волах для
перевозки их употребленных и двадцати трех фурманщиках; прочие скрылись в
лесах. Возвратясь после сего полууспешного поиска в Покровское, я был, по
крайней мере, утешен тем, что опыт поисков, сделанных мною с первою моей
командою на Смоленской дороге, обратил светлейшего к предложению моему, и
легкие отряды назначены были действовать на путь сообщения неприятеля.

Едва мы успели расположиться в Покровском, как известился я, что новый
транспорт пленных наших, числом четыреста человек, остановился неподалеку
от нас. Быв уже раз наказан за отвагу штурмовать селение, занятое пехотою,
я отрядил вперед урядника Крючкова с шестью отборными казаками: Ластевым,
Афониным, Володькой, Волковым и еще двумя, коих забыл имена, и велел ему,
подъехав к деревне, выстрелить из пистолетов и поспешно скрыться, дабы тем,
встревожа прикрытие, принудить его искать себе покойнее для привала место.
Партия же следовала за Крючковым скрытно и оставалась в засаде, ожидая
выхода транспорта из селения.

Совершенный успех увенчал мое предприятие. Едва Крючков и казаки его,
выстреля, удалились от деревни, как весь транспорт стал вытягиваться из
оной. Дав ему отойти на расстояние около двухсот саженей, партия моя
поднялась на высоту и часть ее бросилась по долу в атаку. Пленные помогли
атакующим, и прикрытие, в сто шестьдесят шесть человек и четыре офицера
состоявшее, мгновенно было обезоружено. С добычею сей я воротился на ночлег
в Покровское, откуда 20-го, поутру, пошел в село Городище как для
доставления покоя моей партии, так и для личного осмотра поголовного
ополчения в Знаменском. К тому же я был отягчен добычею. Поиск сей мне
доставил девятьсот восемь рядовых, пятнадцать офицеров, тридцать шесть
артиллерийских палубов и сорок провиантских фур, сто сорок четыре вола,
которых определил я на порцию, и около двухсот лошадей, из коих, выбрав
лучшие для худоконных казаков, остальные роздал крестьянам. Так как
Городище в пятидесяти верстах от столбовой Смоленской дороги и,
следственно, вне опасности от внезапного неприятельского нападения, то
партия моя разделилась надвое. Бугский полк занял деревню Луги, в трех
верстах от Городища, где я остался с другою частью моей команды. Пикеты
были выставлены на двух главных дорогах, и разъезды посылаемы не далее как
за три и четыре версты, каждый день по два раза.

Между тем из четырехсот отбитых наших пленных я выбрал двести пятьдесят
человек и присоединил к ним остаток моей пехоты, которую назвал "Геройским
полувзводом"[26] . В полувзвод сей я переводил только за

отличие и, таким
образом, мало-помалу умножил его до двух взводов. Остальных сто пятьдесят
человек я отправил в Знаменское и, наименовав их "Почетною полуротою",
брать с них пример предписал всему поголовному ополчению.

Двадцать первого, рано, я ездил в Знаменское, где нашел уже до пятисот
человек под ружьем. Вольский мне объявил, что прочие тысяча пятьсот,
вооруженные также неприятельскими ружьями, находятся по деревням и в
готовности при первой повестке собраться в Знаменское. Он уверял, что
рвение поселян так велико, что, в случае нужды, можно набрать в весьма
короткое время до шести тысяч народа; но те уже будут вооружены копьями и
топорами, а не ружьями. Потрясение в умах возымело действие, направление
было показано... Ежели бы мы угрожаемы были миром! Я желал бы более; но
тогда и тем был доволен.

К славе нашего народа, во всей той стороне известными изменниками были одни
дворовые люди отставного маиора Семена Вишнева и крестьяне Ефим Никифоров и
Сергей Мартынов. Первые, соединясь с французскими мародерами, убили
господина своего; Ефим Никифоров с ними же убил отставного поручика Данилу
Иванова, а Сергей Мартынов наводил их на известных ему богатых поселян,
убил управителя села Городища, разграбил церковь, вырыл из гробов прах
помещицы села сего и стрелял по казакам. При появлении партии моей в ту
сторону все первые разбежались и скрылись, но последнего мы захватили 14-го
числа. Эта добыча была для меня важнее двухсот французов! Я немедленно

рапортовал о том начальнику ополчения и приготовил примерное наказание.

Двадцать первого пришло мне повеление расстрелять преступника, и тот же час
разослано от меня объявление по всем деревням на расстоянии десяти верст,
чтобы крестьяне собирались в Городище. Четыре священника ближних сел туда
же приглашены были. 22-го, поутру, преступника исповедали, надели на него
белую рубашку и привели под караулом к самой той церкви, которую он грабил
с врагами отечества. Священники стояли перед нею лицом в поле; на одной
черте с ними - взвод пехоты. Преступник был поставлен на колена, лицом к
священникам, за ним народ, а за народом вся партия - полукружием. Его
отпевали... живого. Надеялся ли он на прощение? До верхней ли степени
вкоренилось в нем безбожие? Или отчаяние овладело им до бесчувственности?
Но вовремя богослужения он ни разу не перекрестился. Когда служба
кончилась, я велел ему поклониться на четыре стороны. Он поклонился. Я
велел народу и отряду расступиться. Он глядел на меня глазами неведения;
наконец, когда я велел отвести его далее и завязать глаза, он затрепетал...
Взвод подвинулся и выстрелил разом. Тогда партия моя окружила зрителей, из
коих хотя не было ни одного изменника и грабителя, но были ослушники
начальства. Я имел им список, стал выкликать виновных поодиночке и
наказывать нагайками.

Когда кончилась экзекуция, Степан Храповицкий читал: "Так карают
богоотступников, изменников отечеству и ослушников начальству! Ведайте, что
войско может удалиться на время, но государь, наш

православный царь, знает,
где зло творится, и при малейшем ослушании или беспорядке мы снова явимся и
накажем предателей и безбожников, как наказали разбойника, перед вами
лежащего: ему и места нет с православными на кладбище; заройте его в
Разбойничьей долине"[27].

Тогда священник Иоанн, подняв крест, сказал: "Да будет проклят всякий
ослушник начальства! Враг бога и предатель царя и отечества! Да будет
проклят!"

После сего я читал народу наставление, данное мною токаревским крестьянам,
и распустил всех по домам, а вечером послал курьера с донесением как об
успехе моих поисков, так и о наказании помянутого преступника.

Двадцать третьего, поутру, известился я о кончине благодетеля моего, героя
князя Петра Ивановича Багратиона. Судьба, осчастливя меня особою его
благосклонностью, определила мне и то счастие, чтобы отдать первую почесть
его праху поражением врагов в минуту сего горестного известия. Один пикет,
стоявший на проселочной дороге, которая ведет из Городища к Дорогобужу, дал
знать, что две большие неприятельские колонны идут к Городищу. Я приказал
кавалерии поспешнее седлать и садиться на коней, послал с тем же к
Чеченскому в Луги, а сам бросился с пехотою к выезду из села на
Дорогобужскую дорогу. Намерение мое состояло в том, чтобы удержать пехотою
вход неприятеля в деревню и тем дать время кавалерии изготовиться,
собраться и, объехав деревню, ударить неприятелю в тыл.

До выезда - более версты расстояния. Я ехал рысью, и клянусь честью, что

пехотинцы мои не только от меня не отставали, но несколько человек из них

даже опередили меня. Такова была алчность их к битвам. Подъехав к дальним

избам, я остановил мою команду, рассыпал между избами и огородами пятьдесят

стрелков, а остальных двести двадцать пять человек, построя в две колонны,

показал головы колонн и скрыл хвосты оных за строением. По учреждении всего

касательно до защиты села, я поехал вперед увериться сам собою, достоин ли

неприятель столь великолепного приема. Вскоре мне открылась толпа пехоты

человек в четыреста. Вначале она направлялась к Городищу, но, получа

несколько выстрелов от стрелков и увидя колонны мои, потянулась мимо. Тогда

я уверился, что эта толпа никакого против меня дерзкого намерения не имеет.

И подлинно, она была не что иное, как сильная шайка мародеров. Я велел

стрелкам напирать на отступающих, а всей пехоте - следовать за стрелками. В

это время мы увидели маиора Храповицкого, несущегося вихрем с кавалериею.

Неприятель бросился в ближнюю рощу; пехота моя - за ним. Гул выстрелов и

крик "ура!" загремели и слились вместе. Роща примыкала к реке Угре, на

которой есть броды; за рекою же тянулся сплошной лес почти до Масальска;

добыча вырывалась. Храповицкий, уроженец и житель Городища [28] , с

отличнейшими военными дарованиями соединял на этот случай и вернейшее

местное познание. Он немедленно обскакал рощу и стал между нею и рекою, в

одно время как пехота ворвалась в рощу.

Неприятель, видя неминуемую гибель, стал бросать оружие и сдаваться; я

велел щадить, уверенный, что приличнейшая почесть праху великодушного -

есть великодушное мщение. Тут мы увидели Чеченского, скачущего с полком

своим к нам на помощь. Ему донесли, что мы разбиты и приперты к реке.

Удивление его было наравне с радостью, найдя нас победителями. Неожиданное

дело сие доставило нам триста тридцать рядовых и пять офицеров. Отставной

мичман Николай Храповицкий, командовавший пехотою, в этом деле отличился.

Возвратясь в Городище, мы отпели панихиду по нашем герое, моем благодетеле

- князе Петре Ивановиче Багратионе, - и выступили в село Андреяны.

В то самое время я получил повеление отделить от себя Тептярский полк к

Рославлю и Брянску для содействия отряду калужского ополчения, назначенному

прикрывать Орловскую губернию. Как ни тяжко мне было исполнить сие

повеление, но, чувствуя важность Рославльского пункта, угрожаемого

отрядами, посылаемыми из Смоленска на Орловскую дорогу, я без прекословия

приказал маиору Темирову идти чрез Мутищево в Рославль.

Двадцать четвертого мы узнали, что неприятельский отряд, определенный

против нас действовать, проходя несколько дней без успеха между Вязьмою и

Гжатью, показался между Семлевым и Вязьмою, в селе Монине. Не отступая от

моего намерения, я обратился к Федоровскому и вечером прибыл в Слукино.

Двадцать пятого от Федоровского мы поворотили вправо к Вязьме столбовой

дорогой. Я хотел посредством сильной перестрелки вокруг города притянуть

снова неприятельский отряд в сию сторону и тогда обратиться к Семлеву, где

местоположение гораздо удобнее для действия слабым партиям.

Передовые мои открыли перестрелку под самой Вязьмою; а партия, разделясь на
три колонны, по обыкновению моему, показала голову и скрыла хвосты оных.
Вскоре мы услышали барабанный бой и увидели неприятельскую пехоту, которая
стала отвечать на наши выстрелы, но не смела отходить от города. Я был
доволен. Простояв на сем месте до вечера, мы зажгли бивачные огни и ночью
скрытно отступили в Лосмино, а 26-го - в Андреяны. Прибыв туда, я послал
двух крестьян в Покровское разведать о неприятельском отряде. Не прошло
четырех часов, как прискакали два парня из Лосмина с донесением, что
известный отряд тянулся между сим селом и Вязьмою и идет в направлении к
Гжати. Желание мое исполнилось. Немедленно партия поднялась и выступила к
Монину. Под вечер она подошла к селу и застала в нем сорок две провиантские
фуры и десять артиллерийских палубов под прикрытием ста двадцати шести
конных егерей и одного офицера. Сия команда принадлежала отряду, ушедшему
за мною к Гжати усиленным маршем в полном уверении найти меня в сем
направлении. Пленный офицер объявил мне, что противник мой, в исступлении
от неудачи своей, пошел к Гжати и что, в случае нового неуспеха, он намерен
сделать решительный поиск вдоль Угры, дабы отрезать меня от Юхнова и
Калуги.

Я заметил, что некоторые партизаны, командуя отдельною частию войск, думают
командовать не партиею, а армиею, и считают себя не партизанами, а
полководцами. Оттого-то господствующая их мысль состоит в

том только, чтобы
отрезать противную партию от армии, к коей принадлежит она, и занимать
позиции подобно австрийским методикам. Надобно один раз навсегда знать, что
лучшая позиция для партии есть непрестанное движение оной, причиняющее
неизвестность о месте, где она находится, и неусыпная осторожность часовых
и разъездных, ее охраняющих; что партию отрезать нет возможности, - и
держаться русской пословицы: убить да уйти - вот сущность тактической
обязанности партизана. Мой противник этого не ведал, и потому мне легко
было с ним управиться. Отправя добычу в город прежде мной употребляемым
способом, мы продолжали путь к столбовой дороге, около которой проходили до
29-го числа с малою пользою.

Двадцать девятого партия прибыла в Андреяны, где встретил нас курьер мой,
возвратившийся из главной квартиры. Он привез мне разные бумаги и известил
меня о следовании, на подкрепление моей партии, казачьего Попова 13-го
полка, который и прибыл в Андреяны 31-го.

Сей полк, невзирая на усиленные переходы от самого Дона, представился мне в
отличнейшем положении и усилил партию мою пятью сотнями доброконных
казаков. Тогда я перестал опасаться нападения искавшего меня отряда и взял
намерение самому атаковать его. Но прежде сего мне хотелось и наметать и
натравить сии новые войска, составлявшие большую половину моей партии. К
тому же, если малочисленным отрядом можно было управлять, так сказать,
разбойнически, без предварительного устройства, а братски и крутою
строгостью, то сего не можно уже было продолжать с

семьюстами человек.

Итак, до 3-го октября я принужден был заняться образованием постановлений

внутреннего управления партии, показанием лучшего, по моему мнению,

построения оной в боевой порядок. Сделав несколько практических примеров

для нападения, отступления и преследования, я в первый раз испытал

рассыпное отступление, столь необходимое для партии, составленной из одних

казаков, в случае нападения на нее превосходного неприятеля. Оно состояло,

во-первых, чтобы по первому сигналу вся партия рассыпалась по полю,

во-вторых, чтобы по второму сигналу каждый казак скакал сам из вида

неприятеля и, в-третьих, чтобы каждый из них, проехав по своевольному

направлению несколько верст, пробирался к предварительно назначенному в

десяти, а иногда и в двадцати верстах от поля сражения сборному месту.

Третьего мы выступили и пришли в село Покровское. Четвертого я предпринял

общий поиск и разделил партию на три части так, чтобы в каждой из них

находилась часть Попова полка.

Две сотни оного и старую команду сборных казаков моих, под начальством

Попова, я определил идти на речку Вязьму в лес, что между столбовой дорогою

и селением, кажется, Лузинцовым. При сей части я находился.

Первый Бугский полк и сотня Попова полка с ротмистром Чеченским - чрез

столбовую дорогу, на речку Вязьму, к селениям Степанкову и Вопке.

Две сотни Попова полка с ахтырскими гусарами, под командою маиора

Храповицкого, - к Семлеву; пехота оставалась в Покровском.

За два часа пред
рассветом все отделения были в движении. Первый отряд остановился в лесу за
несколько саженей от мостика, лежащего на речке Вязьме. Два казака взлезли
на дерева для наблюдения.

Не прошло часу, как казаки слабым свистом подали знак. Они открыли одного
офицера, идущего пешком по дороге с ружьем и с собакою. Десять человек сели
на коней, бросились на дорогу, окружили его и привели к отряду. Это был
4-го Иллирийского полка полковник Гетальс[29], большой охотник стрелять и
пороть дичь, и опередивший расстроенный баталион свой, который шел
формироваться в Смоленск. С ним была лягавая собака и в сумке - убитый
тетерев. Отчаяние сего полковника более обращало нас к смеху, нежели к
сожалению. После расспроса его обо всем, что нужно было, он отошел в
сторону и ходил, задумчивый, большими шагами; но каждый раз, когда
попадалась ему на глаза лягавая собака его, улегшаяся на казачьей бурке, -
каждый раз он брал позицию Тальмы в "Эдипе" и восклицал громким голосом:
"Malheureuse passion!"[30]; каждый раз, когда бросал взгляд на ружье свое,
- увы! - уже в руках казаков, или на тетерева, повешенного на пику, как
будто вывеской его приключения, - он повторял то же и снова зачинал ходить
размеренными шагами.

Между тем стал показываться и баталион. Наши приготовились, и, когда
подошел он в надлежащее расстояние, весь отряд бросился на него: передние
казаки вроссыпь, а резерв - в колонне, построенной в шесть коней. Отпор был
непродолжителен. Большая часть рядовых побросала оружие,

но многие,
пользуясь лесом, рассыпались по оному и спаслись бегством.

Добыча состояла в двух офицерах и в двухстах нижних чинах.

В одно время ротмистр Чеченский встретил фуры с провиантом, ночевавшие в
лесу на дороге от Вопки к Вязьме. Неприятель, приметя казаков, торопился
становить обоз полукружием, дабы из-за него защищаться. Но Чеченский не дал
им времени исполнить сего построения, ударил и овладел транспортом.

Тогда прикрытие; состоявшее из пехоты, бросилось в средину леса, продолжая
огонь беспрерывный... Ярый Чеченский спешил своих, бросился в лес и ударил
на неприятеля в дротики. Сей удалой поступок довершил поражение, но стоил
пятнадцати лучших бугских казаков, которые пали тяжело раненными и убитыми.

С своей стороны, маиор Храповицкий, выбравшись на столбовую дорогу,
обратился к Семлеву. Пользуясь родом войска, составлявшим отряд его, он
приказал шедшим впереди отряда ахтырским гусарам надеть флюгера на
пики [31], а казакам скрываться за ними, взяв дротики наперевес. Таким
образом, отряд сей казался издали польскою кавалериею, идущею от
неприятельской армии к Смоленску.

Долго Храповицкий никого не встречал, но около Семлева он увидел
многочисленный транспорт огромных бочек, подвигавшийся к нему навстречу с
прикрытием и без малейшей осторожности, полагая отряд Храповицкого польским
отрядом. Наши допустили неприятеля на пистолетный выстрел и разом,
приклонив пики, закричали "ура!" и ударили со всей

возможной
стремительностью на него. Большая часть прикрытия рассыпалась, но поручик
Тилинг с горстию своих защищался до тех пор, пока не был ранен; тут и
оставлен последними его окружавшими товарищами.

Сей транспорт состоял в новой одежде и обуви на весь 1-й Вестфальский
гусарский полк и (по накладной, найденной у Тилинга) стоил семнадцать тысяч
франков в Варшаве.

Возвращаясь с добычею к селу Покровскому, Храповицкий был атакован сильною
шайкою мародеров, засевшею в лесу, чрез который надлежало ему проходить.
Видя, что нельзя пробиться сквозь неприятеля, столь выгодно расположенного,
он объехал его чащею леса и благополучно прибыл в Покровское вечером, где
соединился с отрядами Попова 13-го и ротмистра Чеченского.

В сем сложном поиске Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою
составлявшим. В оном оказались казаки отличной меткости и отважности.
Лучший офицер сего полка или, лучше сказать, один из отличнейших офицеров
всего донского войска был сотник Бирюков; после его заметны были хорунжие
Александров и Персианов.

Пленные (коих число простиралось до четырехсот девяноста шести рядовых,
одного штаб- и четырех обер- офицеров) были немедленно отправлены в Юхнов,
так как и сорок одна фура, отбитые Чеченским. Лошади, взятые из-под
конвойных, частию были разделены между опешившими и худоконными казаками, а
частию розданы жителям. В тот же день поехал от меня курьер в главную
квартиру. Я описал дежурному генералу сей последний поиск

и просил
награждения как отличившимся в действии, так и юхновскому дворянскому
предводителю Храповицкому, коего попечением партия моя ни одного дня ни в
чем нужды не имела, раненые получали пользование, покой и облегчение.

Оконча историческое, подошло и романическое: пред отъездом своим вошел ко
мне поручик Тилинг. Он говорил мне, что казаки взяли у него часы и деньги,
но что он, зная право войны, на это не в претензии, а просит только, чтобы
ему возвратили кольцо им любимой женщины. Увы! и ах! - я всегда склонен был
к чувствам, обуревавшим душу г. Тилинга! Сердце мое может включить в каждую
кампанию свой собственный журнал, независимый от военных происшествий.
Смешно сказать, но любовь и война так разделили наравне прошедшее мною
поприще, что и поныне я ничем не поверяю хронологию моей жизни, как
соображением эпох службы с эпохами любовных чувствований, стоящими, подобно
геодезическим вехам, на пустынной моей молодости. В то время я пылал
страстью к неверной, которую полагал верною. Чувства узника моего
отозвались в душе моей! Легко можно вообразить взрыв моей радости при
встрече с человеком, у одного алтаря служившим одному божеству со мной. Я
обещал ему стараться удовлетворить его желание, и по отправлении его в
Юхнов, когда возвратился разъезд, в котором были казаки, взявшие его в
плен, я был столько счастлив, что отыскал не только кольцо, но и портрет,
волосы и письма, ему принадлежавшие, и немедленно отослал их к нему при сей
записке: "Recevez, monsieur, les effets, qui vous sont si shers;
puis-sent-ils, en vous rappellant l'objet aime, vous prouver, que, le

couraqe et le malheur sont respectes en Russie, comme partout ailleurs.

Denis Davidoff, Partisan"[32].

Сей Тилинг жил до 1814 года в Орле, где всегда с благодарностью, но еще

больше с удивлением рассказывал о сем приключении, как рассказывают о

великодушии некоторых атаманов разбойников. Впоследствии я узнал, что,

устав, подобно мне, менять предметы любви с каждой кампанией, он при

заключении общего мира заключил законный союз с последней им любимою

женщиною и променял кочующую жизнь гусарскую на философическое уединение,

променял фантасмагорию на существенность.

Пятого числа партия пошла в Андреяны. Там я узнал, что неприятельский отряд

разделился надвое. Одна часть находилась в одной деревушке в направлении к

селению Крутому, а другая - в Лосмине, что возле Вязьмы. Мы немедленно

выступили к Крутому.

Отряд в сто человек, с хорунжиим Бирюковым, отправлен был к селу Белыщину.

Ему велено было остановиться у этого села скрытно и посылать разъезды

вправо и влево, чтобы заслонить нападение мое на неприятеля, расположенного

близ Крутого. Вся же партия пошла поспешно к последнему селу, забирая

влево, чтобы сохранить сообщение с Бирюковым и, в случае удачи, отбросить

неприятеля в противную сторону той, где находилась другая часть оного.

Неопределительность в расстоянии от Андреян до деревушки, находящейся близ

Крутого, была причиною, что вместо того, чтобы нам прибыть часа за два

перед вечером, мы прибыли тогда, как уже было темно. Надо было решиться:

или отложить нападение до утра, или предпринять ночную атаку, всегда
неверную, а часто и гибельную для атакующего. Всякое войско сильно взаимным
содействием частей, составляющих целое, а как содействовать тому, чего не
видишь К тому же мало .таких людей, которые исполняют долг свой, не глядя
на то, что на них не глядят. Большая часть воинов лучше воюет при зрителях.
Сам Аякс требовал денного света для битвы. Я знал сию истину, но знал также
и неудобства отлагать атаку до утра, когда ржание одной лошади, лай собаки
и крик гуся, спасителя Капитолия, - не менее ночной атаки могут повредить
успеху в предприятии. Итак, с надеждой на бога, мы полетели в бой.

Мелкий осенний дождь моросил с самого утра и умножал мрак ночи. Мы ударили.
При резервном полку оставалась пехота. Передовая неприятельская стража,
запрятанная под шалашами, спокойно спала... и не проснется! Между тем
Храповицкий и Чеченский, вскакав в деревушку, спешили несколько казаков и с
криком "ура!" открыли огонь по окнам. Подкрепя их сотней человек пехоты и
взяв две сотни казаков из резерва, я бросился с ними чрез речку Уду, чтобы
воспретить неприятелю пробраться к Вязьме окружною дорогою. Мрак ночи был
причиною, что проводник мой сбился с пути и не на то место привел меня, где
обыкновенно переезжают речку. Это принудило нас спуститься как попало с
довольно значительной крутизны и кое-как перебраться на ту сторону. Не зная
и не видя местоположения, я решился, мало-помалу подвигаясь, стрелять как
можно чаще из пистолетов и во всю мочь кричать "ура!". К счастию,
неприятель не пошел в сию сторону, а, обратясь к Кикину,

побежал в
расстройстве по дороге, которая лежит от Юхнова к Гжати.

Мы гнали его со всею партиею версты четыре. Тут я отрядил сотню казаков
вслед за бегущими и велел преследовать их как можно далее, забирая влево,
дабы быть ближе к партии, и потом держаться дороги между Вязьмою и
Царевым-Займищем, куда я намеревался прибыть после поиска на Лосмино.

В сем деле мы взяли в плен одного ротмистра, одного офицера и триста
семьдесят шесть рядовых. А так как по случаю ночной атаки я велел как можно
менее заниматься забиранием в плен, то число убитых было не менее пленных.

Перевязав последних и отослав их, по обыкновению, в Юхнов, я дал вздохнуть
лошадям и, отправя пехоту в Ермаки, выступил к Лосмину. Направление мое
было на Белыщино, дабы, во-первых, соединясь с Бирюковым, заменить отрядом
его сотню казаков, посланных в преследование неприятеля; во-вторых,
получить от него сведения о неприятеле, находившемся в Лосмине, и,
в-третьих, обратясь к Деревещину и Красному Холму, прийти от стороны Вязьмы
в тыл к неприятелю и пасть на него как снег на голову.

Предположение мое совершилось бы во всей точности. если б неприятельские
фуражиры, находившиеся в селе Сергенкове, не приметили моей партии и не
бросились бы в Лосмино для уведомления своего начальника о шествии моем.
Доброконные наездники мои погнались за этою сволочью, но так как мы были
двадцать четыре часа в походе, из коих два часа - в драке, то лошади наши
весьма ослабели, что дозволило нескольким фуражирам уйти

и встревожить
отряд, обреченный на гибель. Между тем мы подвигались рысью к дороге, что
идет из Вязьмы в Лосмино. Рассветало; дождь не переставал, и дорога
сделалась весьма скользкою. Противник мой имел неосторожность забыть о
ковке лошадей своего отряда, которого половина была не подкована. Однако,
по приходе моем к Лосмину, он меня встретил твердою ногою. Дело завязалось.
В передовых войсках произошло несколько схваток, несколько приливов и
отливов, но ничего решительного. Вся партия построилась в боевой порядок и
пустилась на неприятеля, построенного в три линии, одна позади другой.
Первая линия при первом ударе была опрокинута на вторую, а вторая - на
третью. Все обратилось в бегство. Надо было быть свидетелем этого
происшествия, чтобы поверить замешательству, которое произошло в рядах
французов. Сверх того половина отряда стала вверх ногами: лошади, не быв
подкованы, валились, как будто подбитые картечами; люди бежали пешком в
разные стороны без обороны. Эскадрона два построились и подвинулись было
вперед, чтобы удержать наше стремление, но при виде гусаров моих,
составлявших голову резерва, немедленно обратились назад без возврата.
Погоня продолжалась до полудня; кололи, рубили, стреляли и тащили в плен
офицеров, солдат и лошадей; словом, победа была совершенная. Я кипел
радостью! Мы остановились. Пленных было: четыреста три рядовых и два
офицера, все раненые. Полковник всего отряда, как уверяли, пал на поле
битвы, и с ним легло до полутораста рядовых; прочие все рассыпались по
полям и лесам или достались в добычу обывателям. В обоих

сих делах с нашей
стороны убито четыре казака, ранено пятнадцать [казаков] и два гусара;
лошадей и убито и ранено до пятидесяти.

Нужно ли говорить, с каким нетерпением я спешил похвалиться пред
фельдмаршалом сим лучшим моим подвигом? Немедленно полетел курьер с теплым
еще от огня битвы донесением, и я остался в полной уверенности, что двойная
сия победа получит одобрение от самых строгих знатоков военного искусства.
Между тем новые замыслы, новые тревоги, новые битвы затерли прошедшее. Я не
осведомлялся в главной квартире о деле моем, полагая, что оному нельзя
остаться под спудом и что там молчат от недосуга. Мне не отвечали потому,
что я не спрашивал, и таковое взаимное молчание продолжалось до перемирия
1813 года. Тогда только все прояснилось: я узнал, что курьер мой захвачен
был мародерами на пути к Юхнову и погиб вместе с донесением. Чрез неудачу
сию подвиг, без хвастовства сказать, несущий на себе отпечаток
превосходства и в соображении, и в исполнении, остался известным только
моей партии, неприятельскому губернатору Вязьмы и оставшимся от поражения
войскам, со мною сражавшимся. Я уверен, что это скрыли и самому Наполеону,
от опасения гнева его за своевольное употребление войск, для другого
предмета предназначенных.

Такова бывает участь отдельных начальников, тогда как у линейного каждое
лыко в строку становится! Впоследствии несколько подобных дел заглохло в
неизвестности, но по другим причинам. В тот день и в следующие два дня
разъезды мои маячили около столбовой дороги между

Вязьмою и Федоровским,
где удалось им перехватить три курьера. На 8-е число партия подошла к
последнему селению и соединилась с сотнею, посланною в погоню из
окрестностей Крутого.

В самое то время французская армия пробудилась от продолжительного своего
усыпления в Москве и двинулась на Фоминское. Намерение Наполеона состояло в
том, чтобы, обойдя левый фланг нашей армии, находившейся при Тарутине,
предупредить ее в занятии Боровска и Малоярославца[33] и, достигнув прежде
ее до Калуги, открыть сообщение с Смоленском чрез Мещовск и Ельню.
Вследствие чего, прибыв в Фоминское 11-го числа, он повелел корпусу Жюно,
занимавшему Можайск, отступить в Вязьму, отряду генерала Эверса, в четырех
тысячах состоявшему, - выступить из Вязьмы чрез Знаменское и Юхнов, а
маршалу Виктору с дивизиями Жирарда и легкою кавалерийскою - идти
усиленными маршами из Смоленска туда же. Стоит взглянуть на карту, чтобы
увидеть, в каком положении я вскоре должен был находиться.

Между тем генерал Дорохов, занимая отрядом своим Котово [34], что близ
дороги, идущей от Москвы к Боровску, намеревался атаковать вице-короля
Италианского, прибывшего 9-го числа в Фоминское, и требовал на то
подкрепления, не зная, что за сим корпусом следовала вся французская армия.

Князь Кутузов, получив известие чрез Дорохова о приближении сильной
неприятельской колонны, отправил из Тарутина к Фоминскому корпус Дохтурова
с начальником главного штаба 1-й армии Ермоловым. Перед выступлением своим

Ермолов приказал Фигнеру и Сеславину следовать по направлению к Фоминскому
с тем, чтобы собрать сведения о неприятеле. Фигнеру не удалось перейти
Лужу, тщательно охраняемую неприятельскими пикетами. Сеславин успел перейти
речку и приблизиться к Боровской дороге; здесь оставив назади свою партию,
он пешком пробрался до Боровской дороги сквозь лес, на котором еще было
немного листьев. Достигнув дороги, он увидал глубокие неприятельские
колонны, следовавшие одна за другою к Боровскому; он заметил самого
Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией. Неутомимый и
бесстрашный Сеславин, выхватив из колонны старой гвардии унтер-офицера,
связал его, перекинул чрез седло и быстро направился к корпусу Дохтурова.

Между тем Дохтуров с Ермоловым, не подозревая выступления Наполеона из
Москвы, следовали на Аристово и Фоминское. Продолжительный осенний дождь
совершенно испортил дорогу; большое количество батарейной артиллерии,
следовавшей с корпусом, замедляло его движение. Ермолов предложил Дохтурову
оставить здесь эту артиллерию, не доходя верст пятнадцати до Аристова;
отсюда, находясь в близком расстоянии от Тарутина и Малоярославца, она
могла быстро поспеть к пункту, где в ее действии могла встретиться
надобность, а между тем утомленные лошади успели бы отдохнуть. Дохтуров не
замедлил изъявить свое на то согласие, и корпус его к вечеру прибыл в
Аристово; сам Дохтуров расположился на ночлег в деревне, а Ермолов с
прочими генералами остался на биваках. Уже наступила полночь, и чрез
несколько часов весь отряд, исполняя предписание Кутузова,

должен был
выступить к Фоминскому. Вдруг послышался конский топот и раздались слова
Сеславина: "Где Алексей Петрович?" Явившись к Ермолову, Сеславин, в
сопровождении своего пленника, рассказал все им виденное; пленный
подтвердил, что Наполеон, выступив со всею армиею из Москвы, должен
находиться в довольно близком расстоянии от нашего отряда. Это известие
было столь важно, что Ермолов, приказав тотчас отряду подыматься и
становиться в ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этот
бесстрашный, но далеко не проницательный генерал, известясь обо всем этом,
пришел в крайнее замешательство. Он не решался продолжать движение к
Фоминскому из опасения наткнуться на всю неприятельскую армию и вместе с
тем боялся отступлением из Аристова навлечь на себя гнев Кутузова за
неисполнение его предписания.

В этот решительный момент Ермолов, как и во многих других важных случаях,
является ангелом-хранителем русских войск. Орлиный взгляд его превосходно
оценил все обстоятельства, и он, именем главнокомандующего и в качестве
начальника главного штаба армии, приказал Дохтурову спешить к
Малоярославцу. Приняв на себя всю ответственность за неисполнение
предписаний Кутузова, он послал к нему дежурного штаб-офицера корпуса
Болховского, которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины,
побудившие изменить направление войск, и убедительно просить его поспешить
прибытием с армией к Малоярославцу. Ермолов советовал Дохтурову захватить с
собою, во время движения своего на Малоярославец, всю

оставленную
батарейную артиллерию; сам Ермолов с 1-м кавалерийским корпусом барона
Меллера-Закомельского и с конною ротой полковника Никитина, желая лично
удостовериться в справедливости показаний Сеславина, двинулся по
направлению к селу Котову, где был расположен отряд генерала Дорохова.
Услыхав перестрелку, которую Дорохов завязал с неприятельскими пикетами,
Ермолов послал ему сказать, чтобы он тотчас ее прекратил. На это Дорохов
отвечал: "Если бы Алексей Петрович находился сам здесь, он бы поступил
точно так же, как и я". Опрокинув неприятельские пикеты, Дорохов наткнулся
на сильные резервы; Ермолов, увидав это и боясь быть разбитым сильным
неприятелем, придвинул конную роту Никитина. Подтвердив свое приказание
Дорохову, он, следуя через небольшой лес, достиг обширной поляны, которая
простирается от Боровска до самого Малоярославца.

Здесь он увидел обширный лагерь италианской армии и узнал от пленных, что
Наполеон должен был обедать в тот день в Боровске.

Решившись быстро спешить к Малоярославцу, Ермолов приказал одному отважному
офицеру Сысоева казачьего полка, следуя по прямому пути к Малоярославцу,
хотя бы в самом близком соседстве с неприятелем, достигнуть города, собрать
все возможные сведения как о нем, так и о неприятеле; ему было приказано,
по исполнении поручения, отыскать начальника главного штаба по направлению
к Малоярославцу. Этот смелый офицер донес вскоре Ермолову, что перед
городом находились уже три баталиона италианцев, которые были задерживаемы
жителями, успевшими разобрать мост; власти городские

выехали весьма недавно
из города, куда приезжал атаман Платов, который по отъезде своем оттуда
оставил там казаков. Ермолов прибыл на рассвете к Малоярославцу, перед
которым уже находилась вся армия вице-короля; Дохтуров, расположившись
лагерем позади города, поручил защиту его Ермолову, которого подкрепил
своею пехотою. Войска наши были два раза выбиты из города, хотя рота
храброго полковника Никитина, действиями которой руководил сидевший на
колокольне адъютант Ермолова Поздеев, жестоко поражала неприятеля. Между
тем фельдмаршал, придя с армиею в село Спасское, не в далеком расстоянии от
Малоярославца, приказал войскам отдохнуть. Ермолов отправил в Спасское
генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова с убедительнейшею просьбой спешить
к городу; не получив никакого ответа, он отправил туда одного германского
принца, находившегося в то время при наших войсках, с настоятельнейшей
просьбой о скорейшем прибытии армии. Фельдмаршал, недовольный этою
настойчивостью, плюнул. Тогда корпус Раевского выступил к Малоярославцу, и
за ним тронулась вся армия. Сам Раевский, в качестве зрителя, уже давно
находился близ Малоярославца, где наблюдал за ходом сражения. Выбитый в
последний раз из города превосходным неприятелем, Ермолов расположил против
главных его ворот сорок батарейных орудий; он намеревался, за неимением
войска, встретив неприятеля жестокою канонадой, начать отступление, но
прибытие армии изменило весь ход дела. Неустрашимый Коновницын выбил
неприятеля из города. Князь Кутузов, приобретший большую опытность в войне
с турками, прибегнул к весьма странному средству для

удержания неприятеля,
если бы он решился продолжать наступление. Он приказал приступить к
возведению нескольких редутов в расстоянии выстрела от города; но, после
нескольких выстрелов неприятеля из города, тысяча пятьсот человек рабочих,
бросив здесь весь свой инструмент, рассеялись. Город был, однако, оставлен
нашими и занят неприятельскими войсками.

После битвы князь Кутузов имел весьма любопытный разговор с Ермоловым,
который я здесь лишь вкратце могу передать. Князь: "Голубчик, ведь надо
идти?" Ермолов: "Конечно, но только на Медынь". Князь: "Как можно двигаться
в виду неприятельской армии?" Ермолов: "Опасности нет никакой: атаман
Платов захватил на той стороне речки несколько орудий, не встретив большого
сопротивления. После этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить все
покушения неприятеля, нам его нечего бояться". Когда князь объявил о
намерении своем отступить к полотняным заводам, Ермолов убеждал его
оставаться у Малоярославца по крайней мере на несколько часов, в
продолжение которых должны были обнаружиться намерения неприятеля[35]. Но
князь остался непреклонным и отступил. Если б Наполеон, дойдя до Боровска,
поспешил бы направить всю армию к Малоярославцу, он неминуемо и весьма
легко овладел бы этим городом; предупредив здесь нашу армию, он, без
сомнения, не встречая больших затруднений, дошел бы до Юхнова, откуда
безостановочно продолжал бы свое обратное шествие по краю изобильному и не
разоренному.

Ермолову выпал завидный жребий оказать своему отечеству

величайшую услугу;

к несчастию, этот высокий подвиг, искаженный историками, почти вовсе не известен.

В самое то время партизан князь Кудашев, находившийся между Лопаснею и Вороновом, пошел в преследование неприятельского авангарда, заслонявшего движение своей армии и двинувшегося уже от берегов Мочи для примкнутия к хвосту оной.

Всякий военный человек, сведущий в своем деле, увидит ясно, что неприятельская армия, облепленная, так сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сделать шагу потаенно, хотя спасение оной зависело от тайного ее движения, мимо левого фланга нашей армии и от внезапного появления ее в Малоярославце. Чрез сие Наполеон выпутался бы из сетей, расставленных ему фельдмаршалом при Тарутине, открыл бы себе беспрепятственный путь к Днепру, по неприкосновенному краю обеими воюющими армиями; мог бы, соединясь с Эверсом, Жюно и Виктором, возобновить наступательное действие без малейшей опасности, имея фланги и тыл свободными. Если спустимся от следствия до причины, то удостоверимся, что извещением Сеславина решилась участь России; но для сего нужен был решительный Ермолов, взявший на себя ответственность при своевольном обращении корпуса Дохтурова к Малоярославцу, и прозорливый главнокомандующий, проникший всю важность Малоярославского пункта и немедленно поднявшийся и прибывший туда со всею армиею восемь часов после Дохтурова[36].

Ничего не ведая о происшествиях в окрестностях Боровска и Малоярославца, мы
9-го вечером, перехватя еще одного курьера недалеко от Федоровского, отошли
в Спасское. Подойдя к селу, разъездные привели несколько неприятельских
солдат, грабивших в окружных селениях. Так как число их было невелико, то я
велел сдать их старосте села Спасского для отведения в Юхнов. В то время
как проводили их мимо меня, один из пленных показался Бекетову, что имеет
черты лица русского, а не француза. Мы остановили его и спросили, какой он
нации? Он пал на колени и признался, что он бывший Фанагорийского
гренадерского полка гренадер и что уже три года служит во французской
службе унтер-офицером. "Как! - мы все с ужасом возразили ему. - Ты -
русский и проливаешь кровь своих братьев!" - "Виноват! - было ответом его.
- Умилосердитесь, помилуйте!" Я послал несколько гусаров собрать всех
жителей, старых и молодых, баб и детей, из окружных деревень и свести к
Спасскому. Когда все собрались, я рассказал как всей партии моей, так и
крестьянам о поступке сего изменника, потом спросил их: находят ли они
виновным его? Все единогласно сказали, что он виноват. Тогда я спросил их:
какое наказание они определяют ему? Несколько человек сказали - засечь до
смерти, человек десять - повесить, некоторые - расстрелять, словом, все
определили смертную казнь. Я велел подвинуться с ружьями и завязать глаза
преступнику. Он успел сказать: "Господи! прости мое согрешение!" Гусары
выстрелили, и злодей пал мертвым.

Еще странный случай. Спустя несколько часов после казни

преступника

крестьяне окружных сел привели ко мне шесть французских бродяг. Это меня

удивило, ибо до того времени они не приводили ко мне ни одного пленного,

разведываясь с ними по-свойски и сами собою. Несчастные сии, скрученные

веревками и завлеченные в ров, не избегли бы такого же роду смерти, как

предшественники их, если бы топот лошадей и многолюдный разговор на русском

языке не известили крестьян о приходе моей партии. Убийство было уже

бесполезным; они решились представить узников своих на мою волю. Дело тем

кончилось, что велел их включить в число пленных, находившихся при моей

партии, и отослать всех в Юхнов, откуда они отправлены были в дальние

губернии и, вероятно, погибли или на пути, или на месте с тысячами своих

товарищей, которые сделались жертвою лихоимства приставов и равнодушия

гражданских начальств к страждущему человечеству.

Но сколь провидение чудесно в определениях своих! Между ними находился

барабанщик молодой гвардии, именем Викентий Бод (Vincent Bode),

пятнадцатилетний юноша, оторванный от объятий родительских и, как ранний

цвет, перевезенный за три тысячи верст под русское лезвие на русские

морозы! При виде его сердце мое облилось кровью; я вспомнил и дом

родительский, и отца моего, когда он меня, почти таких же лет, поручал

судьбе военной! Как предать несчастного случайностям голодного, холодного и

бесприютного странствования, имея средства к его спасению? Я его оставил

при себе, велел надеть на него казачий чекмень и фуражку, чтобы избавить

его от непредвидимого тычка штыком или дротиком, и,

таким образом, сквозь
успехи и неудачи, через горы и долы, из края в край, довез его до Парижа
здоровым, веселым, и почти возмужалым передал его из рук в руки
престарелому отцу его. Что же вышло? Спустя два дня после этого являются ко
мне отец с сыном и просят об аттестате. "С радостью, - отвечал я им. - Вот
тебе, Викентий, аттестат в добром твоем поведении". - "Нет, - сказал отец,
- вы мне спасли сына, довершите же ваше благодеяние, - дайте ему аттестат в
том, что он находился при вас и поражал неприятеля". - "Но неприятели были
ваши соотечественники?" - "Нужды нет", - возразил старик. "Как нужды нет?
Ты чрез то погубишь сына, его расстреляют, и дельно..." - "Нынче другие
времена, - отвечал он, - по этому аттестату он загладит невольное служение
свое хищнику престола и получит награждение за ратоборствование против
людей, за него сражавшихся, следовательно, служивших против законного
своего монарха". - "Если это так, господин Бод, жалка мне ваша Франция! Вот
тебе аттестат, какого ты требуешь". И подлинно, я в оном налгал не хуже
правителя канцелярии какого-либо главнокомандующего, сочиняющего реляцию о
победе, в коей он не участвовал. Старик был прав: чрез неделю он снова
пришел ко мне с сыном благодарить за новое мое благодеяние. Викентий имел
уже в петлице орден Лилии!!!

Десятого и 11-го мы продолжали ходить на правой стороне Вязьмы, между
Федоровским и Теплухой. Под вечер разъездные дали знать, что открыли
большой транспорт с прикрытием, идущий от Гжати. Мы немедленно двинулись к
нему навстречу по обеим сторонам дороги и, вышедши на

пригорок, увидели
весь караван сей, - увидели и ударили. Наши ворвались в середину обоза, и в
короткое время семьдесят фур, двести двадцать пять рядовых и шесть офицеров
попались к нам в руки. В прибавок к сему мы отбили шестьдесят шесть человек
наших пленных и двух кирасирских офицеров раненых: Соковнина и Шатилова.
Сии последние сидели в закрытой фуре и, услыша выстрелы вокруг себя,
приподняли крышу и дали знать казакам, что они русские офицеры. Кто не
выручал своих пленных из-под ига неприятеля, тот не видал и не чувствовал
истинной радости!

Двенадцатого партия отошла в Дубраву. Едва мы расположились на ночлег, как
увидели едущих к нам коляску и телегу. Это был юхновский дворянский
предводитель Храповицкий и обратный курьер мой из главной квартиры. Пакетов
была куча: один из них был с печатью светлейшего на мое имя. В сем пакете
находился рескрипт от него ко мне с рескриптом Храповицкому и особый пакет
с извещением о разбитии неприятельского авангарда 6-го числа. Хотя
некоторые бумаги были от 10-го, в оных ничего не было положительного об
отступлении французской армии, выступившей из Москвы уже 7-го числа. При
этих пакетах было много писем от старых и новых приятелей и друзей, которые
осыпали меня такими похвалами, что я едва не возмечтал быть вторым
Спартакием...

К умалению обратили меня проклятый генерал Эверс, посланный из Вязьмы к
Юхнову, и непростительная собственная моя оплошность. Вот как дело было:
13-го мы пришли к Кикино, где праздновали награждения,

привезенные
курьером, и слишком рано вздумали отдыхать на недозрелых лаврах. Пикеты
следовали примеру партии, а разъезды доезжали лишь до бочки вина,
выставленной посредине деревни.

Четырнадцатого мы отправили обратно в Юхнов дворянского предводителя и
перешли в село Лосмино в том же расположении духа и разума, как и накануне;
но едва успели мы сделать привал, как вчетверо сильнее нас неприятель
подошел в виду деревни. Будь он отважнее, поражение наше было бы неизбежно.
Но вместо того чтобы авангарду его ударить с криком в деревню, где все мы
были в разброде, неприятель открыл по нас огонь из орудий и стал занимать
позицию! Первое подняло нас на ноги, а второе - исправило следствие
постыдного моего усыпления, ибо хотя я видел две густые колонны, но, уверен
будучи, что в таковых обстоятельствах наглость полезнее нерешимости,
называемой трусами благоразумием, я пошел в бой без оглядки. Когда же
пленные, взятые передовыми наездниками, удостоверили нас, что отряд сей не
что иное, как сволочь всякого рода [37], тогда казаки мои так ободрились,
что преступили меру нужной отважности и едва не причинили более вреда,
нежели пользы.

Авангард мой ударил на авангард неприятеля и опрокинул его, но, быв в свою
очередь опрокинут бросившимися вперед неприятельскими двумя эскадронами,
он, вместо того чтобы уходить вроссыпь на один из флангов подвигавшейся
вперед моей партии (как всегда у меня водилось), перемешался с неприятелем
и скакал в расстройстве прямо на партию: если б я не принял

круто вправо,

то вся сия толпа вторглась бы в средину ее и замешала бы ее без сомнения. К

счастию, означенный поворот партии, вовремя исполненный, поправил дело, ибо

неприятель, гнавшийся за авангардом, был принят одною частию партии во

фланг и в свою очередь обращен вспять. Тогда воспаленные и успехом, и

вином, и надеждою на добычу, едва все полки мои не бросились в

преследование. Нужно было все старание, всю деятельность моих товарищей -

Храповицкого, Чеченского, Бедряги, Бекетова, Макарова и казацких офицеров,

- чтобы разом обуздать порыв их и осадить на месте.

Видя, что неприятель не только не смутился отражением своего авангарда, но,

получив новое подкрепление со стороны Вязьмы, двинулся вперед с решимостию,

я решился не противиться его стремлению и отступить тем порядком или, лучше

сказать, тем беспорядком, который я испробовал в Андреянах. Вследствие чего

я объявил рассыпное отступление и назначил сборным местом село Красное, за

рекою Угрою, известное уже казакам моим. По данному сигналу все рассыпалось

и исчезло! Одна сотня, оставленная с хорунжиим Александровым для наблюдения

за неприятелем, продолжала перестреливаться я отступать на Ермаки к

Знаменскому, дабы заманить неприятеля в другую сторону той, куда партия

предприняла свое направление. На рассвете все уже были в Красном, кроме

сотни Александрова, которая, соединясь в Ермаках с моей пехотой, отступила

с нею вместе в Знаменское, занимаемое поголовным ополчением.

Шестнадцатого в ночь я получил известие от начальника сего ополчения

капитана Бельского о том, что 16-го, поутру, неприятель, подошедши к
последнему селу, намеревался его занять, но, увидя в нем много пехоты,
выстрелил несколько раз из орудий и отступил в Ермаки. Тогда только я узнал
от пленных, приведенных ко мне со стороны сел Козельска и Крутого, что
неприятельская армия выступила из Москвы, но, по какому направлению и с
каким предположением, мне было неизвестно.

Семнадцатого я выступил на Ермаки, в том намерении, чтобы, продолжая поиски
к стороне Вязьмы, всегда находиться на дороге к Юхнову, откуда я получал
все известия из армии, ныне, по выступлении неприятеля из Москвы,
сделавшиеся столь для меня необходимыми. Я рассчитывал так, что, ежели
армия наша возьмет поверхность над неприятельской армией, то последняя не
минует того пространства земли, на коей я находился; и что, будучи впереди
ее, я всегда буду в состоянии, сколько возможно, преграждать ее
отступлению. Если же армия наша потерпит поражение, то непременно отступит
к Калуге, вследствие чего и я отступлю к Юхнову или к Серпейску.

Перейдя через Угру, авангард мой дал мне знать, что, будучи атакован
неприятелем под Ермаками, он с поспешностию отступает и что неприятель в
больших силах за ним следует с чрезмерною наглостию. Я рассудил послать к
нему на подмогу одну сотню, а всю партию переправить обратно через Угру.

Едва успел я перебраться на левый берег оной, как увидел вдали дым
выстрелов и скачку кавалерии. Это была погоня за моим авангардом. Вскоре

показались на горизонте две черные колонны неприятельские, идущие весьма

быстро. Авангард мой прибыл к берегу, бросился вплавь и соединился с

партией, а неприятельские передовые войска, остановясь на той стороне реки,

стали стрелять из ружей и пистолетов, в одно время как часть оных искала

броду выше того места, где находилась партия моя. Я увидел по сему, что

стремление неприятеля не ограничится рекою, и потому взял меры к

отступлению на Федотково. Вследствие чего и дабы совершить оное безопаснее,

я немедленно послал три разъезда, по десяти казаков каждый: один на

Кузнецово к селу Козельску для открытия левой стороны, дабы никакой другой

неприятельский отряд не мог сбоку помешать моему отступлению, второй - в

Федотково, для открытия дороги, которую партия избрала, и для приготовления

оной продовольствия, а третий - в Знаменское, с повелением Бельскому

оставить немедленно сие село с поголовным ополчением и с моею пехотою и

поспешнее следовать по Юхновской дороге к селу Слободке. Сам же, желая

выиграть время, пока неприятель дойдет до реки и будет чрез оную

переправляться, двинулся рысью в три колонны и в два коня, чтобы по

средству длины колонн показаться сильнее, нежели я был действительно.

Сначала все шло удачно: перестрелка умолкла, и мы продолжали путь

беспрепятственно, но едва успели пройти около семи верст, как оба первые

разъезда во всю прыть прибыли к нам навстречу и уведомили меня, первый: что

другая конная неприятельская колонна идет на дорогу, по коей я следую, а

второй: что и в Федотково вступил неприятель. В доказательство первому

известию неприятель стал уже показываться с левой стороны, а последнее
подтвердил мне прибывший из Федоткова конный крестьянин, который сам видел
неприятеля, вступившего в село, и с тем оттуда выехал, чтобы меня
уведомить. Обстоятельства представлялись не в розовом цвете! Долгое
размышление было неуместно; я немедленно, поворотя вправо на Борисенки и
переправясь чрез Угру при Кобелеве, прибыл в Воскресенское, находящееся на
границе Медынского уезда, возле дороги из Юхнова в Гжать.

На марше моем один урядник и два казака были посланы к Бельскому с
повелением не останавливаться уже в Слободке, отступить к Климовскому
заводу; сим же посланным велено было поспешнее проехать в Юхнов для
уведомления дворянского предводителя, что партия отступает в Воскресенское
и чтобы все бумаги, которые будут адресованы на мое имя из главной
квартиры, были посылаемы прямо в означенное село.

Двадцатого, поутру, я получил уведомление от дежурного генерала об
отступлении неприятеля из Малоярославца и о следовании его на Гжать и
Смоленск[38] . Этого надлежало ожидать: внезапное умножение неприятельских
отрядов и обозов с некоторого времени между Вязьмою и Юхновом достаточно
могло удостоверить в незамедленном отступлении всей неприятельской армии.
Несмотря на это, я не мог бы тронуться с места, если бы светлейший не
отрядил после Малоярославского дела всю легкую свою конницу наперерез
неприятельским колоннам, идущим к Вязьме. Появление большой части легкого
войска с атаманом Платовым и с графом Орловым-Денисовым на пространстве,

где я шесть недель действовал и которое в сие время находилось уже во
власти неприятельских отрядов, принудило их удалиться частию к Вязьме, а
частию к Дорогобужу, и тем освободило меня из заточения в Воскресенском.
Без сомнения, я лично много обязан сей спасительной мысли; но если бы
уважили неоднократные представления мои об умножении на сем пространстве
числа легких войск с начала занятия Тарутина, тогда отряды, потеснившие
меня почти до Юхнова, или не смели бы явиться на пространстве, столь
впоследствии необходимом для нашей армии, и опустошать оное, или попались
бы немедленно в руки нашим партиям. Как бы то ни было, исправлять прошедшее
было поздно; следовало пользоваться настоящим, и я немедленно послал
Бельскому повеление поспешнее двинуться в Знаменское, где соединился с ним
того же числа вечером.

Двадцать первого я оставил поголовное ополчение на месте и, присоединяя
регулярную пехоту к партии, выступил в два часа утра по Дорогобужской
дороге на село Никольское, где, сделав большой привал, продолжал следовать
далее. От направления сего я попался между отрядами двух
генерал-адъютантов: графа Ожаровского и графа Орлова-Денисова [39]; первый
прислал ко мне гвардии ротмистра (что ныне генерал-лейтенант) Палицына,
дабы выведать, не можно ли ему прибрать меня к рукам, а последний еще от
19-го числа прислал офицера отыскивать меня для объяснения, что если я не
имею никакого повеления от светлейшего после 20-го октября, то чтобы
немедленно поступил в его команду.

Уверен будучи, что звание партизана не освобождает от

чинопослушания, но с
сим вместе и позволяет некоторого рода хитрости, я воспользовался
разновременным приездом обоих присланных и объявил первому о невозможности
моей служить под командою графа Ожаровского по случаю получения повеления
от графа Орлова-Денисова поступить под его начальство, а второго уверил,
что я уже поступил под начальство графа Ожаровского и, вследствие повеления
его, иду к Смоленской дороге.

Между тем я не счел не только предосудительным, но даже приличным
солдатской гордости - просить генерала Коновницына довести до сведения
светлейшего неприятность, которою я угрожаем. "Имев счастие, - писал я ему,
- заслужить в течение шестинедельного моего действия особенное его
светлости внимание, мне чрезмерно больно, при всем уважении моем к графу
Орлову-Денисову и к графу Ожаровскому, поступить в начальство того или
другого, получив сам уже некоторый навык к партизанской войне, тогда как я
вижу, что в то же время поручают команды людям, хотя по многим отношениям
достойным, но совершенным школьникам в сем роде действия". Я заключал
письмо мое изложением выгод размножения, а не сосредоточивания партий при
тогдашних обстоятельствах, и послал урядника Крючкова с пятью казаками в
главную квартиру, находившуюся, по известиям, около Вязьмы. Я приказал ему
искать меня к 23-му числу около села Гаврикова, чрез которое я намерен был
следовать после поиска моего к селу Рыбкам.

Того же числа, то есть 21-го, около полуночи, партия моя прибыла за шесть
верст от Смоленской дороги и остановилась в лесу без огней,

весьма скрытно.

За два часа пред рассветом мы двинулись на Ловитву. Не доходя за три версты

до большой дороги, нам уже начало попадаться несметное число обозов и туча

мародеров. Все мы били и рубили без малейшего сопротивления. Когда же

достигли села Рыбков, тогда попали в совершенный хаос! Фуры, телеги,

кареты, палубы, конные и пешие солдаты, офицеры, денщики и всякая сволочь -

все валило толпою. Если б партия моя была бы вдесятеро сильнее, если бы у

каждого казака было по десяти рук, и тогда невозможно было бы захватить в

плен десятую часть того, что покрывало большую дорогу. Предвидя это, я

решился, еще пред выступлением на поиск, предупредить в том казаков моих и

позволить им не заниматься взятием в плен, а, как говорится, катить

головнею по всей дороге. Скифы мои не требовали этому подтверждения; зато

надо было видеть ужас, объявший всю сию громаду путешественников! Надо было

быть свидетелем смешения криков отчаяния с голосом ободряющих, со стрельбою

защищающихся, с треском на воздух взлетающих артиллерийских палубов и с

громогласным "ура" казаков моих! Свалка эта продолжалась с некоторыми

.переменами до времени появления французской кавалерии, а за нею и

гвардии[40].

Тогда я подал сигнал, и вся партия, отхлынув от дороги, начала строиться.

Между тем гвардия Наполеона, посредине коей он сам находился, подвигалась.

Вскоре часть кавалерии бросилась с дороги вперед и начала строиться с

намерением отогнать нас далее. Я весьма уверен был, что бой не по силе, но

страшно хотелось погарцевать вокруг его императорского и

королевского
величества и первому из отдельных начальников воспользоваться честью отдать
ему прощальный поклон за посещение его. Правду сказать, свидание наше было
недолговременно; умножение кавалерии, которая тогда была еще в положении
довольно изрядном, принудило меня вскоре оставить большую дорогу и уступить
место громадам, валившим одна за другою. Однако во время сего перехода я
успел, задирая и отражая неприятельскую кавалерию, взять в плен с бою сто
восемьдесят человек и двух офицеров и до самого вечера конвоевал императора
французов и протектора Рейнского союза с приличной почестью.

Двадцать третьего числа я, перешед речку Осму, предпринял поиск на
Славково, где снова столкнулся с старою гвардиею. Часть оной расположена
была на биваках, а часть в окрестных деревушках. Внезапное и шумное
появление наше из скрытного местоположения причинило большую сумятицу в
войсках. Все бросились к ружью; нам сделали даже честь стрелять по нас из
орудий. Перестрелка продолжалась до вечера без значительной с нашей стороны
потери. Вечером прибыло несколько эскадронов неприятельской кавалерии, но с
решительным намерением не сражаться, ибо, сделав несколько движений вправо
и влево колоннами, они, выслав фланкеров, остановились, а мы, забрав из
оных несколько человек, отошли в Гаврюково. Поиск сей доставил нам со
взятыми фланкерами сто сорок шесть человек фуражиров, трех офицеров и семь
провиантских фур с разною рухлядью; успех не важный относительно добычи, но
важный потому, что опроверг намерение Наполеона внезапно напасть со всею

армиею на авангард наш; по крайней мере, так можно заключить по циркуляру,

посланному от Бертье ко всем корпусным командирам. Нападение сие, будучи

основано на тайне и неведении с нашей стороны о местопребывании всех сил

неприятеля, не могло уже быть приведено в исполнение, коль скоро завеса

была сорвана моею партиею.

Поутру 24-го числа я получил от генерала Коновницына разрешение действовать

отдельно и повеление поспешно следовать к Смоленску. Посланный сей уведомил

меня о счастливом сражении при Вязьме 22-го числа и о шествии вслед за мной

партий Сеславина и Фигнера, в одно время как Платов напирал на арьергард

неприятеля с тыла. Получа повеление сие, я не мог уже тащить за собою

храбрую пехоту мою, состоявшую еще в ста семидесяти семи рядовых и двух

унтер-офицерах; почему я расстался с нею на дороге от Гаврюкова и отправил

ее в Рославль к начальнику ополчения Калужской губернии.

Теперь я касаюсь до одного случая с прискорбием, ибо он навлекает проклятие

на русского гражданина. Но долг мой говорить все то, что я делал, в чем

кому содействовал, кто в чем мне содействовал и чему я был свидетелем.

Пусть время поставит каждого на свое место.

Около Дорогобужа явился ко мне вечером Московского гренадерского полка

отставной подполковник Масленников, в оборванном мужичьем кафтане и в

лаптях. Будучи знаком с Храповицким с детства своего, свидание их было

дружеское; вопросы следовали один за другим, и, как вопросы того времени,

все относились к настоящим обстоятельствам. Он рассказывал свое несчастие:

как не успел выехать из села своего и был захвачен во время наводнения края

сего приливом неприятельской армии, как его ограбили и как он едва спас

последнее имущество свое - испрошением себе у вяземского коменданта

охранного листа. Знав по опытам, сколько охранные листы бесполезны к

охранению, мы любопытствовали видеть лист сей, но как велико было наше

удивление, когда мы нашли в нем, что г. Масленикоп освобождается от всякого

постоя и реквизиций в уважение обязанности, добровольно принятой им на

себя, продовольствовать находившиеся в Вязьме и проходившие чрез город сей

французские войска. Приметя удивление наше, он хотя с замешательством, но

спешил уверить нас, что эта статья поставлена единственно для спасения его

от грабительства и что он никогда и ничем нс снабжал войска французского в

Вязьме.

Сердца наши готовы были извинить его: хотя русский, он мог быть слабее

другого духом, прилипчивее другого к интересу и потому мог ухватиться за

всякий способ для сохранения своей собственности. Мы замолчали, а он,

приглася нас на мимоходный завтрак, отправился в село свое, расстоящее в

трех верстах от деревни, в коей мы ночевали.

На рассвете изба моя окружилась просителями; более ста пятидесяти крестьян

окрестных сел пали к ногам моим с просьбою на Масленикова, говоря: "Ты

увидишь, кормилец, село его, ни один хранц, (то есть франц, или француз) до

него не дотронулся, потому что он с ними же грабил нас и посылал все в

Вязьму, - всех разорил; у нас ни синь-пороха не осталось по его милости!"

Это нас все взорвало.

Я велел идти за мною как окружившим избу мою, так и встретившимся со мною
на дороге просителям.

Приехав в село Масленикова, я поставил их скрытно за церковью и запретил им
подходить ко двору прежде моего приказания. Казалось, мы вступили на
благословенный остров, оставшийся от всеобщего потопления! Село, церковь,
дом, избы и крестьяне - все было в цветущем положении! Я уверился в
справедливости доноса и, опасаясь, чтобы после ухода моего страдальцы сами
собой управы не сделали и тем не подали пример другим поселянам к мятежу и
безначалию, что в тогдашних обстоятельствах было бы разрушительно и
совершенно пагубно для России, я решился обречь себя в преступники и

принять ответственность за подвиг беззаконный, хотя спасительный!

Между тем товарищи мои сели за сытный завтрак... Я не ел, молчал и даже не
глядел на все лишние учтивости хозяина, который, чувствуя вину свою и видя
меня сумрачным и безмолвным, усугублял их более и более. После завтрака он
показал нам одну горницу, нарочно, как кажется, для оправдания себя
приготовленную: в ней все мебели были изломаны, обои оборваны и пух
разбросан по полу. "Вот, - говорил он, - вот что эти злодеи французы
наделали!"

Я, продолжая молчание, подал потаенно от него знак вестовому моему, чтобы
позвал просителей, и вышел на улицу будто бы садиться на конь и продолжать
путь мой. Когда на улице показалась толпа просителей, я, будто не зная, что
они за люди, спросил: "Кто они такие?" Они отвечали, что окрестные
крестьяне, и стали жаловаться на Масленикова, который уверял, что они
изменники и бунтовщики, но бледнел и трепетал. "Глас божий - глас народа!"
- отвечал я ему и немедленно велел казакам разложить его и дать двести
ударов нагайками.

По окончании экзекуции я спросил крестьян, довольны ли они? И когда
передний из них начал требовать возвращения похищенного, то, чтобы прервать
все претензии разом, я его взял за бороду и, ударив нагайкою, сказал
сердито и грозно: "Врешь! Этого быть не может. Вы знаете сами, что
похищенное все уже израсходовано французами, - где его взять? Мы все
потерпели от нашествия врагов, но что бог взял, то бог и

даст. Ступайте по
домам, будьте довольны, что разоритель ваш наказан, как никогда помещиков
не наказывали, и чтобы я ни жалоб и ни шуму ни от одного из вас не слыхал.
Ступайте!"

После сего сел на конь и уехал. Теперь обратимся к военным действиям.
Размещение отдельных отрядов около 24-го и 25-го числ, то есть во время
нахождения главной квартиры французской армии в Дорогобуже, было следующее:

Князь Яшвиль, командовавший отрядом калужского ополчения, встретя в Ельне
дивизию Бараге-Дильера, находился на обратном марше в Рославль.
Генерал-лейтенант Шепелев с калужским ополчением, шестью орудиями и тремя
казачьими полками - в Рославле.

Отряд графа Орлова-Денисова был на марше от Вязьмы чрез Колпитку и Волочок
к Соловьевой переправе. Партия моя - вслед за оной на марше из Гаврюкова
чрез Богородицкое и Дубовище к Смоленску.

Отряд графа Ожаровского от Юхнова и Знаменского - на марше чрез Балтутино в
Вердебяки. Партии Фигнера и Сеславина - от Вязьмы к Смоленску, вслед за
моею партией, но ближе к главным колоннам неприятельской армии. Отряд
атамана Платова - вслед за арьергардом неприятеля, около Семлева.

Отряд генерала Кутузова [41] - между Гжатью и Сычевкой, в направлении к
Николе-Погорелову и к Духовщине. По тому же направлению, но ближе к
неприятелю, - партия Ефимова.

Пока покушался я занять большую дорогу у села Рыбков и

производил поиск на

Славково, граф Орлов-Денисов опередил меня, так что едва усиленными

переходами я мог достичь его 25-го числа в селе Богородицком и то уже в

минуту выступления его к Соловьевой переправе. Оставя мою партию на марше,

я явился к графу с рапортом. Он меня принял хотя и ласково, но при всем том

весьма приметно было, сколь тревожил его вид подполковника, ускользнувшего

от владычества генерал-адъютанта и пользовавшегося одинакими с ними

правами. Дабы хотя на время исправить противоестественное положение сие, он

пригласил меня идти вместе с ним к Соловьевой переправе, предсказывая и

обещая мне, если я не последую за ним, несчастные успехи. Но я, помня

лесистые места около Соловьева и быв убежден в бесполезности сего поиска,

отказался, представив ему полученное мною повеление идти к Смоленску. К

тому же, прибавил я, изнурение лошадей принуждает меня дать отдых моей

партии, по крайней мере часа на четыре. На сие граф, усмехнувшись, сказал:

"Желаю вам спокойно отдыхать!" - и поскакал к своему отряду, который уже

вытягивался по дороге.

Я расчел верно. Покушение графа Орлова-Денисова не принесло ожидаемой им

пользы, и он принужденным нашелся обратиться к прежнему пути своему. Если б

партия моя была сильнее, дорого бы он заплатил за свою усмешку и долго бы

помнил залет свой к Соловьеву, ибо в продолжение сего времени я открыл

отряд генерала Ожеро в Ляхове и смог бы сделать один то, что сделал под

командою графа. 26-го, на марше к Дубовищам, я приметил, что авангард мой

бросился в погоню за конными французами. Вечернее время и

туманная погода
не позволили ясно рассмотреть числа неприятеля, почему я, стянув полки,
велел взять дротики наперевес и пошел рысью вслед за авангардом. Но едва
вступил в маленькую деревушку, которой я забыл имя, как увидел несколько
авангардных казаков моих, ведущих ко мне лейб-жандармов французских
(Gendarmes d'elite). Они объявили мне о корпусе Бараге-Дильера,
расположенном между Смоленском и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на
вид, что дело их не сражаться, а сохранять порядок в армии. Я отвечал им:
"Вы вооружены, вы французы, и вы в России; следовательно, молчите и
повинуйтесь!"

Обезоружа их, я приставил к ним стражу и приказал при первом удобном случае
отослать их в главную квартиру; а так как уже было поздно, то мы расставили
посты и остановились на ночлег.

Спустя час времени соединились со мною Сеславин и Фигнер [41] .

Я уже давно слышал о варварстве сего последнего, но не мог верить, чтобы
оно простиралось до убийства врагов безоружных, особенно в такое время,
когда обстоятельства отечества стали исправляться и, казалось, никакое
низкое чувство, еще менее мщение, не имело места в сердцах, исполненных
сильнейшею и совершеннейшею радостью! Но едва он узнал о моих пленных, как
бросился просить меня, чтобы я позволил растерзать их каким-то новым
казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены. Не могу выразить,
что почувствовал я при противуположности слов сих с красивыми чертами лица

Фигнера и взором его - добрым и приятным! Но когда вспомнил превосходные
военные дарования его, отважность, предприимчивость, деятельность - все
качества, составляющие необыкновенного воина, - я с сожалением сказал ему:
"Не лишай меня, Александр Самойлович, заблуждения. Оставь меня думать, что
великодушие есть душа твоих дарований; без него они - вред, а не польза, а
как русскому, мне бы хотелось, чтобы у нас полезных людей было побольше".

Он на это сказал мне: "Разве ты не расстреливаешь?" - "Да, - говорил я, -
расстрелял двух изменников отечеству, из коих один был грабитель храма
божия". - "Ты, верно, расстреливал и пленных?" - "Боже меня сохрани! Хоть
вели тайно разведать у казаков моих". - "Ну, так походим вместе, - он
отвечал мне, - тогда ты покинешь все предрассудки". - "Если солдатская
честь и сострадание к несчастию - предрассудки, то их предпочитаю твоему
рассудку! Послушай, Александр Самойлович, - продолжал я. - Я прощаю
смертоубийству, коему причина - заблуждение сердца огненного; возмездие
души, гордой за презрение, оказанное ей некогда спесивой ничтожностию;
лишняя страсть к благу общему, часто вредная, но очаровательная в
великодушии своем! И пока вижу в человеке возвышенность чувств, увлекающих
его на подвиги отважные, безрассудные и даже бесчеловечные, - я подам руку
сему благородному чудовищу и готов делить с ним мнение людей, хотя бы чести
его приговор написан был в сердцах всего человечества! Но презираю убийцу
по расчетам или по врожденной склонности к разрушению".

Мы замолчали. Однако, опасаясь, чтобы он не велел похитить

ночью пленных
моих, я, под предлогом отдавать приказания партии, вышел из избы, удвоил
секретно стражу, поручил сохранение их на ответственность урядника, за ними
надзиравшего, и отослал их рано поутру в главную квартиру.

Мы часто говорим о Фигнере - сем странном человеке, проложившем кровавый
путь среди людей, как метеор всеразрушающий. Я не могу постичь причину
алчности его к смертоубийству! Еще если бы он обращался к оному в
критических обстоятельствах, то есть посреди неприятельских корпусов,
отрезанный и теснимый противными отрядами и в невозможности доставить
взятых им пленных в армию. Но он обыкновенно предавал их смерти не во время
опасности, а освободясь уже от оной; и потому бесчеловечие сие вредило ему
даже и в маккиавеллических расчетах его, истребляя живые грамоты его
подвигов. Мы знали, что он истинно точен был в донесениях своих и
действительно забирал и истреблял по триста и четыреста нижних и вышних
чинов, но посторонние люди, линейные и главной квартиры чиновники, всегда
сомневались в его успехах и полагали, что он только бьет на бумаге, а не на
деле. Ко всему тому таковое поведение вскоре лишило его лучших офицеров,
вначале к нему приверженных. Они содрогнулись быть не токмо помощниками, но
даже свидетелями сих бесполезных кровопролитий и оставили его с одним его
сеидом - Ахтырского гусарского полка унтер-офицером Шиановым, человеком
неустрашимым, но кровожаждущим и по невежеству своему надеявшимся получить
царство небесное за истребление неприятеля каким бы то образом ни было.

В ночь возвратились разъездные мои, посланные к селу Ляхову, и уведомили
меня, что как в нем, так и в Язвине находятся два сильных неприятельских
отряда, что мне подтвердил и приведенный ими пленный, уверяя, что в первом
селе стоит генерал Ожеро с двумя тысячами человек пехоты и частью
кавалерии.

Мы решились атаковать Ляхово. Но так как все три партии не составляли более
тысячи двухсот человек разного сбора конницы, восьмидесяти егерей 20-го
егерского полка и четырех орудий, то я предложил пригласить на удар сей
графа Орлова-Денисова, которого партия состояла из шести полков казачьих и
Нежинского драгунского полка, весьма слабого, но еще годного для декорации
какого-нибудь возвышения.

Немедленно я послал к графу письмо пригласительное: "По встрече и разлуке
нашей я приметил, граф, что вы считаете меня непримиримым врагом всякого
начальства; кто без властолюбия? И я, при малых дарованиях моих, более
люблю быть первым, нежели вторым, а еще менее четвертым. Но властолюбие мое
простирается до черты общей пользы. Вот пример вам: я открыл в селе Ляхове
неприятеля, Сеславин, Фигнер и я соединились. Мы готовы драться. Но дело не
в драке, а в успехе. Нас не более тысячи двухсот человек, а французов две
тысячи и еще свежих. Поспешите к нам в Белкино, возьмите нас под свое
начальство - и ура! с богом!"

Двадцать седьмого числа мы были на марше. Вечером я получил от графа ответ.
Он писал: "Уведомление о движении вашем в Белкино я получил. Вслед за сим и

я следую для нападения на неприятеля; но кажется мне, что атака наша без
присоединения ко мне командированных мною трех полков, которые прибыть
должны через два часа, будет не наверное; а потому не худо бы нам дождаться
и действовать всеми силами".

Двадцать восьмого, поутру, Фигнер, Сеславин и я приехали в одну деревушку,
занимаемую полком Чеченского, верстах в двух от Белкина. Вдали было видно
Ляхово, вокруг села биваки; несколько пеших и конных солдат показывались
между избами и шалашами, более ничего не можно было заметить. Спустя
полчаса времени мы увидели неприятельских фуражиров в числе сорока человек,
ехавших без малейшей осторожности в направлении к Таращину. Чеченский
послал в тыл им лощиною сотню казаков своих. Фуражиры приметили их, когда
уже было поздно. Несколько спаслось бегством, большая часть, вместе с
офицером (адъютантом генерала Ожеро), сдалась в плен. Они подтвердили нам
известие о корпусе Бараге-Дильера и об отряде генерала Ожеро, кои невзирая
на следование отряда графа Ожаровского, прошедшего 27-го числа Балтутино на
Рославльскую дорогу, остались неподвижными, хотя Балтутино от Ляхова не
более как в семнадцати, а от Язвина в девяти верстах.

Вскоре из Белкина подошла ко мне вся партия моя, и граф Орлов-Денисов
явился на лихом коне с вестовыми гвардейскими казаками. Он известил нас,
что командированные им три полка прибыли и что вся его партия подходит.
Поговоря со мною, как и с которой стороны будем атаковать, он повернулся к
Фигнеру и Сеславину, которых еще партии не прибыли на место, и сказал: "Я

надеюсь, господа, что вы нас поддержите". Я предупредил ответ их: "Я за них

отвечаю, граф; не русским - выдавать русских". Сеславин согласился от всего

сердца, но Фигнер с некоторою ужимкой, ибо один любил опасности, как свою

стихию, другой - не боялся их, но любил сквозь них видеть собственную

пользу без раздела ее с другими. Спустя час времени все партии наши

соединились, кроме восьмидесяти егерей Сеславина; а так как мне поручена

была честь вести передовые войска, то я, до прибытия егерей, велел выбрать

в стрелки казаков, имевших ружья, и пошел к Ляхову, следуемый всеми

партиями.

Направление наше было наперерез Смоленской дороге, дабы совершенно

преградить отряду Ожеро отступление к Бараге-Дильеру, занимавшему

Долгомостье.

Коль скоро начали мы вытягиваться и подвигаться к Ляхову, все в селе этом

пришло в смятение; мы услышали барабаны и ясно видели, как отряд становился

в ружье; стрелки отделялись от колонн и выбегали из-за изб к нам навстречу.

Немедленно я спешил казаков моих и завязал дело. Полк Попова 13-го и

партизанскую мою команду развернул на левом фланге спешенных казаков, чтобы

закрыть движение подвигавшихся войск наших, а Чеченского с его полком

послал на Ельненскую дорогу, чтобы пресечь сообщение с Ясминым, где

находился другой отряд неприятеля. Последствия оправдали эту меру.

Сеславин прискакал с орудиями к стрелкам моим, открыл огонь по колоннам

неприятельским, выходившим из Ляхова, и продвинул гусар

своих для прикрытия
стрелков и орудий. Партии его и Фигнера построились позади сего прикрытия.
Граф Орлов-Денисов расположил отряд свой на правом фланге партий Фигнера и
Сеславина и послал разъезды по дороге в Долгомостье.

Неприятель, невзирая на пушечные выстрелы, выходил из села, усиливал
стрелков, занимавших болотистый лес, примыкающий к селу, и напирал на
правый фланг наш главными силами. Сеславин сменил пеших казаков моих
прибывшими егерями своими и в одно время приказал ахтырским гусарам, под
командою ротмистра Горскина находившимся, ударить на неприятельскую
конницу, покусившуюся на стрелков наших. Горскин атаковал, - опрокинул сию
конницу и вогнал ее в лес, уже тогда обнаженный от листьев и, следственно,
неспособный к укрытию пехоты, стрелявшей для поддержания своей конницы.
Стрелки наши бросились за Горскиным и вместе с ним начали очищать лес, а
стрелки неприятельские - тянуться из оного чистым полем к правому флангу
отряда своего. Тогда Литовского уланского полка поручик Лизогуб, пользуясь
их смятением, рассыпал уланов своих и ударил. Проезжая в то время вдоль по
линии с правого на левый фланг, я попался между ними и был свидетелем
следующего случая.

Один из уланов гнался с саблею за французским егерем. Каждый раз, что егерь
прицеливался по нем, каждый раз он отъезжал прочь и преследовал снова,
когда егерь обращался в бегство. Приметя сие, я закричал улану: "Улан,
стыдно!" Он, не отвечав ни слова, поворотил лошадь, выдержал выстрел
французского егеря, бросился на него и рассек ему голову.

После сего, подъехав ко мне, он спросил меня: "Теперь довольны ли, ваше
высокоблагородие?" - и в ту же секунду охнул: какая-то бешеная пуля
перебила ему правую ногу. Странность состоит в том, что сей улан, получив
за подвиг сей Георгиевский знак, не мог носить его... Он был бердичевский
еврей, завербованный в уланы. Этот случай оправдывает мнение, что нет
такого рода людей, который не причастен был бы честолюбия и, следовательно,
не способен был бы к военной службе.

Приехав на левый фланг, мне представили от Чеченского взятого в плен
кривого гусарского ротмистра, которого я забыл имя, посланного в Ясмино с
уведомлением, что ляховский отряд атакован и чтобы ясминский отряд поспешал
к нему на помощь. Между тем Чеченский донес мне, что он прогнал обратно в
село вышедшую против него неприятельскую кавалерию, пресек совершенно путь
к Ясмину, и спрашивал разрешения: что прикажу учинить с сотнею человек
пехоты, засевшей в отдельных от села сараях, стрелявших из оных и не
сдающихся? Я велел жечь сараи - исчадье чингисханово, - сжечь и сараи и
французов.

Между тем граф Орлов-Денисов уведомлен был, что двухтысячная колонна спешит
по дороге от Долгомостья в тыл нашим отрядам и что наблюдательные войска
его, на сей дороге выставленные, с поспешностию отступают. Граф, оставя нас
продолжать действие против Ожеро, взял отряд свой и немедленно обратился с
ним на кирасиров, встретил их неподалеку от нас, атаковал, рассеял и,
отрядив полковника Быхалова с частию отряда своего для

преследования оных к
Долгомостью, возвратился к нам под Ляхово.

Вечерело. Ляхово в разных местах загорелось; стрельба продолжалась...

Я уверен, что если бы при наступлении ночи генерал Ожеро свернул войска
свои в одну колонну, заключа в средину оной тяжести отряда своего, и
подвинулся бы таким порядком большою дорогою к Долгомостью и к Смоленску, -
все наши покушения остались бы тщетными. Иначе ничего сделать мы не могли,
как конвоировать его торжественно до корпуса Бараге-Дильера и откланяться
ему при их соединении.

Вместо того мы услышали барабанный бой впереди стрелковой линии и увидали
подвигавшегося к нам парламентера. В это время я ставил на левом моем
фланге между отдельными избами присланное мне от Сеславина орудие и
готовился стрелять картечью по подошедшей к левому моему флангу довольно
густой колонне. Граф Орлов-Денисов прислал мне сказать, чтобы я прекратил
действие и дал бы о том знать Чеченскому, потому что Фигнер отправился уже
парламентером - к Ожеро в Ляхово.

Переговоры продолжались не более часа. Следствие их было - сдача двух тысяч
рядовых, шестидесяти офицеров и одного генерала военнопленными.

Наступила ночь; мороз усилился; Ляхово пылало; войска наши, на коне, стояли
по обеим сторонам дороги, по которой проходили обезоруженные французские
войска, освещаемые отблеском пожара. Болтовня французов не умолкала: они
ругали мороз, генерала своего, Россию, нас; но слова

Фигнера: "Filez,

filez"[43] - покрывали их нескромные выражения. Наконец Ляхово очистилось,

пленные отведены были в ближнюю деревеньку, которой я забыл имя, и мы вслед

за ними туда же прибыли.

Тут мы забыли слова Кесаря: "Что не доделано, то не сделано". Вместо того

чтобы немедленно идти к Долгомостью на Бараге-Дильера, встревоженного

разбитием кирасиров своих, или обратиться на отряд, стоявший в Ясмине, мы

все повалились спать и, проснувшись в четыре часа утра, вздумали писать

реляцию, которая, как будто в наказание за лень нашу, послужила в пользу не

нам, а Фигнеру, взявшему на себя доставление пленных в главную квартиру и

уверившему светлейшего, что он единственный виновник сего подвига. В

награждение за оный он получил позволение везти известие о сей победе к

государю императору, к коему он немедленно отправился. После сего можно

догадаться, в славу кого представлено было дело, о котором сам светлейший

своеручно прибавил:

"Победа сия тем более знаменита, что в первый раз в продолжение нынешней

кампании неприятельский корпус положил пред нами оружие".

Двадцать девятого партия моя прибыла в Долгомостье и тот же день пошла к

Смоленску. Поиск я направил между дорогами Ельненской и Мстиславской, то

есть между корпусами Жюно и Понятовского, которые на другой день

долженствовали выступить в Манчино и Червонное. Этот поиск доставил нам

шесть офицеров, сто девяносто шесть артиллеристов без орудий и до двухсот

штук скота, употребляемых для возки палубов; но дело шло не о добыче. В сем

случае намерение мое переступало за черту обыкновенных партизанских

замыслов. Я предпринял залет свой единственно в тех мыслях, чтобы глазами

своими обозреть расположение неприятельской армии и по сему заключить о

решительном направлении оной. Мнение мое всегда было то, что она пойдет

правым берегом Днепра на Катань, а не левым на Красный; единственный взгляд

на карту покажет выгоду одного и опасность другого пути при движении нашей

армии к Красному.

Корпуса Жюно и Понятовского, хотя весьма слабые, но были для меня камнем

преткновения; да если бы я мог и беспрепятственно пробраться до Красненской

дороги, и тогда я не открыл бы более того, что уже я открыл на дорогах

Ельненской и Мстиславской, ибо впоследствии я узнал, что в то время большая

часть неприятельской армии находилась еще между Соловьевой переправой,

Духовщиной и Смоленском, на правом берегу Днепра. На сию же сторону прибыли

только старая и молодая гвардия, занявшие Смоленск, четыре кавалерийские

корпуса, слитые в один и расположенные за Красненской дорогой у селения

Вильковичей, и два корпуса, между коими я произвел свой поиск.

Так как оружие ни к чему уже служить не могло, то я обратился к дипломатике

и старался всеми возможными изворотами выведать от пленных офицеров о сем

столь важном решении Наполеона; но и дипломатика изменила мне, ибо по

ответам, деланным мне, казалось, что все сии офицеры были не что иное, как

бессловесные исполнители повелений главного начальства,

ничего не зная о
предначертаниях оного...

Соименный мне покоритель Индии (Вакх, иначе Дионисий) подал мне руку
помощи. Чарка за чаркою, влитые в глотки моих узников, возбудили их к
многоглаголанию. Случилось так, что один из них был за адъютанта при
каком-то генерале и только что воротился из Смоленска, куда он ездил за
приказаниями и где он видел все распоряжения, принимаемые гвардиею к
выступлению из Красного. "Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке" -
говорит пословица; откровенность хлынула через край, и я все узнал, что мне
нужно было узнать, даже и лишнее, ибо к столь любопытному известию он не
мог не припутать и рассказы о своих любовных приключениях, которые я
принужден был слушать до тех пор, пока мой вития не упал с лошади.

Это известие слишком было важно, чтобы не поспешить доставлением оного к
главнокомандующему. Почему я в ту же минуту послал курьера с достаточным
прикрытием по Мстиславской дороге, на коей или в окрестностях коей я
полагал главную квартиру. Сам же я остался против встреченных мною войск,
отвечая на стрельбу их до тех пор, пока превосходство сил не принудило меня
отступить по Мстиславской дороге и провести ночь верстах в пятнадцати от
Смоленска. В сии сутки мы прошли, по крайней мере, пятьдесят верст.

Неожиданная встреча и отпор, сделанный мне на ходу к Смоленску, внушили мне
мысль достигнуть до Красного [44] посредством большого обхода; к тому же,
быв отягчен пленными и двумястами штуками скота, я хотел

сдать первых и не
оставить без употребления последних в такое время, когда войска наши столь
нуждались в пропитании. Вследствие чего я решился коснуться армии и потом
продолжать путь мой к Красному. Грубая ошибка! Можно сказать, что расчет
мой от дифференциального исчисления при поиске к Смоленску упал в четвертое
правило арифметики при обратном движении, предпринятом мною для раздела
мясной порции! И подлинно, взяв направление на Червонное и Манчино, где еще
не было неприятеля, я мог быть у Красного 1-го ноября, в самый тот день,
как дивизия Клапареда, прикрывшая транспорт трофеев, казну и обозы главной
квартиры Наполеона, выступила из Смоленска по сему направлению. Правда, что
известие о том дошло до меня весьма поздно; к тому же сколько дивизия сия
ни была слаба, все она числом своим превышала мою партию, к тому же она
была пехотная, а партия моя - конная. Однако это не отговорка!
Господствующая мысль партизанов той эпохи долженствовала состоять в том,
чтобы теснить, беспокоить, томить, вырывать, что по силам, и, так сказать,
жечь малым огнем неприятеля без угомона и неотступно. Все в прах для сей
мысли - и пленных, и коров!.. Я сберег первых, накормил некоторые корпуса
последними, - и виноват постыдно и непростительно.

Итак, пройдя несколько верст по Мстиславской дороге, я встретил
лейб-гусарский эскадрон, командуемый штабс-ротмистром Акинфьевым, а в
восьми верстах далее нашел несколько пехотных корпусов, расположенных для
дневки. Как корсар, который после долговременного крейсирования открывает
курящиеся берега родины, так воззрился я в биваки

товарищей, так давно мною
оставленных. Берег! Берег! - подумал я и бросился во всю прыть к избе
генерала Раевского. Прием сего с детства моего уважаемого мною и в пылу
боев всегда изумлявшего меня героя был таков, какого я ожидал; но
посетители его встретили меня иначе; случилось так, что некоторые из них
были те самые, которые при вступлении моем в партизаны уверяли меня, что я
берусь не за свое дело, полагая оное чрезмерно опасным и не соответствующим
моим способностям. Продолжать атаку на пункт, сделавшийся уже неприступным,
было бы безрассудно, и потому они переместили батареи свои. Едва я
поздоровался с Раевским и некоторыми приятелями моими, как начались улыбки,
полунасмешливые взгляды и вопросы насчет двухмесячных трудов моих. Боже
мой! Какое напряжение - поравнять службу мою с переездами их от обеда на
обед по Тарутинской позиции! Иные давали мне чувствовать, что нет никакой
опасности действовать в тылу неприятеля; другие - что донесения мои
подвержены сомнению; те безмерно хвалили партизанов прошедших войн с тем,
чтобы унизить мои поиски; некоторые осуждали светлейшего за то, что дает
место в реляциях делам, не достойным внимания; словом, видно было, сколь
имя мое, выставленное во всех объявлениях того времени, кололо глаза людям,
искавшим в тех же объявлениях имена свои от Немана до Москвы, а от Москвы
до Смоленска, и осужденным видеть оные в одних расписаниях нашей армии.

Огражденный чистой совестью и расписками на три тысячи пятьсот шестьдесят
рядовых и сорок три штаб- и обер-офицера, взятых мною от 2-го сентября до
23-го октября[45], я смеялся над холостым зарядом моих

противников и желал
для пользы России, чтобы каждый из них мог выручить себя от забвения
подобными расписками.

Наделив находившиеся там голодные войска отбитыми мною двумястами штуками
скота, я ночевал не помню в какой-то деревушке, у генерала Раевского, и
перед рассветом выступил по направлению к Красному.

Первого ноября на походе я догнал колонну генерала Дохтурова и графа
Маркова, которые в то время заезжали в какой-то господский дом для привала.
Намереваясь вскоре дать отдых партии моей, я указал Храповицкому на ближнюю
деревню и приказал ему остановиться в ней часа на два; сам же заехал к
генералу Дохтурову, пригласившему меня на походный завтрак. Не прошло
четверти часа времени, как Храповицкий прислал мне казака с известием, что
светлейший меня требует.

Я никак не полагал столкнуться с главною квартирою в сем направлении; но
холиться было некогда, я сел на конь и явился к светлейшему немедленно.

Я нашел его в избе; перед ним стояли Храповицкий и князь Кудашев. Как скоро
светлейший увидел меня, то подозвал к себе и сказал: "Я еще лично не знаком
с тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за молодецкую твою
службу". Он обнял меня и прибавил: "Удачные опыты твои доказали мне пользу
партизанской войны, которая столь много вреда нанесла, наносит и нанесет
неприятелю".

Я, пользуясь ласковым его приемом, просил извинения в том, что осмелился

предстать пред ним в мужицкой моей одежде. Он отвечал мне: "В народной
войне это необходимо, действуй, как ты действуешь: головою и сердцем; мне
нужды нет, что одна покрыта шапкой, а не кивером, а другое бьется под
армяком, а не под мундиром. Всему есть время, и ты будешь в башмаках на
придворных балах".

Еще светлейший полчаса говорил со мною, расспрашивал меня о способах,
которые я употребил образовать сельское ополчение, об опасностях, в каких я
находился, о мнении моем насчет партизанского действия и прочем. В это
время вошел полковник Толь с картою и бумагами, и мы вышли из избы.

Я думал, что все кончено, и пошел обедать к знаменитому сладкоеду и обжоре
- флигель-адъютанту графу Потоцкому. Но едва успели мы сесть за стол, как
вошел в избу лакей фельдмаршала и объявил мне, что светлейший ожидает меня
к столу. Я немедленно явился к нему, и мы сели за стол. Нас было шесть
человек: сам светлейший, Коновницын, князь Кудашев, Толь, я, недостойный, и
один какой-то генерал, которого я забыл и имя, и физиономию. За обедом
светлейший осыпал меня ласками, говорил о моих поисках, о стихах моих, о
литературе вообще, о письме, которое он в тот день писал к госпоже Сталь в
Петербург[46] , спросил о моем отце и о моей матери; отца он знал по его
остроумию и рассказал некоторые его шутки, мне даже не известные. Мать мою
он не знал, но много говорил об отце ее, генерал-поручике Щербинине, бывшем
наместником трех губерний при Екатерине. После обеда я напомнил ему о моих
подчиненных; он отвечал мне: "Бог меня забудет, если я вас

забуду", - и
велел подать о них записку. Я ковал железо, пока горячо, и представил
каждого офицера к двум награждениям. Светлейший беспрекословно все
подписал, и я, откланявшись ему, поехал в корчму села сего, где ожидали
меня партия моя и брат мой Евдоким, которого я не видал от самого Бородина.

Спустя два часа времени мы выступили в Волково. Извещенный мною из-под
Смоленска, а может, вместе со мною и другими партиями о решительном
направлении всей французской армии к Красному, светлейший намеревался
атаковать ее на марше и поспешил к окрестностям сего города.

Между 1-м и 4-м ноября расположение партизанов было следующее.

Второго граф Орлов-Денисов, соединясь со мною, коснулся корпуса Раевского в
Толстяках; мы продолжали путь в Хилтичи, куда прибыли к ночи. Отдохнув три
часа, мы пошли к Мерлину.

Третьего отряд графа Ожаровского подошел к Куткову, а партия Сеславина,
усиленная партиею Фигнера[47], - к Зверовичам.

Сего числа, на рассвете, разъезды наши дали знать, что пехотные
неприятельские колонны тянутся между Никулиным и Стеснами. Мы помчались к
большой дороге и покрыли нашею ордою все пространство от Аносова до
Мерлина. Неприятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, бежавшего
во всю прыть для сомкнутия. Заметив сие, граф Орлов-Денисов приказал нам
атаковать их. Расстройство сей части колонны неприятельской способствовало

нам почти беспрепятственно затоптать ее и захватить в плен генералов
Альмераса и Бюрта, до двухсот нижних чинов, четыре орудия и множество
обоза. Наконец подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон.
Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на конь и снова явились у
большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и
гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать
хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные,
пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду
свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых
воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых
ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди
снежного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная
кавалерия, бог знает для чего при армии влачившаяся, то как передовая, так
и следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы с столь малым
уроном, каковой они в сей день потерпели.

Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн
неприятельских, у коих отбивали отстававшие обозы и орудия, иногда отрывали
рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались
невредимыми.

Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского,
я решился под вечер послать Чеченского полк вперед, чтобы ломать мостики,
находящиеся на пути к Красному, заваливать дорогу и стараться всяким

образом преграждать шествие неприятеля; всеми же силами, окружая справа и
слева и пересекая дорогу спереди, мы перестреливались с стрелками и
составляли, так сказать, авангард авангарда французской армии.

Я как теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на
рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами
лейб-гвардии казацкого полка. Полковники, офицеры, урядники, многие простые
казаки бросались к самому фронту, - но все было тщетно! Колонны валили одна
за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вокруг
них безуспешным рыцарством.

В течение дня сего мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество
обозов[48] и пленных до семисот человек; но гвардия с Наполеоном прошла
посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими
лодками.

В сумерках Храповицкий едва не попался в плен шедшей близ дороги
неприятельской кавалерии. Приняв ее за нашу, он подъехал к самому фронту
неприятельскому так близко, что, будучи весьма близорук, мог уже приметить
медные одноглавые орлы на киверах солдат и офицеров и услышать шепот их. Он
бросился прочь во всю прыть; офицеры - за ним, стреляя из пистолетов, и
хотя ранили лошадь его, но так легко, что он успел невредимо перелететь,
так сказать, чрез яр, в сем месте находящийся, и соединиться с нами. В сем
деле у Бекетова была убита лошадь ядром и несколько казаков было ранено.

После сего поиска мы отошли в Хиличи, где граф Орлов-Денисов сдал отряд
свой присланному на его место генерал-майору Бороздину. Из Хиличи я пошел в
Палкино и послал сильный разъезд к Горкам с повелением пробираться в
Ланники, куда я взял свое направление. В день дела нашего под Мерлином
Сеславин напал на Боево и Ляды, где отбил два магазина и взял много в плен;
но в ту же ночь Ожаровский поражен был в селе Куткове. Справедливое
наказание за бесполезное удовольствие глядеть на тянувшиеся неприятельские
войска и после спектакля ночевать в версте от Красного, на сцене между
актерами. Генерал Роге, командовавший молодою гвардиею, подошел к Куткову
во время невинного усыпления отряда Ожаровского и разбудил его густыми со
всех сторон ружейными выстрелами. Можно вообразить свалку и сумятицу,
которая произошла от сего внезапного пробуждения! Все усилия самого
Ожаровского и полковника Вуича, чтобы привести в порядок дрогнувшие от
страха и столпившиеся в деревне войска их, были тщетны! К счастью, Роге не
имел с собою кавалерии, что способствовало Ожаровскому, отступя в Кутково,
собрать отряд свой и привести оный в прежде бывший порядок, с минусом
половины людей.

Четвертого, в ночи, он прибыл в Палкино, откуда по прибытии его я выступил
чрез Боево к Лядам. Около сего места партия моя снова столкнулась с
французами. Тогда подходил к Лядам корпус вице-короля Италианского.
Расстройство, понесенное оным на Вопе и между Смоленском и Красным,
дозволило нам отбить большое число обозов и взять четыреста семьдесят пять

пленных, между коими находилось несколько офицеров. Ночью на 6-е число
явились ко мне в Боево Вильманстрандского пехотного полка майор Ванслов и
капитан Тарелкин, ушедшие из плена. Они объявили мне, что Наполеон при них
въехал в Дубровну. Я их отослал в главную квартиру и в три часа пополуночи
выступил в Ланники.

От самой Вязьмы образ нашей жизни совершенно изменился. Мы вставали в
полночь. В два часа пополуночи обедали так плотно, как горожане обедают в
два часа пополудни, и в три часа выступали в поход.

Партия шла всегда совокупно, имея авангард, арьергард и еще один отряд со
стороны большой .дороги, но все сии отделения весьма близко от самой
партии. Я ехал между обоими полками иногда верхом, иногда в пошевнях,
которые служили мне ночью вместо квартиры и кровати.

Когда не было неприятеля, то за полчаса до сумерков оба полка спешивались и
от того приходили на ночлег с выгулявшимися лошадьми, коих немедленно
становили к корму. По приведении в устройство всей военной предосторожности
мы немедленно ложились спать и во втором часу садились снова за трапезу, на
конь и пускались в погоню.

Кочевье на соломе под крышею неба! Вседневная встреча со смертию!
Неугомонная, залетная жизнь партизанская! Вспоминаю о вас с любовью и
тогда, как покой и безмятежие нежат меня, беспечного, в кругу милого моего
семейства! Я счастлив... Но отчего тоскую и теперь о времени, когда голова
кипела отважными замыслами и грудь, полная обширнейших надежд, трепетала

честолюбием изящным, поэтическим?

По отступлении неприятеля от Красного размещение партизанов было следующее.

Отряд Бороздина, заняв Ляды 7-го и Дубровну 8-го, шел к Орше. Отряд графа

Ожаровского, пройдя возле большой дороги от Нейкова до Козяков, обращен был

к Горкам, 9-го Сеславин из селения Грехова, что около Корытни, шел в

направлении к Копысу. Как тот, так и другой - в намерении атаковать

кавалерийское депо, о коем я узнал только в Ланниках чрез разъездных,

посланных мною из Палкина в Горки.

В ночь на 6-е число разъездные мои, посланные в селение Сыву, перехватили

рапорт к маршалу Бертье от начальника означенного депо - майора Бланкара.

Узнав о числе войск его по ведомости, приложенной при рапорте, я рассудил,

что поиски, предпринимаемые партизанами против отступающих колонн главной

армии, могут без осуждения быть неудачными (плетью обуха не перешибешь), но

что нападение на отдельную часть, столь необходимую французской армии,

каково кавалерийское депо, надлежит произвести с полною уверенностию в

успехе, дабы тем лишить кавалерию неприятельскую лучших всадников и почти

всего имущества - генералов, штаб- и обер-офицеров армии.

Рассуждение сие понудило меня, во-первых, отсрочить нападение на депо,

ровно вшестеро сильнее моей партии, во-вторых, немедленно отослать

перехваченные мною бумаги в главную квартиру, подходившую тогда к Романову

(в шестнадцати верстах от меня, то есть от Ланников, где я находился),

в-третьих, просить у светлейшего одного полка пехоты и двух орудий на

подкрепление и, наконец, в-четвертых, употребить все способы до прибытия
требуемых мною войск, чтобы не спускать с глаз означенное депо, дабы, в
случае движения его за Днепр, напасть на него с тем, чем бог послал.

В ночь на 8-е число засада, поставленная мною на дороге, из Орши в Горки
лежащей, перехватила прежде курьера, а через два часа жида[49], посланных
от маршала Бертье к Бланкару с повелением идти наипоспешнее за Днепр. В ту
же минуту дали мне знать, что один из разъездов моих, ходивший из Савы к
Горкам, вступил беспрепятственно в сие местечко, что вместо депо встретил
там отряд графа Ожаровского и что, по известиям от жителей, неприятель
пошел к Копысу. Немедля мы пустились, чрез Горяны и Бабиники, к сему же
городу.

На походе узнал я, что депо прибыло в Копыс и заняло его, со всею воинской
предосторожностию, половинным числом пеших кавалеристов, дабы назавтра
прикрыть ими переправу тягостей, защищаемых другою половиною сей сволочи.
Обстоятельство это понудило меня остановиться скрытно в шести верстах от
Копыса при селе Сметанке, с намерением не прежде предпринять нападение, как
по переправе половины депо чрез реку, и тогда разбить поодиночке: одну
часть на сей, а другую - на той стороне Днепра. Река сия не была еще
схвачена льдом, одни края оной были легко замерзшими.

Девятого, поутру, мы помчались к Копысу. Почти половина депо была уже на
противоположном берегу; другая половина, оставшаяся на сей стороне,
намеревалась вначале защищаться против вскакавших в

главную улицу гусаров
моих и донского полка Попова 13-го; но коль скоро Чеченский с Бугским своим
полком пробрался вдоль берега и явился в тылу оной, среди города, у
переправы, - тогда все стало бросать оружие, отрезывать пристяжки у
повозочных лошадей и переправляться где попало вплавь на противоположный
берег. Мгновенно река покрылась плывущими и утопающими людьми и лошадьми.
Берега оной и сама она завалилась фурами, каретами и колясками. В улицах
началась погоня и резня беспощадная, а с противного берега открылся по нас
сильный ружейный огонь. Желая дать время рассыпанным по городу казакам моим
окончательно очистить улицы от неприятеля, я остановился с резервом на
площади у самого берега и велел привести ко мне мэра (городничего),
определенного в город сей французами. По дошедшим ко мне слухам, он
притеснял и даже убивал пленных наших в угождение полякам. Привели пред
меня какого-то рябого и среднего роста человека. Он на чистом русском языке
просил у меня позволения объясниться, в одно время как жена его с
престарелой матерью своей бросились к ногам моим и просили ему помилования.
Пули осыпали нас. Я им сказал, что тут не их место, и просил удалиться, дав
честное слово, что господин Попов (так звали сего мнимого мэра) нимало не
пострадает, если он невиновен, и отдал его под стражу до окончания дела.

Вскоре наездники мои очистили от неприятеля улицы. Я собрал полки и,
невзирая на стрельбу, производимую с противного берега, пустился двумя
толпами вплавь чрез Днепр, оплывая, так сказать, справа и слева линию

стрелков, защищавших переправу. Еще мы не коснулись до берега, как большая
часть сих стрелков пришла в смятение, стала бросать оружие и кричать, что
они сдаются. Мы переправились. Я отрядил сотню казаков для забрания
сдавшихся в плен, скрывавшихся в Александрии[50] и бежавших в разброде чрез
столбовую Белорусскую дорогу. Вся партия пустилась за остатками депо,
направление которого показывали нам брошенные фуры, повозки и отставшие
пехотинцы от главной массы, состоявшей уже не более как в двести пятьдесят
рядовых и офицеров, ибо все разбрелось по лесам, погибло в реке, поколото
казаками и захвачено ими в плен. Сих последних было шестьсот рядовых и,
помнится, около десяти офицеров.

Оконча преследование в нескольких верстах от берега, я послал поручика
Макарова со ста казаками по дороге к Толочину, а подполковника Храповицкого
со ста пятьюдесятью казаками в Шклов. Сам же с остальною частью партии
воротился в Копыс, где удостоверился, что господин Попов не только не
исполнял должности мэра, но даже скрывался с семьею своею в лесах во время
властвования в сем краю неприятеля. Видя невинность сего чиновника, я
поручил ему временное управление городом и велел открыть магистрат
по-прежнему. Истинного же мэра отыскал и отослал в главную квартиру с
описанием его неистовств с русскими пленными и лихоимства с жителями.

Не прошло двух часов, как прибыл в Копыс Шамшева казачий полк с ста
пятьюдесятью Мариупольского полка гусарами, под командою подполковника
Павла Ржевского. Сей офицер известил меня, что граф

Ожаровский, не застав
неприятеля в Горках и видя невозможность догнать его целым отрядом, отрядил
часть оного к Копысу, а сам обратился к Шклову, занимаемому, по слухам,
дошедшим до графа, сильным неприятельским отрядом. Хотя я верно знал, что в
Шклове было не более шестидесяти человек неприятеля, при всем том не мог я
чрез Ржевского не пожелать графу Ожаровскому победы и славы тем
чистосердечнее, что сражение с шестьюдесятью человеками исполняло если не
все, то по крайней мере первую часть моего желания. Обеты мои остались
втуне, но когда 10-го числа отряд генерала сего готовился уже
переправляться чрез Днепр для атаки на Шклов, Храповицкий явился к нему из
сего местечка и объявил, что он накануне еще занял оное своими казаками без
сопротивления.

Спустя несколько часов после прибытия Ржевского в Копыс, прибыл туда же и
Сеславин. Он немедленно переправился чрез Днепр и, простояв в Александрии
до 11-го числа, выступил оттуда чрез Староселье, Круглое и Кручу вслед за
французскою армиею.

В ожидании отряда, посланного с поручиком Макаровым к Толочину, я принужден
был пробыть в Копысе день более, нежели Сеславин. Тут меня оставили мичман
Храповицкий, титулярный советник Татаринов, землемер Макаревич и Федор,
приставший ко мне из Царева-Займища. Отдав долг свой отечеству, они
возвратились на родину с торжествующей совестию после священного дела!
Исключая Храповицкого, два последние были бедные дворяне, а Федор -
крестьянин; но сколь возвышаются они пред потомками тех

древних бояр,
которые, прорыскав два месяца по московскому бульвару с гремучими шпорами и
с густыми усами, ускакали из Москвы в отдаленные губернии, и там, - пока
достойные и незабвенные соотчичи их подставляли грудь на штык врагов
родины, - они прыскались духами и плясали на могиле отечества! Некоторые из
этих бесславных беглецов до сих пор воспоминают об этой ужасной эпохе, как
о счастливейшем времени их жизни! И как быть иначе? Как действительному
статскому советнику забыть генеральские эполеты, а регистратору - усы и
шпоры?

Двенадцатого я получил повеление оставить прикомандированный ко мне 11-й
егерский полк на переправе при Копысе. Хотя по сей только бумаге узнал я,
что, вследствие просьбы моей, полк сей был ко мне назначен, - при всем том
я с сожалением переслал оному данное мне повеление. Мы подходили к лесистым
берегам Березины; пехота была необходима, а пехоту у меня отнимали; что
было делать? Я прибегнул к прибывшему в город генералу Милорадовичу,
который на время одолжил меня двумя орудиями конной артиллерии и тем
несколько исправил мое положение.

С вышесказанной бумагой я получил другую следующего содержания: "Полагая
генерал-адъютанта Ожаровского весьма слабым, чтобы одному предпринять
поиски на Могилев без генерал-лейтенанта Шепелева, имеете, ваше
высокоблагородие, немедленно присоединиться к нему и состоять в команде его
до овладения Могилевом. По овладении же, отделясь от него, идти
форсированными маршами к местечку Березине, где

остановиться, ибо вероятно,

что около сего места удастся вам многое перехватить, и для того, прибыв

туда, отрядить партию в сторону Бобра и Гумны. Генерал-лейтенант

Коновницын. 11-го ноября. На марше к деревне Лещи".

Сия бумага довершила неприятность! Я всегда был готов поступить под

начальство всякого того, кого вышняя власть определяла мне в начальники;

скажу более: под Ляховым и Мерлином я сам добровольно поступил в команду к

графу Орлову-Денисову, потому что я видел в том пользу службы; но тут

обстоятельства были иные. Отряд графа Ожаровского достаточен был по силе

своей для овладения Могилевом, хотя бы город сей и не был 9-го оставлен

отрядом неприятельским, состоявшим в тысячу двести человек польских

войск[51] . Я видел ясно, что направление, данное мне к местечку Нижнему

Березину, и предписание наблюдать за неприятельскою армиею к Бобру и Гумнам

основывались на предположении, что армия эта склонится к Нижнему Березину и

Гумнам и чрез то совершенно прекратит фланговое преследование наше, столько

пользы нам принесшее! Конечно, я не в состоянии был преградить путь целой

армии слабым моим отрядом, если бы дело пришло до драки: но при бедственном

положении неприятеля необходимо нужно было считать и на расстройство

нравственной силы оного: часто сто человек, которые нечаянно покажутся на

дороге, по коей отступает неприятельская армия, напугают ее более, нежели

несколько тысяч, когда дух ее еще не потрясен неудачами. Рассуждение сие

решило меня идти прямо на Шклов, Головнино и Белыничи, о чем я

предварительно известил как графа Ожаровского, так и

Коновницына, и принял
на себя ответственность за непослушание.

Тринадцатого, к ночи, партия моя прибыла в Головнино. Я узнал, что местечко
Белыничи занято отрядом польских войск, прикрывающих гошпиталь, прибывший
туда из Нижнего Березина, по причине появления у местечка сего отряда графа
Орурка от Чичагова армии.

Рано 14-го числа мы выступили к Белыничам. На походе встретили мы
Ахтырского гусарского полка поручика Казановича, который, полагая край сей
очищенным от неприятеля, ездил из полка к родителям своим для свидания с
ними и во время скрытного двухдневного пребывания у них видел дом
родительский, посещаемый несколько раз грабителями из Белыничей. Он, узнав
о приближении моем к сему местечку, сел на конь и поскакал ко мне
навстречу, чтобы уведомить меня о пребывании неприятеля в местечке, о числе
оного и вместе с тем чтобы быть вожатым моим по дорогам, более ему, нежели
мне, известным.

Местечко Белыничи, принадлежащее князю Ксаверию Огинскому, лежит на
возвышенном берегу Друцы, имеющей течение свое с севера к югу. По дороге от
Шклова представляется поле плоское и обширное. За местечком - один мост
чрез Друцу, довольно длинный, потому что берега оной болотисты. За мостом,
на пути к местечку Эсмонам, частые холмы, покрытые лесом; от Эсмонов до
Березнны лес почти беспрерывный.

Мы подвигались рысью. Неприятельская кавалерия выехала из Белыничей и была
подполковником Храповицким и маиором Чеченским

немедленно опрокинута в
местечко, занятое двумя сильными баталионами пехоты. Ярость в преследовании
увлекла нас на баталионы. Они встретили нас, как следует встречать
нападающих, когда хочешь защищаться с честью. Видя затруднение пробиться
сквозь местечко, я думал, что можно обойти его справа от стороны фольварка
Фойны, но вскоре уверился, что, по причине нескольководневной оттепели и
болотистых берегов реки, еще более найду затруднения в обходе, нежели в
прямом ударе. Обстоятельство это решило меня вломиться в главную улицу.
Чтобы облегчить мое предприятие, я велел открыть огонь из орудий вдоль по
оной улице. Неприятельская колонна расступилась направо и налево, но,
пользуясь местностию, не переставала преграждать вступлению нашему в улицу
густым ружейным огнем из-за изб, плетней и заборов. Я не умею отчаиваться,
но было отчего прийти в отчаяние. Тщетно я умножал и усиливал покушения
мои, чтобы вытеснить неприятеля из засады, им избранной: люди и лошади наши
падали под смертоносным огнем, но ни на шаг вперед не подавались. это был
мой Аркольский мост! Однако медлить было некогда: с часа на час граф
Ожаровский мог прийти от Могилева и, посредством пехоты своей, вырвать у
меня листок лавра, за который уже я рукой хватался! Мы разрывались с
досады! Брат мой Лев[52], будучи моложе всех, менее других мог покоряться
препятствиям. Он пустился с отборными казаками вдоль по улице и, невзирая
на град пуль, осыпавших его и казаков, с ним скакавших, ударил на резерв,
показавшийся в средине оной, и погнал его к мосту. Но и удар этот ни к чему
не послужил! Получа две пули в лошадь, он принужден был

возвратиться к
партии, которой я удержал стремление за ним, ибо долг ее был вытеснить
неприятеля из местечка, а не проскакивать чрез оное, оставляя его полным
неприятельскою пехотою.

Между тем подполковник Храповицкий с отрядом гусар и казаков занял с боя
гошпиталь и магазин, возле мастечка находившиеся, и ожидал дальнейшего
повеления. К счастью, я его не отозвал назад по совершении данного ему
препоручения, ибо прибывший из графа Ожаровского отряда казачий полковник
Шамшев, желая впутаться и дело, стал уже занимать гошпиталь и магазин в
славу собственную. Храповицкий выгнал его вон, как хищника чужой добычи. Он
оставил оную и остановился с полком своим в поле, не желая нисколько
помогать нам и содействовать к овладению местечком.

Неприятель продолжал упорствовать в главной улице. Отдавая должную
справедливость храбрости противников моих, но кипя желанием истребить их
прежде прибытия всего отряда графа Ожаровского, коего авангардом был
вышесказанный казачий полк, я решился зажечь избы брандкугелями. В самое то
время неприятель начал собирать стрелков своих и строиться на улице в
колонну, как казалось, для ухода. Оставя намерение зажигать избы, я
немедленно приказал садить в него картечами, что ускорило выступление его
из местечка. Он потянулся чрез мост по дороге к Эсмонам.

Пропустя колонну далее в поле, мы объехали оную со всех сторон, не
переставая разрывать ее пушечными выстрелами. Командующий артиллериею моею
поручик Павлов стрелял из одного орудия картечами и

ядрами, а из другого
гранатами. Хвост колонны лоском ложился по дороге, но сама она смыкалась и
продолжала отступление, отстреливаясь. Наконец, в намерении воспользоваться
закрытым местоположением, дабы вовсе от нас отделаться, хотя с
пожертвованием части своих товарищей, начальник колонны отделил в стрелки
около половины колонны. Едва войска сии успели отделиться, как
командовавший отборными казаками брат мой Лев ударил на оных из-за леса,
обратил их в бегство, отхватил в плен подполковника, двух капитанов и
девяносто шесть рядовых, прочих частию поколол, а частию вогнал обратно в
колонну, - и запечатлел кровию отважный свой подвиг[53].

Как ни прискорбно было мне видеть брата моего жестоко раненным на поле
битвы, но, победя чувство родства и дружбы высшим чувством, я продолжал
преследование. Еще от села Мокровичей я отрядил сотню казаков к Эсмонам с
повелением разобрать столько моста на реке Ослике, сколько время позволит,
и потом скрыться в засаде у переправы. Намерение мое было сделать
решительный натиск у сего пункта и тем прекратить бой, стоящий уже мне
весьма дорого. И подлинно, неприятель, подшед к Эсмонам, встретил и
препятствие для переправы и ружейный огонь казаков, засевших у моста.
Выстрелы оных были сигналом для нашего нападения: мы со всех сторон
ударили. Колонна разделилась: одна половина оной стала бросать оружие, но
другая, отстреливаясь из-за перилов моста и из-за ив, растущих вокруг
оного, набросала несколько досок, разбросанных казаками моими,
переправилась чрез реку и отступила лесами к Нижнему

Березину.

В сем деле мы овладели магазином и гошпиталем в Белыничах. В первом найдено
четыреста четвертей ржи, сорок четвертей пшеницы, двести четвертей гречихи
и пятьдесят четвертей коноплей, а в последнем взяли двести девяносто
человек больных и пятнадцать лекарей. Взят один подполковник, четыре
капитана и сто девяносто два рядовых, весь обоз и сто восемьдесят ружей.

Справедливость велит мне сказать, что брат мой Лев был героем сего дела.

Возвратясь в село Мокровичи, я немедленно послал выбрать лучших двух
хирургов из пятнадцати лекарей, отбитых нами в белыничевском гошпитале,
приставил одного из них к брату, другого - к раненым казакам, и отправил
весь сей караван в Шклов 15-го поутру.

Грустно мне было расставаться с страждущим братом моим и отпускать его в
край, разоренный и обитаемый поляками, чуждыми сожаления ко всякому, кто
носит имя русское! К тому же, если б урядник Крючков не ссудил меня
заимообразно двадцатью пятью червонными, я принужден был бы отказать брату
и в денежном пособии, ибо казна моя и Храповицкого никогда не превышала
двух червонных во все время наших разбоев: вся добыча делилась между
нижними чинами.

Я велел в тот же день сдать под расписку пана Лепинского, управителя графа
Огинского имения, отбитые нами у неприятеля магазин, гошпиталь, ружья, обоз
и пленных, послал с рапортом об сем деле курьера в главную квартиру,

находившуюся в Круглом, и выступил сам по данному мне направлению.

Между тем на берегах Березины совершались громадные события. Наполеону, в
первый раз испытавшему неудачу, угрожала здесь, по-видимому, неизбежная
гибель. В то время как обломки некогда грозной его армии быстро следовали к
Березине, чрез которую им надлежало переправиться, сюда стремились с разных
сторон три русские армии и многие отдельные отряды. Казалось, конечная
гибель французов была неминуема, казалось, Наполеону суждено было здесь
либо погибнуть с своей армией, либо попасться в плен. Но судьбе угодно было
здесь еще раз улыбнуться своему прежнему баловню, которого присутствие духа
и решительность возрастали по мере увеличения опасности. С трех сторон
спешили к Березине Чичагов, Витгенштейн, Кутузов и отряды Платова,
Ермолова, Милорадовича, Розена и другие. Армия Чичагова, которую Кутузов
полагал силою в шестьдесят тысяч человек, заключала в себе лишь тридцать
одну тысячу человек, из которых около семи тысяч кавалерии; она была
ослаблена отделением Сакена с двадцатью семью тысячами человек против
Шварценберга и неприбытием Эртеля с пятнадцатью тысячами человек,
отговаривавшегося незнанием, следовать ли ему с одной пехотой или вместе с
кавалериею. Грустно думать, что в столь тяжкое для России время могли в ней
встречаться генералы, столь легко забывающие священные обязанности свои
относительно отечества.

Чичагов, занимая правый берег Березины, господствующий над левым, должен
был наблюдать большое пространство по течению реки, близ

которой местность
была весьма пересечена и болотиста. Армия Витгенштейна следовала также по
направлению к Березине; утомленная, по-видимому, одержанными успехами, она
подвигалась медленно и нерешительно. Мужественный, но недальновидный
защитник Петрополя, гордившийся одержанием победы в каких-то десяти
генеральных сражениях, был совершенно обманут французским генералом
Legrand. В одном из донесений Витгенштейна сказано, что против него
находилась дивизия стрелков; это были лишь стрелки, вызванные из пехотной
дивизии. Генерал Legrand, ослабленный отделением значительных сил,
соединившихся с Наполеоном, отступил весьма искусно от Чашников и Череи.
Если бы Витгенштейн преследовал его деятельно и теснил бы французов не
ощупью и не так слабо, Legrand, имея лишь весьма мало пехоты, мог бы быть
совершенно истреблен или, по крайней мере, значительно ослаблен.
Витгенштейн должен был понять, что развязка кровавой драмы должна была
воспоследовать на берегах. Березины, а потому он должен был, уничтожив или,
по крайней мере, значительно ослабив войска Legrand, быстро двинуться к
этой реке. Впоследствии Витгенштейн уверял, что он лишь потому не
соединился с войсками адмирала, что ему надлежало преследовать баварцев,
которые, как известно, выступили из окрестностей Полоцка [54] .

Прибыв весьма поздно с одним своим штабом в Борисов, Витгенштейн обнаружил
впоследствии большую нерешительность относительно войск Виктора, которые,
после переправы Наполеона чрез Березину, могли быть легко уничтожены. Между

тем князь Кутузов писал адмиралу из Копыса от 13-го ноября, за Є 562: "Если
Борисов занят неприятелем, то вероятно, что оный, переправясь чрез
Березину, пойдет прямейшим путем к Вильне, идущим чрез Зембино, Плещеницы и
Вилейку. Для предупреждения сего необходимо, чтобы ваше
высокопревосходительство заняли отрядом дефилею при Зембине, в коей удобно
удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля. Главная наша армия от
Копыса пойдет чрез Староселье, Цегержин, к местечку Березино, во-первых,
для того, чтобы найти лучше для себя продовольствие, а во-вторых, чтобы
упредить оного, если бы пошел от Бобра чрез Березино на Игумен, чему многие
известия дают повод к заключениям". Кутузов, с своей стороны, избегая
встречи с Наполеоном и его гвардией, не только не преследовал настойчиво
неприятеля, но, оставаясь почти на месте, находился во все время
значительно позади. Это не помешало ему, однако, извещать Чичагова о
появлении своем на хвосте неприятельских войск. Предписания его, означенные
задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу; Чичагов делал не
раз весьма строгие выговоры курьерам, отвечавшим ему, что они, будучи
посланы из главной квартиры гораздо позднее чисел, выставленных в
предписаниях, прибыли к нему в свое время.

Пока князь Кутузов оставался в Копысе и его окрестностях, Наполеон,
усиленный войсками Виктора, Удино и остатками отряда Домбровского, подошел
к Березине. Множество примеров из истории убеждают нас в невозможности
силою воспрепятствовать неприятелю совершить переправу чрез реку, но
затруднить ее по возможности - всегда во власти

военачальника противной
армии. Чичагов, которому приходилось наблюдать по течению Березины на
расстоянии восьмидесяти верст от Веселова до Нижнего Березина, был введен в
заблуждение следующими обстоятельствами: действием Удино, расположившего
свои посты на тридцативерстном пространстве выше и ниже Борисова и
занявшего отрядом Ухолоды, где делались приготовления для переправы,
известиями о приближении австрийцев со стороны Сморгони и, наконец,
намеками Кутузова, убежденного, что Наполеон направится к Нижнему Березину.
Все это побудило Чичагова двинуться к Шабашевичам. Между тем Наполеон под
прикрытием сорокапушечной батареи, устроенной близ Студенок в узком месте
реки, благополучно переправился чрез нее. Слабый авангард Чаплица, не
будучи в состоянии оказать сопротивления неприятелю, отступил к Стахову;
двинувшись один к Зембину, этот авангард отделился бы от прочих частей
армии и был бы неминуемо истреблен. Удино, переправившись во главе
французской армии и расположившись между Брилем и Стаховым, занял небольшим
отрядом Зембинское дефиле. Чаплиц, слабо подкрепленный Чичаговым, которого
шесть гренадерских баталионов остались далеко назади, не мог даже
развернуть всех сил своих, так что одна артиллерийская рота стреляла чрез
головы других. Чичагов, выслав Сабанеева с войсками к Стахову, приказал
изнуренным отрядам Ермолова и Платова стать там же в резерве. Завязался в
лесу кровопролитный, но бесполезный бой; французская кавалерия яростно
атаковала нашу пехоту, причем мужественный князь Щербатов едва не был взят
в плен.

Вместо ошибочного движения на Игумен, Чичагову надлежало, заняв центральный

пункт, выслать вверх и вниз по реке отряды для открытия неприятеля;

движение на Игумен ничем не может быть оправдано. Что касается других

обвинений, так, например, относительно порчи частей в Зембинском дефиле,

Чичагов[55] в этом мало виноват; им был послан с атаманским казачьим полком

Кайсаров, которому было строго предписано испортить все гати этого дефиле.

Кайсаров поднялся вверх по реке Гайне на расстоянии около двадцати верст, с

намерением приступить к порче гатей с тыла; глубокие и топкие места,

окружающие Гайну, никогда в самую суровую зиму не замерзающие, не дозволили

ему привести это предприятие в исполнение. Если б оно удалось, Наполеон

нашелся бы вынужденным обратиться на Минск, которым бы вскоре неминуемо

овладел. Овладение этим городом было для нас и для французов делом

первостепенной важности; здесь были найдены нами богатые магазины с

запасами, привезенными из Франции, которыми наша армия воспользовалась.

Наполеон, овладев Минском, мог бы здесь остановиться и дать время своим

войскам сосредоточиться и отдохнуть. Князь Кутузов, не желая, вероятно,

подвергать случайностям исход кампании, принявшей для нас столь

благоприятный оборот, и постоянно опасавшийся даже близкого соседства с

Наполеоном и его гвардиею, не решился бы, без сомнения, его здесь

атаковать. Неизвестно, какой бы в этом случае оборот приняли дела?

Хотя я враг правила, предписывающего строить золотой мост отступающему

неприятелю, но здесь обстоятельства вынуждали нас не затруднять Наполеону
движения чрез Зембинское дефиле по следующим причинам: во-первых, армии,
которым надлежало соединиться на Березине для совокупной атаки, были весьма
разобщены, и притом они не были, по-видимому, расположены оказать
деятельное содействие одна другой, вследствие неприязни и зависти,
существовавшей между военачальниками; Витгенштейн не хотел подчиниться
Чичагову, которого, в свою очередь, ненавидел Кутузов за то, что адмирал
обнаружил злоупотребления князя во время его командования молдавской
армией. Во-вторых, Наполеон, занимая центральный пункт относительно наших
армий, имел под руками восемьдесят тысяч человек; он мог легко раздавить
любую армию, которая, не будучи поддержана другими, решилась бы преградить
ему дорогу. Наконец французы, сознавая вполне свое гибельное положение и
невзирая на понесенные страшные потери, обнаружили здесь отчаянное
мужество. Отряд Ермолова перешел, вопреки приказанию Кутузова, Днепр близ
Дубровны по сожженному мосту, на полуобгоревшие сваи которого были
набросаны доски, которые были перевязаны веревками. Спутанные лошади
перетаскивались с величайшим затруднением по этому мосту с помощью веревок,
привязанных за хвосты. Переправившись чрез Днепр, Ермолов встретил жида с
донесением Витгенштейна светлейшему; прочитав его, Ермолов писал отсюда
Кутузову: "Я из этого донесения заключаю, что неприятель кругом обманул
графа Витгенштейна, который потому отстанет от него, по крайней мере, на
полтора марша". Прибыв в Лошницы, Ермолов чрез адъютанта Чичагова -

Лисаневича - получил приказание поспешить к Березине. Совершив почти два
перехода в одни сутки, он прибыл в Борисов, где представлялся графу
Витгенштейну, который с гордостью говорил ему о выигранных им десяти
сражениях. Этот рассказ мужественного защитника Петрополя был прерван
неуместными аплодисментами гвардии поручика О[кунева], известного
впоследствии по своим военным сочинениям.

Это может служить мерилом той дисциплины, которая господствовала в войсках
этого генерала. Умный, благородный и почтенный генерал И. М. Бегичев,
бывший начальником артиллерии при взятии Праги в 1794 году и называвший
графа Аракчеева в эпоху его могущества графом Огорчеевым, увидав здесь
Ермолова, закричал ему, невзирая на присутствие Витгенштейна и его штаба:
"Мы ведем себя как дети, которых надлежит сечь; мы со штабом здесь, и то
гораздо позднее, чем следовало, а армия наша двигается бог знает где,
какими-то линиями". Ермолов, явившись к Чичагову, решился подать ему совет
не портить Зембинского дефиле; он говорил, что по свойству местности, ему
смолоду хорошо известной, это почти неудобоисполнимо по причине болот и
топей, окружающих речку Гайну, но если б и удалось испортить некоторые
более доступные гати, то они от действия мороза не могли бы затруднить
движение неприятеля, который, не будучи обременен тяжестями, мог легко по
ним следовать; во-вторых, адмиралу, которого армия была вдвое слабее того,
чем полагал князь Кутузов, невозможно было одному, без содействия армии
князя и Витгенштейна, бывших еще далеко позади, преградить путь Наполеону.

Чичагову пришлось бы выдержать напор восьмидесятитысячной неприятельской
армии на местности лесистой, болотистой и весьма невыгодной для принятия
боя. На этой местности, в особенности совершенно неудобной для действия
кавалерии, он мог противопоставить Наполеону лишь двадцать тысяч человек
пехоты; французы же, понимая, что залог спасения заключался для них лишь в
отчаянном мужестве, стали бы сражаться как львы. Наконец, - присовокупил
он, - если даже удастся испортить дефиле, Наполеон будет вынужден
обратиться на Минск, магазины которого были для нашей армии необходимы.
Наполеону, сохранявшему присутствие духа в самых трудных случаях, удалось,
после переправы чрез Березину, благополучно пройти чрез дефиле; лишь
следовавшие позади французские войска были застигнуты нашими. Взятие этих
войск, входивших в состав Полоцкого корпуса, свидетельствовало не в пользу
графа Витгенштейна; это ясно доказывало, что они своим присутствием здесь
обязаны лишь слабому преследованию этого генерала.

Если б Витгенштейн был проницательнее и преследовал неприятеля с большею
настойчивостью, если бы Кутузов обнаружил более предприимчивости и
решительности и оба они, соображаясь с присланным из Петербурга планом,
направили поспешнее свои войска к Березине, если б Чичагов не совершил
своего движения на Игумен, был в свое время усилен войсками Эртеля и
поспешил к Студенцу, не ожидая дальнейших известий со стороны Нижнего
Березина, - количество пленных могло быть несравненно значительнее; быть
может, берега Березины соделались бы гробницей Наполеоновой армады; быть

может, в числе пленных находился бы он сам. Какая слава озарила бы нас,
русских? Она была бы достоянием одной России, но уже не целой Европы.
Впрочем, хвала провидению и за то, что оно, благословив усилия наши, видимо
содействовало нам в изгнании из недр России новейших ксерксовых полчищ,
предводимых величайшим полководцем всех времен. Мы, современники этих
великих событий, справедливо гордящиеся своим участием в оных, мы, более
чем кто-либо, должны воскликнуть: "Не нам, не нам, а имени твоему!"

Ермолов, очевидец березинских событий, представил светлейшему записку, в
которой им были резко изложены истинные, по его мнению, причины
благополучного отступления Наполеона. Он поднес ее во время приезда в
Вильну князя, сказавшего ему при этом случае: "Голубчик, подай мне ее,
когда у меня никого не будет". Эта записка, переданная князю вскоре после
того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вероятно, умышленно
затеряна светлейшим. Все в армии и в России порицали и порицают Чичагова,
обвиняя его одного в чудесном спасении Наполеона. Он, бесспорно, сделал
непростительную ошибку, двинувшись на Игумен; но здесь его оправдывает:
во-первых, отчасти предписание Кутузова, указавшего на Игумен, как на
пункт, чрез который Наполеон будто бы намеревался непременно следовать;
во-вторых, если бы даже его армия не покидала позиции, на которой оставался
Чаплиц, несоразмерность его сил относительно французов не позволяла ему
решительно хотя несколько задержать превосходного во всех отношениях
неприятеля, покровительствуемого огнем сильных батарей,

устроенных на левом
берегу реки; к тому же в состав армии Чичагова, ослабленной отделением
наблюдательных отрядов по течению Березины, входили семь тысяч человек
кавалерии, по свойству местности ему совершенно здесь бесполезной;
в-третьих, если Чаплиц, не будучи в состоянии развернуть всех своих сил, не
мог извлечь пользы из своей артиллерии, то тем более армия Чичагова не
могла, при этих местных условиях, помышлять о серьезном сопротивлении
Наполеону, одно имя которого, производившее обаятельное на всех его
современников действие, стоило целой армии. Относительно порчи гатей в
Зембинском дефиле, он виноват тем, что поручил это дело Кайсарову, а не
офицеру более предприимчивому и более знакомому с свойствами местности; но
так как это предприятие могло иметь невыгодные для нас последствия, оно
потому не может служить к обвинению адмирала, который, будучи моряком, не
имел достаточной опытности для командования сухопутными войсками.

Из всего этого я вывожу следующее заключение: если б Чичагов, испортив гати
Зембинского дефиле, остался с главною массою своих войск на позиции,
насупротив которой Наполеон совершил свою переправу, он не возбудил бы
противу себя незаслуженных нареканий и неосновательных воплей своих
соратников, соотчичей и потомков, не знакомых с сущностью дела; но
присутствие его здесь не могло принести никакой пользы общему делу, ибо, по
всем вышеизложенным причинам, Чичагову невозможно было избежать полного
поражения или совершенного истребления своей армии, что было бы для нас, по

обстоятельствам того времени, вполне невыгодно и весьма опасно. Наполеон
понес бы, без сомнения, в этом случае несравненно большую потерю; но она
была бы, во всяком случае, ничтожна в сравнении с тою, которой Россия была
вправе ожидать от своевременного прибытия трех армий к берегам Березины.

Хотя Наполеон с остатками своего некогда грозного полчища поспешно отступал
пред нашими войсками, однако могущество этого гиганта было далеко еще не
потрясено. Вера в его непобедимость, слегка поколебленная описанными
событиями, существовала еще во всей Западной Европе, не дерзавшей еще
восстать против него. Наша армия после понесенных ею трудов и потерь была
весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильные подкрепления для того,
чтобы с успехом предпринять великое дело освобождения Европы, главное бремя
которого должно было пасть на Россию. Нам потому ни в каком случае не
следовало жертвовать армией Чичагова для цели гадательной и, по стечению
обстоятельств, не обещавшей даже никакой пользы. В то время и даже доныне
все и во всем безусловно обвиняли злополучного Чичагова, который, будучи
весьма умным человеком, никогда не обнаруживал больших военных
способностей; один Ермолов с свойственной ему решительностью, к крайнему
неудовольствию всемогущего в то время Кутузова и графа Витгенштейна, смело
оправдывал его, говоря, что ответственность за чудное спасение Наполеона
должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочих главных вождей, коих
действия далеко не безупречны. Чичагов поручил генералу Чаплицу благодарить
Ермолова за то, что он, вопреки общему мнению, решился его

оправдывать.

Хотя Наполеон, благодаря своему необыкновенному присутствию духа и стечению

многих благоприятных обстоятельств, избежал окончательного поражения, а,

может быть, и плена, но тем не менее нельзя не удивляться превосходно

соображенному плану, на основании которого три армии должны были,

соединившись одновременно на Березине, довершить здесь гибель неприятеля.

Хотя успех и не увенчал этого достойного удивления плана, однако же не

увенчал по обстоятельствам, совершенно не зависившим от сочинителей,

которые при составлении его обнаружили необыкновенную дальновидность и

прозорливость. Они могли утешить себя мыслию, что история представляет

немало примеров тому, что самые превосходные предначертания не были

приведены в исполнение лишь вследствие ничтожнейших обстоятельств.

Шестнадцатого числа дошел до меня первый отголосок о переходе неприятеля

чрез Березину[56], и я, немедленно известя о том фельдмаршала, остановился

в ожидании дальнейших от него повелений. Я полагал, что, хотя бы дошедшее

до меня известие о переправе было и несправедливо, все, однако же, ясно

оказывалось, что неприятель обратился уже не на Нижнее Березино, как сего

вначале ожидали, а прямо на Борисов, почему направление мое к Нижнему

Березину ни к чему уже не служило. Расчет мой был верен, ибо 16-го, к

вечеру, я получил от генерал-квартирмейстера полковника Толя письмо

следующего содержания:

"Нужно уведомить вас о взаимном положении обеих армий: Чичагов 9-го числа в

Борисове, авангард его под командою графа Ламберта разбил наголову
Домбровского. Витгенштейн после поражения Виктора, который шел на
соединение с Бонапартом, находится в Баранах, что на дороге от Лепеля к
Борисову. Авангард наш под командою Милорадовича - в Бобрах, а Платов - в
Крупках. Главная наша армия сегодня выступает в Сомры (на карте Хомры),
малый авангард оной под командою Васильчикова - в Ухвалы. С своей стороны
вся французская армия - на походе к Борисову. Вы очень хорошо сделаете,
если немедленно и как можно поспешнее займете Озятичи и откроете лесную
дорогу от сего селения к Борисову. Желательно, чтобы сей пункт был занят
тщательнее, так как и селение Чернявка, из коей пошлите разъезды на большую
Борисовскую дорогу. Орлов послан со ста пятьюдесятью казаками к Чичагову;
постарайтесь сделать с ним связь; вы тем угодите фельдмаршалу. Все ваши
храбрые будут награждены. Карл Толь. На походе в Сомры, 16-го ноября"[57].

Видя по письму сему разобщение Витгенштейна с Чичаговым, между коими
протекала Березина и находилась неприятельская армия, простиравшаяся, по
крайней мере, до восьмидесяти тысяч человек, я хотя не совсем верил
известию о переправе, но не сомневался в том, что Наполеон, пользуясь
малосилием Чичагова, перейдет реку в каком-нибудь пункте украдкой или
силой; по переходе же Березины я предполагал направление неприятельской
армии из Борисова к Минску, потому что путь сей есть самый кратчайший из
путей, идущих к Варшаве; что на нем она имела в виду соединение с корпусами
Шварценберга и Ренье, отчего армия его могла снова

возвыситься до ста
тридцати тысяч человек; что посредством пути сего она могла избежать
бокового преследования нашего, столь для него до Березины пагубного, и идти
краем, несравненно менее опустошенным, нежели Виленский, чрез который
проходили обе воюющие армии и по которому кругообращались все транспорты
оных с начала войны. Вследствие чего я решился, несмотря на предложение
полковника Толя, переправиться немедленно чрез Березину и идти на
Смолевичи, что между Игумном и Минском.

За таковое ослушание я достоин был строжайшего наказания. Партизан должен и
необходимо должен умствовать, но не перепускать, как говорится, ум за
разум. Конечно, соединение Чичагова с Витгенштейном на правом берегу
Березины умножило бы затруднения неприятелю при переправе; однако нельзя
было решительно заключить, чтобы и один Чичагов не смог с ним управиться.
Березина, окраеванная болотами, не была еще схвачена льдом, и правый берег
ее, господствующий над левым и защищаемый тридцатью тысячами войска,
представлял неприятелю довольно еще затруднений и без Витгенштейна. События
доказали, что мне ни к чему не послужил ранний и отдаленный залет мой к
Смолевичам, где я всегда успел бы предупредить неприятеля и из Озятичей, в
случае переправы Наполеона при Борисове.

Стоило только внимательнее прочесть письмо полковника Толя и взглянуть на
карту, чтобы постичь благоразумное его распоряжение.

Полагая неприятеля между селением Начею и Борисовым, извещенный о прибытии
Витгенштейна в Бараны, а Чичагова к мостовому

Борисовскому укреплению, он
считал, что неприятелю ничего не оставалось делать, как, прикрывшись от
главной армии речкой Начею, спуститься вдоль по ней к Озятичам и совершить
переправу в углу, описываемом означенной речкой и Березиной. Вот причина,
почему Толь посылал меня в Озятичи. При всем том я пошел на Смолевичи как
будто бы для действия в тыл не неприятеля, а Чичагова армии!!

Однако при достижении Козлова Берега я получил из главной квартиры
уведомление, что так как французская армия никакого не имеет средства
переправиться чрез сию реку при Борисове, то чтобы я немедленно спешил
исполнить данное мне предписание генерал-квартирмейстером. Сия бумага, как
и письмо последнего, была от 16-го поутру и, повелевая вторично то же,
принудила меня оставить мое безрассудное предприятие, к которому я так
привязался, что и при исполнении последнего повеления не мог не уведомить
генерал-квартирмейстера, сколь считаю бесполезным предписанное мне
направление. На кого греха да беды не бывает? Право, я по сие время не могу
постичь причину сему глупому моему упрямству. Уже мы были на половине
дороги к Озятичам, как догнал нас посланный ко мне в Козлов Берег курьер с
другим письмом от полковника Толя, по которому он извещает меня о переправе
французской армии чрез Березину и уведомляет, что главная армия идет на
Жуковец, Жодин и Логойск, все на левой стороне неприятеля, и совершенно
соглашается со мною в выборе направления партии моей на Смолевичи. Да
простит мне генерал-квартирмейстер! В сем случае ошибка уже не на моей

стороне. Важность Смолевичевского пункта состояла в том только
обстоятельстве, когда бы неприятель избрал направление на Минск; при
обращении же его к Вильне сей пункт терял уже свою значимость и ни для чего
другого не годился, как для ночлега или привала. Направление мое
долженствовало быть на Борисовское мостовое укрепление, Логойск и
Молодечну; но так как поворот неприятеля с Минской дороги на Виленскую
отстранял меня от оного на сто тридцать верст, то и по означенному
направлению я не мог уже догнать его прежде Ковны или, по крайней мере,
прежде Вильны. Чтобы удостовериться в том, надо знать, что 20-го ноября,
когда после переправы моей чрез Березину, я ночевал в Уше, французская
армия находилась уже в Илие. Кто взглянет на карту, тот увидит
пространство, разделявшее меня от неприятеля; несмотря на то, я решился
действовать по предписанию.

Не доходя пятнадцати до Шеверниц верст, я узнал, что прибыла туда главная
квартира. Оставя партию на марше, я поскакал один прямою дорогою в
Шеверницы. Светлейший в то время обедал. Входя в ворота, повстречался со
мною английской службы полковник сир Роберт Вильсон. Он бродил около двора,
не смея войти в квартиру светлейшего по причине какого-то между ними
взаимного дипломатического неудовольствия. Будучи коротко знаком с ним с
самого 1807 года кампании, я спросил его, что он тут делает? "Любезный
друг! - отвечал он мне, - жду известия о решительном направлении армии
после того несчастия, которое я давно предвидел, но которое при всем том не

может не терзать каждое истинно английское и русское сердце!" "Английское
сердце" невольно навело на уста мои улыбку, с которою я вошел в сени избы
светлейшего, и велел вызвать полковника Толя, чтобы лично от него
удостовериться в известии о переправе неприятельской армии чрез Березину и
узнать, не будет ли мне какого иного направления? Толь и князь Кудашев
вышли ко мне в сени и звали меня в избу. Но я, ненавидя бросаться на глаза
начальникам, отказался; тогда они объявили самому светлейшему о моем
прибытии. Он приказал от своего имени позвать меня, обласкал меня, как он
умел обласкивать, когда хотел, посадил за стол и угощал как сына.

Сколько я тут видел чиновников, украшенных разноцветными орденами, ныне
возвышенных и занимающих высокие должности; их в то время возили при
главной квартире подобно слонам великого Могола! Сколько я там видел ныне
значительных особ, тогда теснившихся в многочисленной свите
главнокомандующего и жаждавших не только приветствия и угощения, но единого
его взора! Умолчу о подлостях, говоримых ими даже и мне, недостойному!

После обеда светлейший расспрашивал меня о делах при Копысе и при
Белыничах, хвалил расчет мой перед нападением на депо и упрямство мое при
завладении последним местом, но пенял за лишнюю строгость с Поповым,
которого я принял за мэра Копыса, и прибавил с шуткою: "Как у тебя духа
стало пугать его? У него такая хорошенькая жена!" Я отвечал ему, что, судя
по нравственности, я полагаю, что у могилевского архиерея еще более жен,

которые, может быть, еще красивее жены Попова, но я желал бы, чтоб попалась

мне в руки сия священная особа; я бы с нею по-светски рассчитался. "За

что?" - спросил светлейший. "За присягу французам, - отвечал я, - к которой

он приводил могилевских жителей, и за поминания на эктеньях Наполеона.

Чтобы в том удостовериться, - продолжал я, - прикажите нарядить следствие.

Ваша светлость, можно не награждать почестями истинных сынов России, ибо

какая награда сравниться может с чувством совести их? Но щадить изменников

столько же опасно, как истреблять карантины в чумное время". С сим словом я

подал ему список чиновников, кои присягали и помогали неприятелю.

Светлейший взял оный от меня, прочитал и сказал: "Погодим до поры и до

время". Я узнал после, что архиерей могилевский был разжалован в монахи, но

не знаю, по моему ли представлению или по представлению другого.

Насчет направления моего я только получил повеление догонять французов чрез

Ушу, Борисовское мостовое укрепление, Логойск, Илию и Молодечно. А так как

партия моя, обремененная двумя орудиями, не могла следовать за мною прямою

дорогою к Шеверницам, то и заставила меня ожидать прибытия ее до полуночи.

Между тем флигель-адъютант Мишо (что ныне генерал-адъютант и граф Мишо)

пристал ко мне, чтобы под покровом моей партии догнать Чичагова, к армии

которого он был командирован. Оставя орудия наши, как обузу слишком

тягостную для усиленных переходов, мы выступили к Жуковцу в четыре часа

пополуночи.

Переправа совершилась по тонкому льду. Мы прибыли в Ушу к ночи.

Двадцатого партия выступила в поход и ночевала у Борисовского мостового
укрепления. В сей ночи полковник князь Кудашев, проездом к Чичагову, пробыл
у меня два часа, взял с собою Мишо и отправился далее с прикрытием одного
из моих урядников и двух казаков, из коих один только возвратился, прочие
два были убиты поселянами. Это было лучшее доказательство истинного рубежа
России с Польшею и намек в умножении осторожности.

Около сего времени морозы, после несколькодневной оттепели, усилились и
постоянно продолжались. 20-го я получил повеление, оставя погоню, идти
прямо на Ковну[58], чтобы истребить в сем месте всякого рода неприятельские
запасы. Такое же - было послано и Сеславину; но ни он, ни я не могли
исполнить означенного предписания: я - по причине крутого отклонения моего
к Нижнему Березину, отчего отстал на сто тридцать верст от неприятельской
армии; а Сеславин - оттого, что, сражаясь с головой оной, чрез удаленность
свою от главной квартиры, не прежде мог получить повеление сие, как по
занятии Вильны и уже раненным.

Пока я шел от Днепра к Березине, все отряды, кроме графа Ожаровского, и все
партизаны, кроме меня, следовали за главною неприятельскою армиею.

Армия сия находилась 11-го в Бобрах, имея авангард в селе Наче, 12-го - в
Неменице, оставя арьергард в Лошнице. 14-го, в восемь часов утра, авангард
оной начал переправляться чрез Березину у Веселова, и 16-го, к вечеру, все

силы были уже на противном берегу. С нашей стороны отряд генерала Ермолова,

состоявший в четырнадцати баталионах пехоты, в нескольких полках линейной

кавалерии и в двух ротах артиллерии, преследовал неприятеля от Орши к

Борисову, куда прибыл 16-го числа.

Большой авангард генерала Милорадовича прибыл из Копыса в Глин 15-го, а в

Негновище 17-го числа.

Пятнадцатого числа генерал Бороздин сдал отряд свой графу Орлову-Денисову,

который 17-го поступил с ним в состав малого авангарда, порученного

генералу Васильчикову. Сей авангард был в Ухвале 16-го и в Вилятичах 17-го

числа.

Пятнадцатого отряд атамана Платова - в Колпенице, а 16-го - у самой

Березины, в пятнадцати верстах выше Борисова.

Пятнадцатого под Кричею Сеславин напал с успехом на польские войска графа

Тишкевича, множество поколол, набрал в плен и продолжал путь к Лошнице, где

снова имел жаркую схватку с неприятелем.

Шестнадцатого сей отважный и неутомимый партизан, открыв сообщение с графом

Витгенштейном, получил от него повеление во что бы то ни стало подать руку

адмиралу Чичагову чрез Борисов. Исполнение немедленно последовало за

повелением. Борисов был занят Сеславиным; три тысячи человек взято им в

плен, и сообщение с Чичаговым открыто[59]. 17-го французская армия тянулась

к Зембину, и Наполеон прибыл в Камень. Генерал Ланской, занимавший

Белорусским гусарским полком и казаками село Юрово, что на реке Гайне,

выступил 16-го числа чрез Антополье и Словогощь к Плещенице, куда прибыл
17-го в полдень.

Он имел благое намерение идти впереди неприятеля к Вильне и преграждать
всеми средствами путь головы его колонны, что мог исполнить
беспрепятственно, ибо в тот день Плещеницы заняты были одною только
придворною свитою Наполеона и конвоем раненого маршала Удино. Но в то время
обязанности партизана столь мало понимаемы были в нашей армии, что сей
известный неустрашимостию и отважностию генерал, быв атакован подходившими
от Каменя войсками, вместо того чтобы обратиться на Илие и Молодечну,
истребляя магазины и заваливая дорогу, отступил обратно к авангарду
Чичагова армии, тянувшейся на Зембин по пятам неприятельской армии, и
довольствовался взятием генерала Каминского, тридцати штаб- и обер-офицеров
и до трехсот рядовых.

Между тем граф Ожаровский получил повеление наблюдать за армиею князя
Шварценберга, находившеюся в Слониме. Вследствие чего он выступил на
Воложин, 26-го прибыл в Вишнев и в тот же день пошел на Трабы, Деневишки и
Бенякони - в Лиды, куда вступил 1-го декабря. Отряд генерала Кутузова шел
от Лепеля на Вышнее Березино н Докшицы, для наблюдения за Баварским
корпусом, находившимся в последнем местечке, и для преследования главной
неприятельской армии по северной стороне Виленской дороги.

Партизан Сеславин шел на местечко Забреж, которое 22-го ноября он занял с
боя. За малым дело стало, чтобы на другой день сам

Наполеон не попался ему
в руки; во второй раз в течение сей кампании судьба спасла его от покушения
казаков, везде и повсюду ему являвшихся как неотразимые вампиры! О случае
сем говорено в вступлении сей книги.

Двадцатого партия моя обогнала отряд графа Ожаровского около Антополья,
21-го обошла кавалерию Уварова в Логойске, 22-го прибыла в Гайну, 23-го - в
Илию и 24-го - в Молодечну, где догнала хвост Чичагова армии, то есть часть
павлоградских гусар и казаков под командою полковника Сталя. Вследствие
повеления идти прямо на Ковну, мы свернули 25-го на Лебеду, 26-го пришли в
Лоск, 27-го - в Ольшаны, 28-го - в Малые Солешки, 29-го - в Парадомин и
30-го - в Новые Троки. Там я получил повеление остановиться и ожидать
нового направления.

Во время моего долговременного и бездейственного похода отряды и партии
наши ворвались в Вильну, заваленную несметным числом обозов, артиллерии,
больных, раненых, усталых и ленивых.

Впоследствии каждый отрядный начальник приписал себе честь занятия сей
столицы Литовского государства; но вот истина: пока Чаплиц жевал и
вытягивал периоды витийственной речи к жителям, пока Бенкендорф холился для
женщин и пока Кайсаров медлил у неприятельских обозов, - Тетенборн с
обнаженной саблею повелел редактору виленских газет объявить свету, что он
первый покорил город, и смеялся потом возражениям своих соперников.

Сеславин сделал иначе. Чтобы не обезобразить подвиг сей, я представляю

читателю донесение его, сколько память мне позволит; пусть различит он
самохвальство иноземца с геройским умалением истинного россиянина, едва
намекнувшего о жестокой ране своей в описании деяний своих сотрудников. Вот
оно:

"Генералу Коновницыну. С божиею помощию я хотел атаковать Вильно, но
встретил на дороге идущего туда неприятеля. Орудия мои рассеяли толпившуюся
колонну у ворот города. В сию минуту неприятель выставил против меня
несколько эскадронов; мы предупредили атаку сию своею и вогнали кавалерию
его в улицы; пехота поддержала конницу и посунула нас назад; тогда я послал
парламентера с предложением о сдаче Вильны и, по получении отрицательного
ответа, предпринял вторичный натиск, который доставил мне шесть орудий и
одного орла. Между тем подошел ко мне генерал-майор Ланской, с коим мы
теснили неприятеля до самых городских стен. Пехота французская, засевшая в
домах, стреляла из окон и дверей и удерживала нас на каждом шагу. Я
отважился на последнюю атаку, кою не мог привести к окончанию, быв жестоко
ранен в левую руку; пуля раздробила кость и прошла навылет [60]. Сумского
гусарского полка поручик Орлов также ранен в руку навылет. Генерал Ланской
был свидетелем сего дела. Спросите у него, сам боюсь расхвастаться, но вам
и его светлости рекомендую весь отряд мой, который во всех делах от Москвы
до Вильны окрылялся рвением к общей пользе и не жалел крови за отечество.
Полковник Сеславин. Ноября 27-го".

По прибытии моем в Новые Троки, я получил повеление от генерала Коновницына

следовать на Олиту и Меречь к Гродне, рапорты мои - продолжать писать в
главную квартиру, а между тем не оставлять уведомлением обо всем
происходящем адмирала Чичагова, идущего в Гезну, и генерала Тормасова,
следующего к Новому Свержену, что на Немане.

С сим повелением получил я письмо от генерал-квартирмейстера, в котором
объявляет он о желании светлейшего видеть войска наши в добром сношении с
австрийцами. Сии бумаги были от 30-го ноября. Мы уже сидели на конях, как
вслед за сими повелениями получил я другое, по которому должен был не
выходить из Новых Трок и прибыть особою моею в Вильну для свидания с
светлейшим. Немедленно я туда отправился.

От Новых Трок до села Понари дорога была свободна и гладка. У последнего
селения, там, где дорога разделяется на Новые Троки и на Ковну, груды
трупов человеческих и лошадиных, тьма повозок, лафетов и палубов едва
оставляли мне место для проезда; кучи еще живых неприятелей валялись на
снегу или, залезши в повозки, ожидали холодной и голодной смерти. Путь мой
освещаем был пылавшими избами и корчмами, в которых горели сотни сих
несчастных. Сани мои на раскатах стучали в закостенелые головы, ноги и руки
замерзших или замерзающих, и проезд мой от Понарей до Вильны сопровождаем
был разного диалекта стенаниями страдальцев... восхитительным гимном
избавления моей родины!

Первого декабря явился я к светлейшему. Какая перемена в главной квартире!
Вместо, как прежде, разоренной деревушки и курной избы, окруженной одними

караульными, выходившими и входившими в нее должностными людьми, кочующими
вокруг нее и проходившими мимо войсками, вместо тесной горницы, в которую
вход был прямо из сеней и где видали мы светлейшего на складных креслах,
облокоченного на планы и борющегося с гением величайшего завоевателя веков
и мира, - я увидел улицу и двор, затопленные великолепными каретами,
колясками и санями. Толпы польских вельмож в губернских русских мундирах, с
пресмыкательными телодвижениями.

Множество наших и пленных неприятельских генералов, штаб- и обер-офицеров,
иных на костылях, страждущих, бледных, других - бодрых и веселых, - всех
теснившихся на крыльце, в передней и в зале человека, за два года пред сим
и в этом же городе имевшего в ведении своем один гарнизонный полк и
гражданских чиновников, а теперь начальствовавшего над всеми силами
спасенного им отечества!

Когда я вошел в залу, одежда моя обратила на меня все взоры. Среди облитых
златом генералов, красиво убранных офицеров и граждан литовских я явился в
черном чекмене, в красных шароварах, с круглою курчавою бородою и
черкесскою шашкою на бедре. Поляки шепотом спрашивали: кто такой? Некоторые
из них отвечали: "Партизан Давыдов"; но самолюбие мое услышало несколько
прилагательных, от коих нахлынула на меня толпа любопытных. Не прошло двух
минут, как я был позван в кабинет светлейшего. Он сказал мне, что граф
Ожаровский идет на Лиду, что австрийцы закрывают Гродну, что он весьма
доволен мирными сношениями Ожаровского с ними, но, желая совершенно изгнать

неприятеля из пределов России, посылает меня на Меречь и Олиту, прямо к

Гродне, чтобы я старался занять сей город и очистить окрестности оного

более чрез дружелюбные переговоры, нежели посредством оружия. Если же найду

первый способ недостаточным, то позволил мне прибегнуть и к последнему, с

тем только, чтобы немедленно отсылать пленных в неприятельский корпус не

токмо ничем не обиженных, но обласканных и всем удовлетворенных.

Светлейший заключил тем, что, ожидая с часа на час рапорта от графа

Ожаровского в рассуждении движения его вперед, он полагает нужным, чтобы я

дождался в Вильне сего рапорта, дабы не предпринимать по-пустому ход к

Гродне. В случае же, что граф Ожаровский не двинется из Лиды по каким-либо

причинам, тогда только я должен буду идти поспешнее к назначенному мне

предмету.

Ожидаемый рапорт прибыл 3-го вечером. Граф Ожаровский писал, что 2-го числа

он занял Лиду и немедленно послал два полка занять Белицы, сам же

остановился в первом местечке. Прочитав донесение, я сел в сани и поскакал

в Новые Троки. Сборы мои никогда не были продолжительны: взнуздай, садись,

пошел, и на рассвете партия моя была уже на половине дороги к Меречу[61]. В

сем местечке мы успели захватить огромный магазин съестных припасов,

который я сдал под расписку прибывшему туда командиру Московского

драгунского полка полковнику Давыдову, и продолжал путь вдоль по Неману,

препоруча авангард мой маиору Чеченскому и передав ему наставление, данное

мне светлейшим, как обходиться с австрийцами.

Восьмого числа Чеченский столкнулся с аванпостами австрийцев под Гродною,
взял в плен двух гусаров и, вследствие наставления моего, немедленно
отослал их к генералу Фрейлиху, командовавшему в Гродне отрядом, состоявшим
в четыре тысячи человек конницы и пехоты и тридцать орудий.

Фрейлих прислал парламентера благодарить Чеченского за снисходительный сей
поступок, а Чеченский воспользовался таким случаем, и переговоры между ними
завязались. Вначале австрийский генерал объявил намерение не иначе сдать
город, как предавши огню все провиантские и комиссариатские магазины, кои
вмещали в себе более нежели на миллион рублей запаса. Чеченский отвечал
ему, что все пополнение ляжет на жителей сей губернии и чрез это он докажет
только недоброжелательство свое к русским в такое время, в которое каждое
дружеское доказательство австрийцев к нам есть смертельная рана общему
угнетателю. После нескольких прений фрейлих решился оставить город со всеми
запасами, в оном находившимися, и потянулся с отрядом своим за границу.
Чеченский вслед за ним вступил в Гродну, остановился на площади, занял
постами улицы, к оной прилегающие, и поставил караулы при магазинах и
гошпиталях.

<…> Тринадцатого, вечером, я получил повеление идти на Ганьондз.

Партия моя немедленно туда выступила, но я по приключившейся мне болезни
принужденным нашелся остаться пять дней в Гродне.

Сего числа прибыла в Гродну кавалерия генерал-лейтенанта

Корфа, а на другой
день и пехота генерала от инфантерии Милорадовича. Первому из них я сдал
магазины и гошпитали, находившиеся в этом городе, и, переехав к нему на
квартиру, остался в оной до моего выздоровления.

Не могу умолчать о генерале Милорадовиче. По приезде его в Гродну, все
поляки от меня отхлынули и пали к стопам его; но ему было ни до владычества
своего, ни до подлости других: он в то время получил письмо с драгоценною
саблею от графини Орловой-Чесменской [62]. Письмо это заключало в себе
выражения, дававшие ему надежду на руку сей первой богачки государства.
Милорадович запылал восторгом необоримой страсти! Он не находил слов к
изъяснению благодарности своей и целые дни писал ей ответы, и целые стопы
покрыл своими гиероглифами; и каждое письмо, вчерне им написанное, было
смешнее и смешнее, глупее и глупее! Никому не позволено было входить в
кабинет его, кроме Киселева, его адъютанта, меня и взятого в плен доктора
Бартелеми. Мы одни были его советниками: Киселев - как умный человек
большого света, я - как литератор, Бартелеми - как француз, ибо письмо
сочиняемо было на французском языке. Давний приятель Милорадовича,
генерал-маиор Пассек, жаловался на него всякому, подходившему к неумолимой
двери, где, как лягавая собака, он избрал логовище. Комендант города и
чиновники корпуса также подходили к оной по нескольку раз в сутки и уходили
домой, не получа никакого ответа, от чего как корпусное, так и городское
управление пресеклось, гошпталь обратился в кладбище, полные хлебом,
сукном и кожами магазины упразднились наехавшими в

Гродну комиссариатскими
чиновниками, поляки стали явно обижать русских на улицах и в домах своих,
словом, беспорядок дошел до верхней степени. Наконец Милорадович подписал
свою эпистолу, отверз милосердые двери, и все в оные бросились... но - увы!
- кабинет был уже пуст: великий полководец ускользнул в потаенные двери и
ускакал на бал плясать мазурку, а я сел в сани и явился 18-го числа в
Тикочин, где ожидала меня моя партия.

Переступя за границу России и видя каждого подчиненного моего награжденного
тремя награждениями, а себя - забытым по той причине, что, относясь во всю
кампанию прямо или к светлейшему, или к Коновницыну, я не имел ни одного
посредника, который мог бы рекомендовать меня к какому-либо награждению, -
я не счел за преступление напомнить о себе светлейшему и писал к нему таким
образом:

"Ваша светлость! Пока продолжалась Отечественная война, я считал за грех
думать об ином чем, как об истреблении врагов отечества. Ныне я за
границей, то покорнейше прошу вашу светлость прислать мне Владимира 3-й
степени и Георгия 4-го класса".

В ответ я получил (в селе Соколах, 22-го числа) пакет с обоими крестами и с
следующим письмом от Коновницына: "Получа письмо ваше к его светлости, я
имел счастье всеподданнейше докладывать государю императору об оказанных
вами подвигах и трудах в течение нынешней кампании. Его императорское
величество соизволил повелеть наградить вас орденами 4-го класса св.
Георгия и 3-й степени св. Владимира. С приятностью

уведомляю вас о сем и
проч. Декабря 20-го дня 1812 года. Вильна".

Уверяли меня, что если бы я тогда потребовал Георгия 3-го класса, то, без
сомнения, получил бы его так же легко, как и вышеозначенные награждения.
Поистине я сделал ошибку, по ошибке сей причиною было высокое мнение,
которое я тогда имел о сем ордене: я думал, что я еще не достоин третьего
класса оного! И как осмелиться было требовать полковнику тот орден, который
еще тогда носим был: Остерманом, Ермоловым, Раевским, Коновницыным и
Паленом!

В Соколах я принужден был остановиться вследствие повеления
генерал-адъютанта Васильчикова. Немедленно после сего получил повеление от
генерала Коновницына следовать в Ганьондз для соединения с корпусом
генерала от инфантерии Дохтурова и явиться в команду принца Евгения
Виртембергского, а вскоре потом дошло до меня и повеление от нового
дежурного генерала князя Волконского о том же предмете.

Двадцать четвертого вышло новое размещение войскам, и партия моя поступила
в состав главного авангарда армии, препорученного генералу Винценгероде.
Авангард сей состоял из следующих войск:

Корпус генерал-маиора Тучкова 2-го:

Число людей

Запасных батальонов 20

Пехота Рекрутских 4
5961
Корабельный экипаж 4

Запасных эскадронов 20 1582

Кавалерия

Донских казачьих 6 1123
полков

Батарейная рота 12 орудий

Артиллерия Легких орудий 24 орудия 486

Цесарская 12 орудий

2-й пехотный корпус:

4-я дивизия: четыре полка по два баталиона
2500
3-я дивизия: четыре полка по два баталиона

Батарейная рота 12 орудий

Две легкие роты 24 орудия 400

Конная рота 12 орудий

Два донских полка из авангарда
Милорадовича

Отряд генерала Ланского:

Двадцать эскадронов гусар
1527
Полк уральский казачий 1812
Два уральских казачих полка

Мой отряд:

Два полка казачьих: Попова 13-го и
1-й Бугский 550

Команда гусар и сборных казаков

ИТОГО: 16 041 человек

Таким образом, поступя в начальники авангарда главного авангарда армии, я
сошел с партизанского поприща.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[2] В то время гусарские полки состояли из двух баталионов, каждый баталион
в военное время заключал в себе четыре эскадрона. (Здесь и далее, кроме
переводов с французского,- примечания Д. Давыдова.)

[3] Это было при Колоцком монастыре, в овине, где была его квартира.

[4] Общее мнение того времени, низложенное твердостию войска, народа и
царя.

[5] Некоторые военные писатели приняли в настоящее время за правило
искажать события, в которых принимал участие генерал Ермолов, они
умалчивают о заслугах сего генерала, коего мужество, способности,
бескорыстие и скромность в донесениях слишком всем известны. Так как
подобные описания не могут внушить никакого доверия, я решился либо
опровергать вымыслы этих господ, либо сообщать моим читателям все то, о чем
им не угодно было говорить. Так, например, в описании Бородинского сражения
никто не дал себе труда собрать все сведения о взятии нами редута
Раевского, уже занятого неприятелем. Почтенный Николаи Николаевич Раевский,
именем которого назван этот редут, описывая это событие, упоминает слегка
об Ермолове, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая
должную справедливость блистательному мужеству этих двух генералов и
основываясь на рапорте Барклая и на рассказах очевидцев и

участников этого

дела, все беспристрастные свидетели этого побоища громко признают Ермолова

главным героем этого дела; ему принадлежит в этом случае и мысль и

исполнение.

Это блистательное дело происходило при следующих обстоятельствах: получив

известие о ране князя Багратиона и о том, что 2-я армия в замешательстве,

Кутузов послал туда Ермолова с тем, чтобы, ободрив войско, привести его в

порядок. Ермолов приказал храброму полковнику Никитину (ныне генерал от

кавалерии) взять с собой три конные роты и не терять его из виду, когда он

отправится во 2-ю армию. Бывший начальник артиллерии 1-й армии граф

Кутайсов решился сопровождать его, несмотря на все представления Ермолова,

говорившего ему: "Ты всегда бросаешься туда, куда тебе не следует, давно ли

тебе был выговор от главнокомандующего за то, что тебя нигде отыскать не

могли. Я еду во 2-ю армию, мне совершенно незнакомую, приказывать там

именем .главнокомандующего, а ты что там делать будешь?" Они следовали

полем, как вдруг заметили вправо на редуте Раевского большое смятение:

редутом овладели французы, которые, не найдя на нем зарядов, не могли

обратить противу нас взятых орудий: Ермолов рассудил весьма основательно:

вместо того чтобы ехать во 2-ю армию, где ему, может быть, с незнакомыми

войсками не удастся исправить ход дела, не лучше ли восстановить здесь

сражение и выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем

сражения и справедливо названного Беннигсеном ключом позиции. Он потому

приказал Никитину поворотить вправо к редуту, где они уже

не нашли

Паскевича, а простреленного полковника 26-й дивизии Савоини с разнородной

массой войск. Приказав ударить сбор, Ермолов мужественно повел их на редут.

Найдя здесь баталион Уфимского полка, последний с края 1-й армии, Ермолов

приказал ему идти в атаку развернутым фронтом, чтобы линия казалась длиннее

и ей легче было бы захватить большее число бегущих. Для большего

воодушевления войск Ермолов стал бросать по направлению к редуту

Георгиевские кресты, случайно находившиеся у него в кармане; вся свита

Барклая мужественно пристроилась к ним, и в четверть часа редут был взят.

Наши сбрасывали с вала вместе с неприятелем и пушки; пощады не было никому;

взят был в плен один генерал Бонами, получивший двенадцать ран (этот

генерал жил после долго в Орле; полюбив весьма Ермолова, он дал ему письмо

в южную Францию к своему семейству, которое он просил посетить. При

получении известий о победах французов раны его закрывались, и он был добр

и спокоен, при малейшем известии о неудачах их - раны раскрывались, и он

приходил в ярость).

Так как вся масса наших войск не могла взойти на редут, многие в пылу

преследования, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лесом и

находящемуся впереди, были встречены войсками Нея. Ермолов приказал

кавалерии, заскакав вперед, гнать наших обратно на редут. Мужественный и

хладнокровный до невероятия, Барклай, на высоком челе которого изображалась

глубокая скорбь, прибыв лично сюда, подкреплял Ермолова войсками и

артиллерией. В это время исчез граф Кутайсов, который был

убит близ редута;

одна лошадь его возвратилась. Один офицер, не будучи в состоянии вынести

тела, снял с него знак св. Георгия 3-го класса и золотую саблю. (Этот

молодой генерал, будучи полковником гвардии [в] пятнадцать лет и генералом

- [в] двадцать четыре года, был одарен блистательными и разнообразными

способностями. Проведя вечер 25-го августа с Ермоловым и Кикиным, он был

поражен словами Ермолова, случайно сказавшего ему: "Мне кажется, что завтра

тебя убьют". Будучи чрезвычайно впечатлителен от природы, ему в этих словах

неизвестно почему послышался голос судьбы.) Ермолов оставался на редуте

около трех часов, пока усилившаяся боль, вследствие сильной контузии

картечью в шею, не вынудила его удалиться.

Барклай написал Кутузову следующий рапорт о Бородинском сражении: "Вскоре

после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга сделал он, под

прикрытием сильнейшей канонады и перекрестного огня многочисленной его

артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизией. Ему

удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию; но начальник

главного штаба генерал-майор Ермолов с свойственною ему решительностью,

взяв один только третий баталион Уфимского полка, остановил бегущих и

толпою, в образе колонны, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко;

батареи его делали страшное опустошение, но ничто не устояло... третий

баталион Уфимского полка и Восемнадцатый егерский полк бросились прямо па

батарею, Девятнадцатый и Сороковой егерские полки по левую сторону оной, и

в четверть часа наказана дерзость неприятеля; батарея во

власти нашей, вся

высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими. Бригадный генерал

Бонами был один из снискавших пощаду, а неприятель преследован был гораздо

далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с малыми силами до

прибытия 24-й дивизии, которой я велел сменить расстроенную атакой 26-ю

дивизию". Барклай написал собственноручное представление, в котором просил

князя Кутузова удостоить Ермолова орденом св. Георгия 2-го класса; но так

как этот орден был пожалован самому Барклаю, то Ермолов был лишь награжден

знаками св. Анны 1-го класса.

В Бородинском сражении принимал участие и граф Федор Иванович Толстой,

замечательный по своему необыкновенному уму и известный под именем

Американца; находясь в отставке в чине подполковника, он поступил рядовым в

московское ополчение. Находясь в этот день в числе стрелков при 26-й

дивизии, он был сильно ранен в ногу. Ермолов, проезжая после сражения мимо

раненых, коих везли в большом числе на подводах, услыхал знакомый голос и

свое имя. Обернувшись, он в груде раненых с трудом мог узнать графа

Толстого, который, желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт с

ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин

полковника.

После Бородинского сражения Ермолов отправился с Толем и полковником

(русским, австрийским и испанским) Кроссаром с Поклонной горы к Москве

отыскивать позицию, удобную для принятия сражения. Войска были одушевлены

желанием вновь сразиться с неприятелем; когда, после

Бородинского сражения,

адъютант Ермолова Граббе объявил войскам от имени светлейшего о новой

битве, это известие было принято всеми с неописанным восторгом. Отступление

наших войск началось лишь по получении известия с нашего правого фланга,

которого неприятель стал сильно теснить и обходить. Князь Кутузов, не

желая, однако, оставить столицу без обороны, имел одно время в виду вверить

защиту ее со стороны Воробьевых гор - Дохтурову, а со стороны

Драгомиловской заставы - принцу Евгению Виртембергскому. Граф Ростопчин,

встретивший Кутузова на Поклонной горе, увидав возвращающегося с

рекогносцировки Ермолова, сказал ему: "Алексей Петрович, зачем усиливаетесь

вы убеждать князя защищать Москву, из которой уже все вывезено; лишь только

вы ее оставите, она, по моему распоряжению, запылает позади вас". Ермолов

отвечал ему, что это есть воля князя, приказавшего отыскивать позицию для

нового сражения. Кутузов, узнав, что посланные не нашли хорошей позиции,

приостановил движение корпуса Дохтурова к Воробьевым горам. На Поклонной

горе видны доселе следы укреплений, коих надлежало защищать принцу

Виртембергскому. Кутузов отправил в другой раз к Москве Ермолова с принцем

Александром Виртембергским, Толем и Кроссаром; принц, отличавшийся большою

ученостью, сказал: "En faisanf cheneler les murs des couvents,on aurait pu

y tenir plusieurs jours" (Если бы сделать бойницы в стенах монастырей, то

можно было бы продержаться несколько дней (фр.) Возвратившись в Главную

квартиру, Ермолов доложил князю, что можно было бы, не заходя в столицу,

совершить в виду неприятельской армии фланговое движение

на Тульскую

дорогу, что было бы, однако, не совсем безопасно. Когда он стал с жаром

доказывать,что невозможно было принять нового сражения, князь, пощупав у

него пульс, сказал ему: "Здоров ли ты, голубчик?"-"Настолько здоров,-

отвечал он,- чтобы видеть невозможность нового сражения".

Хотя на знаменитом военном совете в Филях Ермолов, как видно из

предыдущего, был убежден, что новое сражение бесполезно и невозможно, но,

будучи вынужден подать свой голос одним из первых, дорожа популярностью,

приобретенною им в армии, которая приходила в отчаяние при мысли о сдаче

Москвы, и не сомневаясь в том, что его мнение будет отвергнуто

большинством, он подал голос в пользу новой битвы. Беннигсен, находившийся

в весьма дурных сношениях с Кутузовым, постоянно предпочитавшим мнения,

противоположные тем, кои были предложены этим генералом, требовал того же

самого; неустрашимый и благородный Коновницын поддержал их. Доблестный и

величественный Барклай, превосходно изложив в кратких словах материальные

средства России, кои были ему лучше всех известны, требовал, чтобы Москва

была отдана без боя; с ним согласились граф Остерман, Раевский и Дохтуров.

По мнению сего последнего, армия, за недостатком генералов и офицеров, не

была в состоянии вновь сразиться с неприятелем. Граф Остерман, питавший

большую неприязнь к Беннигсену с самого 1807 года, спросил его: "Кто вам

поручится в успехе боя?" На это Беннигсен, не обращая на него внимания,

отвечал: "Если бы в этом сомневались, не состоялся бы военный совет и вы не

были бы приглашены сюда". Вернувшись после совета на свою

квартиру, Ермолов

нашел ожидавшего его артиллерии поручика Фигнера, столь знаменитого

впоследствии по своим вполне блистательным подвигам. Этот офицер, уже

украшенный знаками св. Георгия 4-го класса за смелость, с которою он

измерял ширину рва Рущукской крепости, просил о дозволении остаться в

Москве для собрания сведений о неприятеле, вызываясь даже убить самого

Наполеона, если только представится к тому возможность. Он был

прикомандирован к штабу, и снабжен на Боровском перевозе подорожною в

Казань. Это было сделано затем; чтобы слух о его намерениях не разгласился

бы в армии.

На втором переходе после выступления из Москвы армия наша достигла так

называемого Боровского перевоза. Здесь арьергард был задержан столпившимися

на мосту в страшном беспорядке обозами и экипажами частных лиц; тщетны были

просьбы и приказания начальников, которые, слыша со стороны Москвы пушечные

выстрелы и не зная об истинном направлении неприятеля, торопились

продвинуть арьергард; но обозы и экипажи, занимая мосты и не пропуская

войск, нисколько сами не подвигались. В это время подъехал к войскам

Ермолов; он тотчас; приказал командиру артиллерийской роты, здесь

находившейся, сняться с передков и обратить дула орудий на мост, причем им

было громко приказано зарядить орудия картечью и открыть по его команде

огонь но обозам. Ермолов, сказав на ухо командиру, чтобы не заряжал орудий,

скомандовал: "Пальба первая". Хотя это приказание не было приведено в

исполнение, но испуганные обозники, бросившись частью в реку,

частью на

берег, вмиг очистили мост, и арьергард благополучно присоединился к главной

армии. Лейб-медик Вилье, бывший свидетелем всего этого, назвал Ермолова:

"Homme aux grands moyens" (Человек больших возможностей (фр.)

Бывший дежурный генерал 2-й армии Марин, автор весьма многих комических

стихотворений, часто посещал Ермолова, о котором он говорил: "Я люблю

видеть сего Ахилла в гневе, из уст которого никогда не вырывается ничего

оскорбительного для провинившегося подчиненного".

[6] Генерал-майор Тучков (он ныне сенатором в Москве), отлично сражавшийся,

был изранен и взят в плен в сражении под Заболотьем, что французы называют

Валутинским. Это сражение, называемое также Лубинским, описано генералом

Михайловским-Данилевским, который даже не упомянул о рапорте, поданном

Ермоловым князю Кутузову. Я скажу несколько слов о тех обстоятельствах боя,

которые известны лишь весьма немногим. Распорядившись насчет отступления

армии из-под Смоленска, Барклай и Ермолов ночевали в арьергарде близ самого

города. Барклай, предполагая, что прочие корпуса армии станут между тем

выдвигаться по дороге к Соловьевой переправе, приказал разбудить себя в

полночь для того, чтобы лично приказать арьергарду начать отступление.

Когда наступила полночь, он с ужасом увидел, что второй корпус еще вовсе не

трогался с места; он сказал Ермолову: "Nous sommes en grand danger; comment

cela a-t-il pu arriver?" (Мы в большой опасности, как это могло произойти?

(фр.) К этому он присовокупил: "Поезжайте вперед, ускоряйте

марш войск, а я

пока здесь останусь". Дурные дороги задержали корпус Остермана, который

следовал потому весьма медленно. Прибыв на рассвете в место, где корпуса

Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлег, Ермолов именем Барклая

приказал им следовать далее. Князь Багратион, Ермолов и Толь утверждают,

что Тучкову 3-му надлежало не только занять перекресток дорог, но и

придвинуться ближе к Смоленску на подкрепление Карпова и смену князя

Горчакова. Услыхав пушечные выстрелы, Ермолов писал отсюда Барклаю: "Если

выстрелы, мною слышанные,- с вашей стороны, мы можем много потерять; если

же они со стороны Тучкова 3-го,- большая часть нашей артиллерии может

сделаться добычей неприятеля; во всяком случае прошу ваше

высокопревосходительство не беспокоиться, я приму все необходимые меры".

В самом деле, сто восемьдесят орудий, следуя медленно и по дурным дорогам,

находились еще в далеком расстоянии от Соловьевой переправы. К величайшему

благополучию нашему, Жюно, находившийся на нашем левом фланге, не трогался

с места; Ермолов обнаружил здесь редкую деятельность и замечательную

предусмотрительность. По его распоряжению граф Кутайсов и генерал Пассек

поспешили к артиллерии, которой приказано было следовать как можно скорее;

здесь в первый раз была употреблена команда: "На орудие садись". Ермолов,

достигнув перекрестка, поехал далее по направлению к Соловьевой переправе и

возвращал назад встречаемые им войска. Принц Александр Виртембергский, не

имевший команды, просил Ермолова поручить ему что-нибудь; придав принцу

сведущего штаб-офицера с солдатами, он просил его заняться

улучшением

дорог. Возвратившись к перекрестку, Ермолов узнал здесь от генерала

Всеволожского, что Тучков 3-й находится лишь в трехстах саженях отсюда.

Князь Багратион в письме своем Ермолову от 8-го августа, между прочим,

пишет: "Надо примерно наказать офицера квартирмейстерской части, который

вел Тучкова 3-го; вообрази, что за восемь верст вывел далее, а Горчаков

дожидался до тех пор, пока армия ваша пришла". Взяв в плен двух вестфальцев

корпуса Жюно, Тучков 3-й препроводил их к Ермолову, которому они объявили,

что у них шестнадцать полков одной кавалерии. Ермолов писал отсюда с

капитаном квартирмейстерской части Ховеном (впоследствии тифлисским военным

губернатором) великому князю Константину Павловичу, следовавшему в колонне

Дохтурова, что надо поспешить к Соловьевой переправе, перейти там реку и,

расположившись на позиции, покровительствовать переправе прочих войск.

Приказав именем Барклая Остерману и Тучкову 1-му подкрепить Тучкова 3-го,

Ермолов направил графа Орлова-Денисова к Заболотью, где он, однако, не мог

бы выдержать натиска неприятеля, если бы вместе с тем не ведено было

командиру Екатеринбургского полка князю Гуриелю занять рощу; во время

нападения неприятеля па графа Орлова-Денисова Гуриель поддерживал его

батальным огнем из рощи.

Получив записку Ермолова, Барклай отвечал: "С богом, начинайте, а я между

тем подъеду". Прибыв вскоре к колонне Тучкова 3-го и найдя, что здесь уже

были приняты все необходимые меры, Барклай дозволил Ермолову распоряжаться

войсками. Между тем неприятель, заняв одну высоту

несколькими орудиями,

наносил нам большой вред; Ермолов приказал Желтухину с своими

лейб-гренадерами овладеть этой высотой. Желтухин, не заметив, что высота

весьма крута, повел слишком быстро своих гренадер, которые, будучи весьма

утомлены во время подъема, были опрокинуты неприятелем. Неприятель,

заметив, что этот храбрый полк, здесь сильно потерпевший, намеревается

вновь атаковать высоту, свез свои орудия. Между тем Наполеон навел пять

понтонов, чрез которые французы могли атаковать наши войска с фланга и

тыла; если б Тучков 3-й придвинулся бы ближе к Смоленску, он бы мог быть

отрезан. Все наши войска и артиллерия, благодаря неутомимой деятельности,

энергии и распорядительности Ермолова, но в особенности бездействию Жюно,

достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оценив вполне заслуги

Ермолова, поручил ему представить от своего имени рапорт о том князю

Кутузову.

Однажды Барклай приказал Ермолову образовать легкий отряд. Шевич был

назначен начальником отряда, в состав которого вошли и казаки под

начальством генерала Краснова. Хотя атаман Платов был всегда большим

приятелем Ермолова, с которым он находился вместе в ссылке в Костроме в

1800 году, но он написал ему официальную бумагу, в которой спрашивал, давно

ли старшего отдают под команду младшего, как, например, Краснова

относительно Шевича, и притом в чужие войска? Ермолов отвечал ему

официальною же бумагою, в которой находилось, между прочим, следующее: "О

старшинстве Краснова я знаю не более вашего, потому что в

вашей канцелярии

не доставлен еще формулярный список этого генерала, недавно к вам

переведенного из Черноморского войска; я вместе с тем вынужден заключить из

слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но

никак не подданными его". Правитель дел атамана Смирной предлагал ему

возражать Ермолову, но Платов отвечал: "Оставь Ермолова в покое, ты его не

знаешь, он в состоянии сделать с нами то, что приведет наших казаков в

сокрушение, а меня в размышление".

[7] П. П. Коновницын был в полном смысле слова благородный и неустрашимый

человек, отличавшийся весьма небольшими умственными способностями и еще

меньшими сведениями. Будучи назначен дежурным генералом всех армий, он

вначале посылал бумаги, им получаемые, к Ермолову, прося его класть на них

резолюции. Ермолов исполнил на первый раз его просьбу, но, выведенный из

терпения частыми присылками большого количества бумаг, он возвращал их в

том виде, в каком получал, с адъютантом своим Фонвизиным, который будил

ночью Коновницына и обратно возвращал ему бумаги. Коновницын, прочитав

однажды записку Ермолова, в которой было, между прочим, сказано: "Вы

напрасно домогаетесь сделать из меня вашего секретаря", сказал Фонвизину:

"Алексей Петрович ругается и ворчит". Он приобрел отличного руководителя и

наставника в квартирмейстерском полковнике Говардовском, авторе знаменитого

письма графа Буксгевдена к графу Аракчееву. Этот даровитый штаб-офицер

погиб в Бородинском сражении. Впоследствии Толь совершенно овладел

Коновницыным.

[8] За два дня до моего прихода в село Егорьевское, что на дороге от
Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярского
казачьего полка, состоящую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих
за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка. Они же самые
крестьяне напали на отставшую мою телегу, на коей лежал чемодан и больной
гусар Пучков. Пучкова избили и оставили замертво на дороге, телегу
разрубили топорами, но из вещей ничего не взяли, а разорвали их в куски и
разбросали по полю. Вот пример остервенения поселян на врагов отечества и,
вместе с сим, бескорыстия их.

[9] Но не писать слогом объявлений Ростопчина. Это оскорбляет грамотных,
которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием, а известно,
что письменные люди немалое имеют влияние над безграмотными, даже и в
кабаках.

[10] Во время войны 1807 года командир лейб-гренадерского полка Мазовский
носил на груди большой образ св. Николая-чудотворца, из-за которого торчало
множество маленьких образков.

[11] День вступления французской армии в Москву. Но мы о том не знали.

[12] Я всегда сдавал пленных под расписки. Валовая сделана была по

окончании моих поисков, в окрестностях Вязьмы, и подписана юхновским
дворянским предводителем Храповицким.

[13] Покойного Василия Федоровича.

[14] Он отряжен был в Москву для вербования уланов. Волынский уланский полк
находился в западной армии, под командою генерала Тормасова на Волыни.

[15] Вопреки многим, я и тогда полагал полезным истребление Москвы.
Необходимо нужно было открыть россиянам высший предмет их усилиям, оторвать
их от города и обратить к государству.

Слова "Москва взята" заключали в себе какую-то необоримую мысль, что Россия
завоевана, и это могло во многих охладить рвение к защите того, что тогда
только надлежало начинать защищать. Но слова "Москвы нет" пересекли разом
все связи с нею корыстолюбия и заблуждение зреть в ней Россию. Вообще все
хулители сего превосходства мероприятия ценят одну гибель капиталов
московских жителей, а не поэзию подвига, от которого нравственная сила
побежденных вознеслась до героизма победительного народа.

[16] Ныне генерал-маиором в отставке.

[17] Умер генерал-маиором по кавалерии.

[18] Ныне полковником в отставке.

[19] Ныне в отставке.

[20] Ныне в отставке маиором.

[21] Был хорунжим и убит 1813 года, во время преследования неприятеля,
после победы под Лейпцигом.

[22] Ныне прапорщиком Екатеринославского гарнизонного баталиона.

[23] Генерал Бараге-Дельер был губернатором Смоленской губернии и имел
пребывание свое в Вязьме.

[24] Другие уверяли меня, что на сие отважился сам начальник отряда,
проходившего тогда из Смоленска в Москву; он только истребовал от
губернатора позволение действовать против моей партии.

[25] По взятии 22-го октября города Вязьмы генералом Милорадовичем,
адъютант его, Кавалергардского полка поручик (что ныне генерал-адъютант)
Киселев, отыскал в разбросанных бумагах один из циркуляров, рассылаемых
тогда генералом Бараге-Дельером по войскам, в команде его находившимся и
проходившим чрез Смоленскую губернию, и подарил мне оный. В сем циркуляре
описаны были приметы мои и изложено строгое повеление поймать и расстрелять
меня; я долго хранил его как лучший аттестат действий моих под Вязьмою, но,
к сожалению, затерял его в походе 1813 и 1814 годов.

[26] Я вначале намерен был каждому из них поручить в командование по
полусотне человек в поголовном ополчении, но они на это сказали: "Когда-то
еще бог приведет им подраться, а здесь мы всегда на тычку!" Как жаль, что в
походах я затерял записку с именами сих почтенных воинов!

[27] Так называется и искони называлась долина в трех верстах от Городища.

[28] А ныне и владетель оного.

[29] Ныне один из важнейших генералов бельгийской армии и, кажется, не
главнокомандующий ли?

[30] Пагубная страсть! (фр.)

[31] В то время некоторые гусарские полки были вооружены пиками с
флюгерами, как уланы. Из числа сих полков был и Ахтырский.

[32] Примите, государь мой, вещи, столь для вас драгоценные. Пусть они,
напоминая о милом предмете, вместе с тем докажут вам, что храбрость и
несчастье так же уважаемы в России, как и в других землях. Денис Давыдов,
партизан (фр.).

[33] В описаниях знаменитого Тарутинского сражения многие обстоятельства,
предшествовавшие сражению и во время самого боя, выпущены из виду военными
писателями. Главная квартира Кутузова находилась, как известно, в

Леташевке, а Ермолов с Платовым квартировали в расстоянии одной версты от

этого села. Генерал Шепелев дал 4-го числа большой обед, все

присутствовавшие были очень веселы, и Николай Иванович Депрерадович

пустился даже плясать. Возвращаясь в девятом часу вечера в свою деревушку,

Ермолов получил чрез ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардского

полка, письменное приказание собрать к следующему утру всю армию для

наступления против неприятеля. Ермолов спросил ординарца, почему это

приказание доставлено ему так поздно, на что он отозвался незнанием, где

находился начальник главного штаба. Ермолов, прибыв тотчас в Леташевку,

доложил князю, что, по случаю позднего доставления приказания его

светлости, армию невозможно собрать в столь короткое время. Князь очень

рассердился и приказал собрать все войска к 6-му числу вечером; вопреки

уверениям генерала Михайловского-Данилевского, князь до того времени и не

выезжал из Леташевки. В назначенный вечер, когда уже стало смеркаться,

князь прибыл в Тарутино. Беннигсену, предложившему весь план атаки, была

поручена вся колонна, которая была направлена в обход; в этой колонне

находился и 2-й корпус. Кутузов со свитой, в числе которой находились

Раевский и Ермолов, оставался близ гвардии; князь говорил при этом: "Вот

просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу,

ничего не готово, и предупрежденный неприятель, приняв свои меры,

заблаговременно отступает". Ермолов, понимая, что эти слова относятся к

нему, толкнул коленом Раевского, которому сказал: "Он на мой счет

забавляется". Когда стали раздаваться пушечные выстрелы,

Ермолов сказал

князю: "Время не упущено, неприятель не ушел, теперь, ваша светлость, нам

надлежит с своей стороны дружно наступать, потому что гвардия отсюда и дыма

не увидит". Кутузов скомандовал наступление, но чрез каждые сто шагов

войска останавливались почти на три четверти часа; князь, видимо, избегал

участия в сражении. Место убитого ядром Багговута заступил мужественный

принц Евгений Виртембергокий, который стал у головного полка. Ермолов

послал сказать через капитана квартирмейстерской части Ховена графу

Остерману, чтобы он следовал с своим корпусом быстрее. Остерман выслал к

назначенному месту лишь полковые знамена при ста рядовых. Беннигсен, выведя

войска к месту боя, вернулся назад; если б князь Кутузов сделал с своей

стороны решительное наступление, отряд Мюрата был бы весь истреблен.

Фельдмаршал, окруженный многими генералами, ехавшими верхом, возвратился

вечером в коляске в Леташевку. Он сказал в это время Ермолову: "Голубчик,

неприятель понес большую потерю, им оставлено много орудий в лесу".

Кутузов, не расспросив о ходе дела у главного виновника победы Беннигсена,

послал государю донесение, в котором вместо девятнадцати орудий, взятых у

неприятеля, показано было тридцать восемь. С этого времени вражда между

Беннигсеном и Кутузовым достигла крайних размеров и уже никогда не

прекращалась.

[34] Отряд сей состоял из одного баталиона 19-го егерского полка, двух

баталионов Полоцкого пехотного полка, двух баталионов Вильманстрандского

пехотного полка, из Мариупольского гусарского полка, четырех эскадронов

Елисаветградского гусарского полка, из донских полков Иловайского 11-го и

восьми орудий.

[35] Весь этот разговор был тотчас доведен до сведения государя

находившимся в то время при нашей армии бароном Аншетом.

[36] Ермолов, следуя после Малоярославского сражения с войсками

Милорадовича, отдавал именем Кутузова приказы по отряду; отправляя его,

Кутузов сказал ему: "Голубчик, не все можно писать в рапортах, извещай меня

о важнейшем записками". Милорадович, имея под своим начальством два

пехотных и два кавалерийских корпуса, мог легко отрезать арьергард или

другую часть французской армии. Ермолов приказал потому именем Кутузова

наблюдать головным войскам возможную тишину и порядок, дабы не встревожить

неприятеля, который мог бы расположиться вблизи на ночлег. Однажды главные

силы французов оставались для ночлега близ корпуса принца Евгения

Виртембергского, у самой дороги, по обеим сторонам которой тянулись насыпи.

Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вследствие

продолжительных дождей, представляла как бы дефиле, чрез которое неприятелю

и нам надлежало следовать. Войска бесстрашного принца Виртембергского,

всегда находившегося при головных своих полках, открыли сильный огонь

противу неприятеля, который, снявшись с позиции, двинулся поспешно далее в

ужаснейшем беспорядке; это лишало нас возможности,

атаковав его на

рассвете, отрезать какую-либо колонну. Французы, побросав на дороге много

орудий, значительно задержали тем наши войска, которые были вынуждены

заняться на другой день в продолжение нескольких часов расчищением пути, по

коему им надлежало продолжать свое дальнейшее движение. Милорадович

ограничился лишь весьма легким замечанием принцу, но Ермолов объявил ему

именем Кутузова весьма строгий выговор.

Ермолов просил не раз Кутузова спешить с главною армиею к Вязьме и вступить

в этот город не позже 22-го ноября; я видел у него записку, писанную рукою

Толя, следующего содержания: "Мы бы давно явились в Вязьму, если бы

получали от вас более частые уведомлениями с казаками, более исправными; мы

будем 21-го близ Вязьмы". Князь, рассчитывавший, что он может довершить

гибель французов, не подвергая поражению собственных войск, подвигался

весьма медленно; хотя он 21-го находился близ Вязьмы, но, остановившись за

восемь верст до города, он не решался приблизиться к нему. Желая, однако,

убедить государя в том, что он лично находился во время битвы под Вязьмой,

он выслал к этому городу гвардейскую кавалерию с генерал-адъютантом

Уваровым, который, чтобы не подвергать батарею Козена напрасной потере,

отвел ее назад, ограничившись ничтожною канонадой по городу чрез речку.

Федор Петрович Уваров, отличавшийся рыцарским благородством и мужеством,

пользовался всегда полным благоволением государя, которому он не раз

говаривал: "Выслушайте, ваше величество, со вниманием все то, что я вам

скажу; это принадлежит не мне, а людям, несравненно меня

умнейшим".

Ермолов, потеряв весьма много по службе в последние годы царствования

императора Павла, был даже несколько старее в чине Уварова и князя

Багратиона во время штурма Праги в 1794 году; они были потому в близких

между собою сношениях, и во время Отечественной войны Уваров не раз

говаривал Ермолову: "Мне скучно, ты меня сегодня еще не приласкал".

Прибыв из отряда Милорадовича в главную квартиру, находившуюся в Ельне,

Ермолов застал Кутузова и Беннигсена за завтраком; он долго и тщетно

убеждал князя преследовать неприятеля с большею настойчивостью. При

известии о том, что, по донесениям партизанов, Наполеон с гвардией уже близ

Красного, лицо Кутузова просияло от удовольствия, и он сказал ему:

"Голубчик, не хочешь ли позавтракать?" Во время завтрака Ермолов просил

Беннигсена, на коленях которого он не раз в детстве сиживал, поддержать его

но этот генерал упорно молчал. Когда князь вышел из комнаты, Беннигсен

сказал ему: "Любезный Ермолов, если б я тебя не знал с детства, я бы имел

полное право думать, что ты не желаешь наступления; мои отношения к

фельдмаршалу таковы, что мне достаточно одобрить твой совет, чтобы князь

никогда бы ему не последовал".

[37] Отряд сей состоял из четырех тысяч человек, принадлежавших разным

полкам. Поручение, данное командиру его, видно выше.

[38] В то время Наполеон особою своею был уже в Вязьме, ибо он прибыл туда

19-го, в четыре часа пополудни. Генерал же Эверс не пошел далее и,

вследствие полученного им повеления, прибыл 18-го к вечеру обратно в

Вязьму.

[39] Первого отряд состоял из шести казачьих полков и Нежинского

драгунского, а второго-из 19-го егерского, Мариупольского гусарского, двух

донских, двух малороссийских казачьих полков и шести орудий конной

артиллерии.

[40] По сочинению г. Шамбре видно, что при французской армии шло 605

орудий, 2455 палубов и более 5000 фур, карет и колясок. Порядок марша

неприятеля от Вязьмы был следующий: корпус Жюно, молодая гвардия, 2-й и 4-й

кавалерийские корпуса, старая гвардия, корпус Понятовского, корпус принца

Евгения, корпус Даву и корпус Нея, который составлял арьергард армии.

[41] Сей генерал поступил на место генерала Винценгероде, взятого в плен

посреди Москвы во время выступления из сей столицы французской армии.

[42] Фигнер и Сеславин, как артиллеристы, были безгранично преданы А. П.

Ермолову, к которому в армии, а особенно в артиллерии, питали глубокое

уважение и любовь за его замечательный ум, постоянно веселый нрав и

ласковое со всеми обращение. На записку Ермолова, заключавшую в себе:

"Смерть врагам, преступившим рубеж России", Фигнер отвечал: "Я не стану

обременять пленными". Фигнер и Сеславин, приезжая в главную квартиру,

останавливались у Ермолова, который, шутя, не раз говорил: "Вы, право,

обращаете мою квартиру в вертеп разбойников". В самом деле, близ его

квартиры часто находились партии этих партизанов в самых фантастических

костюмах. При Тарутине Фигнер не раз показывал ту точку в средине

неприятельского лагеря, где он намеревался находиться в следующий день. В

самом деле, на другой день, он, переодетый во французский мундир, находился

в средине неприятельского лагеря и обозревал его расположение. Это

повторялось не раз.

[43] Пошел, пошел (фр.).

[44] Сражение под Красным, носящее у некоторых военных писателей пышное

наименование трехдневного боя, может быть по всей справедливости названо

лишь трехдневным поиском на голодных, полунагих французов: подобными

трофеями могли гордиться ничтожные отряды вроде моего, но не главная армия.

Целые толпы французов, при одном появлении небольших наших отрядов на

большой дороге, поспешно бросали оружие. В самом Красном имел пребывание

Милорадовнч, у которого квартировал Лейб-гусарского полка полковник

Александр Львович Давыдов. Толпа голодных французов, в числе почти тысячи

человек, под предводительством одного единоплеменника своего, служившего

некогда у Давыдова в должности повара, подступила к квартире Милорадовича.

Появление этой толпы, умолявшей лишь о хлебе и одежде, немало всех сначала

встревожило. Храбрый командир Московского драгунского полка полковник

Николай Владимирович Давыдов, называемый torse (кривой (фр.)) по причине

большого количества полученных им ран, ворвался в средину французского

баталиона, которому приказал положить оружие. Утомленная лошадь его упала

от истощения среди баталиона, который тотчас исполнил его требование. Близ

Красного адъютант Ермолова Граббе взял в плен мужественного и ученого

артиллерийского полковника Marion, который очень полюбил Ермолова. Когда в

1815 году Ермолову было приказано обезоружить гарнизон Меца или, в случае

его сопротивления, овладеть штурмом этой крепостью, комендантом был Marion.

Почитая бесполезным обороняться, когда уже вся Франция была занята

союзниками, он сдал Мец, где, принимая Ермолова как старого приятеля, он

познакомил его с своим семейством.

[45] Атаман Платов загремел в Европе чрез кампанию 1807 года. Начальствуя

отрядом, составленным из полков: десяти казачьих, 1-го егерского,

Павлоградского гусарского и двенадцати орудий донской конной артиллерии, он

взял в плен в течение всей вышеозначенной кампании сто тридцать девять

штаб- и обер-офицеров и четыре тысячи сто девяносто шесть рядовых.

Соразмеряя силу его отряда с моей партией, мне следовало бы взять только

семьсот рядовых и двадцать три офицера. Что же причиною, что число пленных,

взятых моими двумя полками, почти равняется с числом пленных, взятых

двенадцатью полками атамана? Не что иное, как действие двух полков моих на

сообщение неприятеля, а двенадцати полков атамана - на

фронт боевой линии

оного. В "Опыте партизанского действия", мною изданном, представляется

превосходство первого действия над последним.

[46] Князь Кутузов, отличавшийся необыкновенным даром слова, не умел,

однако, хорошо излагать на бумаге свои мысли.

[47] Фигнер еще не прибыл в то время из Петербурга, куда, как уже я сказал,

он послан был курьером с донесением о деле при Ляхове.

[48] В числе оных взята была моими казаками карета господина Фена с картами

топографического кабинета Наполеона, с рукописями и с бумагами. К

несчастью, я узнал о том вечером, когда, подошед к бивачному огню, я увидел

все сии сокровища пылающими в костре. Все, что я мог спасти, состояло в

карте России господина Самсона, в кипе белой веленевой бумаги и в визитных

карточках, с которыми господин Фен намеревался разъезжать с визитами по

Москве, и по коим я узнал, что все сие ему принадлежит.

[49] Этот жид имел на себе дубликат, ибо такое же повеление нес на себе

другой жид, которого перехватил Сеславин.

[50] Село, отделенное Днепром от Копыса.

[51] Дивизионный генерал маркиз Илорно, или Алорно, португалец родом,

бывший губернатор в Могилеве, оставил город сей 9-го ноября и отошел в

Бобр.

[52] Он был тогда подпоручиком 26-го егерского полка и адъютантом генерала

Бахметева. Когда генерал сей лишился ноги в Бородинском сражении, он

пристал к генералу Раевскому, а потом служил в моей партии.

[53] Он был ранен в левую ляжку пулею, от которой освободился только в 1818

году, что, однако же, не воспретило ему служить с честью в 1813 и 1814 года

кампании. Он ныне генерал-майором в отставке.

[54] Граф Витгенштейн обязан был взятием Полоцка ополчению, коим

предводительствовал действительный статский советник Мордвинов, которому

здесь неприятельское ядро раздробило ногу. Уже было послано войскам

приказание отступать, но ратники воспротивились, и Витгенштейн, вынужденный

их поддержать, овладел городом.

[55] Адмирал Чичагов, названный Наполеоном cet imbecile d'amiral (этот

слабоумный адмирал (фр.)), был весьма умен, остер и изъяснялся весьма

хорошо и чисто на французском и английском языках. Управление его морским

министерством было ознаменовано тремя подвигами: истреблением части

Балтийского флота (по мнению некоторых, была уничтожена лишь самая гнилая и

негодная часть флота) как бесполезного для России, потому что Зунд

принадлежит Дании, испрошением адмиралу Сенявину ордена св. Александра

Невского вместо св. Георгия 2-го класса за победу при Тенедосе, где им было

выказано более мужества, чем искусства, и переменою покроя

морского

мундира. Оставив министерство, он долго жил за границей и, по возвращении

своем был послан в Молдавию, негодуя на светлейшего, лишившего его чести

подписать мир с турками, он обнаружил некоторые злоупотребления князя во

время командования его молдавскою армиею.

Он вознамерился (по мнению некоторых, вследствие особого приказания)

сделать диверсию полумиллионной армии Наполеона, подступавшей уже к Москве,

движением своим чрез Кроацию и Боснию в Италию; он для этой цели

остановился в Яссах, где, как говорят, приказал убить несколько тысяч

волов, из которых ему хотелось сделать бульон на армию. В армии Чичагова

господствовала строгая дисциплина, далеко превосходившая ту, которая

существовала в армии Витгенштейна. Во время обеда, данного Чичаговым в

Борисове, авангард его под начальством графа Павла Палена, выставленный в

Неманице, был опрокинут войсками Домбровского, которые преследовали наших

до самого города; все устремились к единственному мосту, где столпились в

страшном беспорядке. К счастью, неприятель, пришедший сам в расстройство,

не мог довершить поражения; однако несколько орудий, много обозов и

серебряный сервиз адмирала достались ему в руки. Когда Чичагов, вернувшись

из Игумена, решился атаковать французов, он, по мнению некоторых, обратясь

к своему начальнику штаба Ивану Васильевичу Сабанееву (отлично-способному

генералу, которого Ермолову удалось впоследствии оправдать в глазах

императора Александра, почитавшего его пьяницей), сказал ему: "Иван

Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться

войсками, примите

команду и атакуйте неприятеля". Сабанеев атаковал французов, но был ими

разбит по причине несоразмерности в силах.

Военный писатель, генерал Водонкур, человек весьма умный, но не храбрый,

знавший отлично теорию военного искусства до первого выстрела и

пользовавшийся долго гостеприимством Чичагова, написал ему похвальное

слово. Генерал Гильемино, человек глубоких сведений, ясного ума и

блистательной храбрости, бывший начальником штаба 4-го италианского

корпуса, артиллерией которого командовал Водонкур, говорил мне, что он во

время сражения никогда не мог отыскать Водонкура для передачи ему

приказаний.

[56] Так как переправа совершалась 16-го числа, то покажется

сверхъестественным, чтобы я мог узнать об оной того же дня, быв удален на

сто верст от французской армии. Я сему другой причины не полагаю, как то,

что переправа началась 14-го в восемь часов утра, а как известие о том

дошло до меня посредством жителей, которым достаточно увидеть мост и десять

человек на противном берегу, чтобы заключить об успехе,- то видно, что при

появлении первых неприятельских войск на правом берегу распространился слух

о переходе всей армии, и этот-то слух дошел и до меня.

[57] Полковник Толь, добрым расположением которого я всегда пользовался,

был человек с замечательными способностями и большими сведениями. Он

получил воспитание в одном из кадетских корпусов во время командования ими

Михаила Илларионовича Кутузова, покровительством которого он всегда

пользовался. Во время Отечественной войны он был еще молод и мало опытен, а

потому он нередко делал довольно значительные ошибки. Так, например, во

время отступления наших армий к Дорогобужу он за несколько верст до этого

города нашел для них позицию близ деревни Усвятья. Во время осмотра этой

позиции, которая была весьма неудобна, потому что правый фланг отделялся от

прочих частей армии болотом и озером, князь Багратион, в присутствии многих

генералов, сказал Толю: "Вы, г. полковник, своего дела еще не знаете,

благодарите бога, что я здесь не старший, а то я надел бы на вас лямку и

выслал бы вон из армии". Не дождавшись неприятеля, обе армии, вопреки

уверениям Барклая, отошли к Дорогобужу, где Толем была найдена другая

позиция, которою князь Багратион также не мог остаться довольным. Во время

осмотра новой позиции Ермоловым граф Павел Строганов указал ему на

следующую ошибку Толя: его дивизия была обращена затылком к тылу стоящей

позади ее другой дивизии. Трудно объяснить себе, каким образом столь

искусный и сметливый офицер, каков был Толь, мог делать столь грубые

ошибки; почитая, вероятно, невозможным принять здесь сражение, он не

обратил должного внимания на выбор позиции. Несмотря на записку, поданную

Барклаю Ермоловым, всегда отдававшим полную справедливость способностям и

деятельности Толя, он был выслан из армии. Князь Кутузов, проезжая в армию

и найдя Толя в Москве, взял его с собою. Впоследствии он приобрел большую

опытность и заслужил репутацию искусного генерала. Он, в качестве

начальника главного штаба, принимал участие в войнах 1828, 1829, 1831

годов; эти войны, в особенности первая половина войны 1831 года, богаты

немаловажными ошибками. Зная недружелюбные отношения графа Дибича и Толя

между собою, невозможно положительно сказать, в какой степени каждый из них

здесь виноват; во всяком случае, Толь, по званию своему во время ведения

этих войн, не может не принять на себя ответственности за многое,

совершенное в эту эпоху. Но венец его славы -это взятие Варшавы; здесь

деятельность, мужество и в особенности вполне замечательная решительность

Толя достойны величайших похвал.

[58] Ковна заключала в себе огромные магазины и казну в два с половиною

миллиона франков. Местечко сие защищаемо было полутора тысячами человек

новобранных немецких воинов и сорока двумя орудиями, из коих двадцать пять

имели полную упряжь.

[59] Когда по совершении сего блистательного подвига Сеславин кормил

лошадей и отдыхал за Березиной, казачий генерал Денисов с партиею от

Платова отряда перешел чрез пустой город и донес атаману, что он занял

оный, а не Сеславин. Платов приказал последнему отдать пленных Денисову и,

взяв на себя как славу занятия Борисова, так и открытия сообщения с

Чичаговым, донес о том главнокомандующему. Пораженный такою наглою

несправедливостью, Сеславин того же дня написал генералу Коновницыну:

"Платов отнимает славу моего отряда, усиленного пехотою Чичагова. Неужто

надо быть генералом, чтобы быть правым? Спросите обо всем у адмирала, я
врать не стану".

Девятнадцатого был сделан запрос от светлейшего Чичагову, правда ли, что
Сеславин, усиленный его пехотою, первый занял Борисов, открыл сообщение
графа Витгенштейна с его армией и чрез то был виновником взятия нескольких
тысяч пленных? Вот ответ Чичагова: "Иметь честь получить предписание вашей
светлости от 19-го сего месяца под Є 553, обязанностию поставляю донести,
что гвардии капитан Сеславин, действительно, первый занял город Борисов и
открыл сообщение со мною генерала от кавалерии графа Витгенштейна, доставя
от него в то же время письменное ко мне об его движении и предположениях
уведомление; равным образом и сдача в плен нескольких тысяч неприятеля была
следствием занятия им сего города и соединенного действия с вверенною мне
армиею корпуса графа Витгенштейна. Чичагов. Є 1944. Ноября 22-го дня 1812
года. М. Илия".

Я вошел в подробности сего случая для того только, чтобы показать, сколько
дух зависти обладать может и воином, свершившим круг, обильный
блистательными подвигами, гремевшим в Европе (главным именем и коему
желать, кажется, ничего не оставалось. Что же должно было ожидать
партизанам от тех, кои, удрученные пышными названиями, считают число чинов
и крестов своих числом контузий и поклонов, приправленных подарками
сочинителям реляций и представлений.

[60] 1810 года на штурме Рущука, шедший спереди колонны с

охотниками, он

получил жестокую рану в правую руку; пуля раздробила кость и прошла

навылет.

[61] Кажется, что светлейшего намерение было подстрекнуть графа Ожаровского

на следование поспешнее к Гродне, дабы тем облегчить покушение на сей город

моей партии, ибо 4-го числа послана была к нему бумага следующего

содержания: "Весьма приятны были светлейшему данные вашим сиятельством

известия; а как неприятель, вероятно, отступает за границу нашу, то и

приказал его светлость по близости вашей к Шварценбергу наблюдать за его

движениями и предоставляет вам случай завладеть Гродною. Генерал-лейтенант

Коновницын". Означенная бумага разъехалась с рапортом графа Ожаровского, в

котором он писал: "В Белице и в окрестностях ее совершенный недостаток в

провианте, а особливо в фураже, по долговременному пребыванию там

австрийских войск; почему, заняв донскими казаками Белицу и Ищолку, прошу

ваше превосходительство позволить мне с остальною частию вверенного мне

отряда остаться в Лиде для удобнейшего продовольствия и поправления

кавалерии. Генерал-адъютант граф Ожаровский". 8-го числа декабря отряд его

приказано было распустить.

[62] Сабля эта, осыпанная драгоценными алмазами, была пожалована ее отцу

императрицей Екатериной во время каруселя. Письмо графини Орловой было

доставлено Милорадовичу чрез адъютанта его Окулова; Милорадович в

присутствии своего штаба несколько раз спрашивал у

Окулова: "Что говорила

графиня, передавая тебе письмо?" - и, к крайнему прискорбию своему, получал

несколько раз в ответ: "Ничего". Милорадович возненавидел его и стал его

преследовать. Окулов погиб скоро в аванпостной сшибке.

Граф Милорадович был известен в нашей армии по своему необыкновенному

мужеству и невозмутимому хладнокровию во время боя. Не будучи одарен

большими способностями, он был необразованный и малосведущий генерал,

отличался расточительностью, большою влюбчивостью, страстью изъясняться на

незнакомом ему французском языке и танцевать мазурку. Он получил несколько

богатых наследств, но все было им издержано весьма скоро, и он был не раз

вынуждаем прибегать к щедротам государя. Беспорядок в командуемых им

войсках был всегда очень велик; он никогда не ночевал в заблаговременно

назначаемых ночлегах, что вынуждало адъютантов подчиненных ему генералов,

присылаемых за приказаниями, отыскивать его по целым ночам. Он говаривал

им: "Что я скажу вашим начальникам; они лучше меня знают, что им следует

делать". После Малоярославского сражения Ермолов, которого он всегда

называл sa passion (своей страстью (фр.)), следуя при его отряде, отдавал

приказания именем Кутузова. Впоследствии, будучи С.-Петербургским

генерал-губернатором, Милорадович, выделывая прыжки перед богатым зеркалом

своего дома, приблизился к нему так, что разбил его ударом головы своей;

это вынудило его носить довольно долго повязку на голове. Он был обожаем

солдатами, и, невзирая на то, что не только не избегал опасности, но

отыскивал ее всегда с жадностью, он никогда не был ранен на

войне. Умирая,

Милорадович сказал: "Я счастлив тем, что не умираю от солдатской пули". Он

был влюблен в госпожу Дюр; когда она занемогла жабой в горле, он всюду

рассказывал: "Elle a l'equinoxe a la gorge" (У нее равноденствие в горле

(фр.)).